

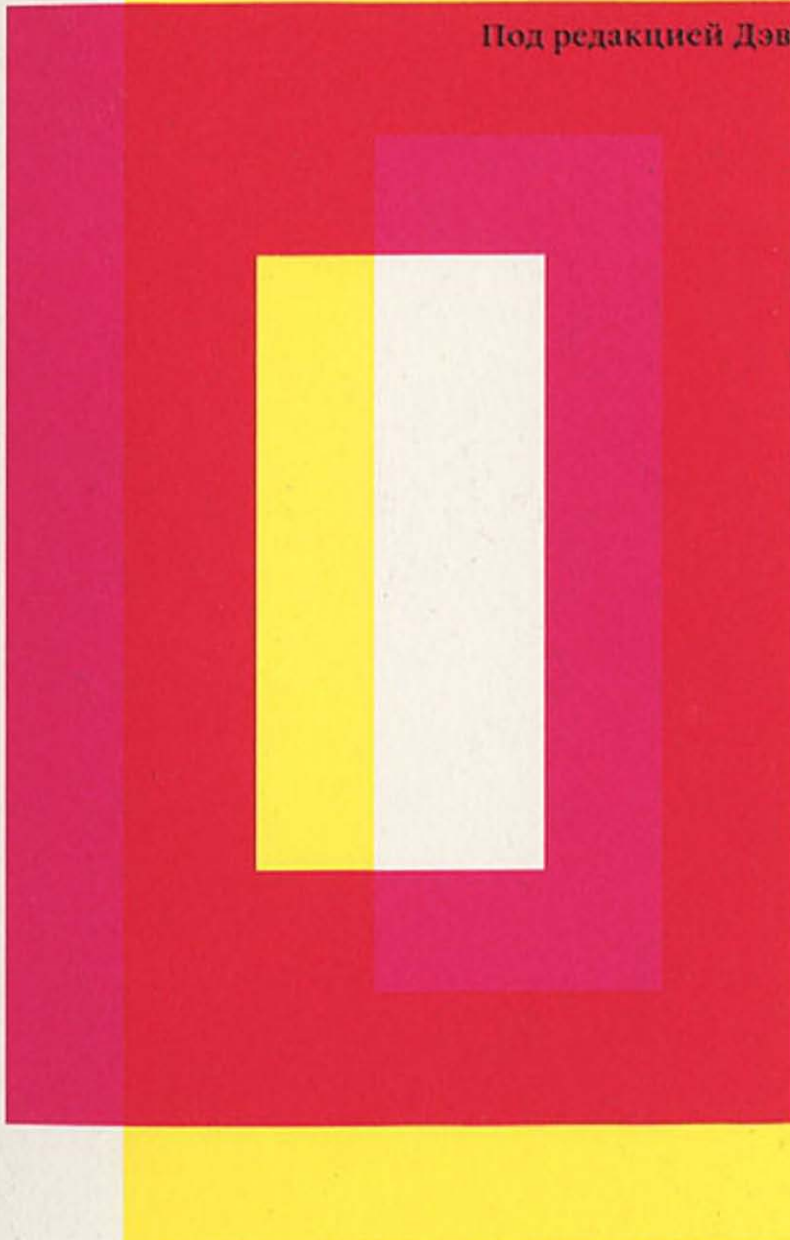
Сьюзен Сонтаг

Заново рожденная

Дневники и записные книжки

1947–1963

Под редакцией Дэвида Риффа

Заново рожденная

Susan Sontag Reborn

Journals and Notebooks
1947–1963

Edited by David Rieff

Farrar, Straus and Giroux
New York

Сьюзен Сонтаг

Заново рожденная

Дневники и записные книжки
1947–1963

Под редакцией Дэвида Риффа

Перевод с английского Марка Дадяна

Ад Маргинем Пресс

Москва

УДК 821.11(73)-94Сонтаг С.

ББК 84(7=432.11)6-49

С 62

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы
Центра современной культуры «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

AdMarginem

Издательство благодарит *The Wylie Agency*
за помощь в приобретении прав на данное издание

Сонтаг, Сьюзен
С62 Заново рожденная. Дневники и записные книжки 1947–1963. — М.:
ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 344 с. — 18+

ISBN 978-5-9103-142-8

© The Estate of Susan Sontag, 2008
All rights reserved

© М. Дадян, перевод, 2013

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Art Foundation, 2013

Содержание

Предисловие. Дэвид Рифф 7

Заново рожденная 15

Предисловие

Мне всегда казалось, что одна из глупейших вещей, которые мы, живущие, говорим об умерших, — это фраза: «Покойный хотел бы устроить дело именно так». В лучшем случае мы строим догадки; чаще всего нами руководит гордыня, сколько бы мы ни прикрывались благими намерениями. Знать невозможно. Так что вне зависимости от откликов на публикацию «Заново рожденной» — первого тома из ожидаемого трехтомного издания избранных дневников Сьюзен Сонтаг — следует тут же сказать, что эту книгу она бы вряд ли выпустила сама (если бы вообще согласилась на издание своих дневников). В действительности ответственность за решение о публикации и составе книги несу я один. Даже в отсутствие цензуры литературные опасности и нравственный риск подобного предприятия очевидны. *Caveat lector**

Я был бы рад, если бы решение осталось не за мной. Однако моя мать умерла, не распорядившись как судьбой своих личных бумаг, так и неизданных или незавершенных рукописей. Возможно, данное обстоятельство не вяжется с характером Сьюзен Сонтаг, которая была так строга к своим трудам, рьяно проверяла переводы собственных сочинений даже на малознакомые языки и высказывала весьма компетентные мнения об издателях и журналах во всем мире. Однако, несмотря на летальность миелодиспластического синдрома (рака крови, убившего ее 28 декабря 2004 года), она продолжала верить, почти до последних недель жизни, что выживет. Так что, не утруждая себя мыслями о том, как другим следует обращаться с ее рукописями после ее ухода (так, возможно, поступил бы человек, смирившийся с близостью конца), она с энтузиазмом говорила о возвращении к работе, обо всем том, что ей предстоит сделать после выписки из больницы.

* Да остережется читатель (лат.). — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. перев.

Что до меня, я лично считаю, что она имела полное право вести себя перед лицом смерти так, как ей представлялось необходимым. Во время последней схватки с болезнью она не была должна ничего — ни будущим читателям, ни тем более мне. Но у ее решения оказались и непреднамеренные последствия, причем наиболее важным из них стала перешедшая ко мне обязанность распорядиться изданием ее рукописей. Что касается эссе, опубликованных через два года после ее смерти в сборнике «А в это время», дела обстояли довольно просто. Несмотря на то что моя мать, несомненно, переработала бы эссе для второго издания, все они уже публиковались при ее жизни или были представлены в качестве лекций. Ее намерения были вполне ясны.

Совсем другое дело — настоящие дневники. Она вела их исключительно для себя с известным постоянством, с юности и до последних лет жизни, когда ее восторг перед компьютерами и электронной почтой, казалось, убавил ее желание писать в дневник. Сьюзен Сонтаг не давала согласия на публикацию и единой строки из своих тетрадей и, в отличие от ряда знаменитых авторов дневников, никогда не читала из них друзьям, хотя ее близкие и знали об их существовании, как знали они о ее привычке, заполнив одну тетрадь, помещать ее подле тетрадей-предшественников в большом стенном шкафу своей спальни, где хранились и другие сокровища вполне частной природы — например, семейные фотографии или сувениры из детства.

Ко времени ее последней болезни весной 2004 года таких тетрадей набралось около ста. Обнаруживались и новые, по мере того как ее последний секретарь Энн Джамп, ближайший друг Паоло Дилонардо и я разбирали ее вещи в первый год после смерти. У меня было лишь смутное представление о содержании дневников. Единственный разговор, который состоялся у меня с матерью по этому поводу, произошел вскоре после начала ее болезни, пока в ней еще не возродилась вера, что она сможет победить рак крови — как преодолевала раковые заболевания уже дважды в жизни. Разговор

состоял из ее единственной фразы, произнесенной шепотом: «Ты знаешь, где дневники». Она не сказала ни слова о том, что мне с ними делать.

Не могу утверждать наверняка, но если бы мое решение никак не зависело от внешних обстоятельств, я, вероятно, долго бы выжидал, прежде чем издать дневники или вообще отказался от публикации. В иные минуты мне хотелось их сжечь. Но это чистой воды фантазии. В действительности физические дневники Сьюзен Сонтаг мне не принадлежат. Еще находясь в добром здравии, моя мать продала свои бумаги библиотеке Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, и, согласно договоренности, их надлежало передать в библиотеку после ее смерти, наряду с другими бумагами и книгами. Что и было сделано. А коль скоро контракт, заключенный моей матерью, не содержал явного запрета на доступ к бумагам, то вскоре я понял, что решение остается за мной. Труд по приведению дневников в порядок и их изданию должен был взять на себя я — или это сделал бы кто-нибудь другой.

Впрочем, меня не покидают дурные предчувствия. Сказать, что ее дневники тождественны саморазоблачению, — значит не сказать ничего. Я включил в публикацию немало крайне жестких суждений моей матери. Она была скорой на «расправу». Но обнаружение в ней этого качества — а настоящие дневники полны разоблачений — с неизбежностью вовлекает читателя в обсуждение *ее самой*. Основная дилемма здесь в том, что моя мать, по крайней мере в последние десятилетия жизни, вовсе не была склонна к откровениям. В частности, она отказывалась, насколько это было возможно, от всякого обсуждения своей гомосексуальности (хотя не отрицала ее) или творческих достижений. Поэтому мое решение, говоря начистоту, определенно нарушает ее приватность.

В свою очередь, эти дневники тесно связаны в жизни Сонтаг с ее юношеским самопознанием природы своей сексуальности, с ранним опытом и переживаниями шестнадцатилетней студентки Университета Калифорнии в Беркли; в них говорится и о двух

больших романах, которые случились у нее в молодости — во-первых, с женщиной, именуемой здесь Г. (с которой она познакомилась в первый год учебы в Беркли, а позже, в 1957 году, жила с ней в Париже), и, во-вторых, с драматургом Марией Ирэн Форнес, с которой моя мать познакомилась в том же году в Париже (Форнес и Г. ранее были любовницами). Ее отношения с Форнес развивались в Нью-Йорке с 1959 по 1963 год, после того как моя мать вернулась в Соединенные Штаты, развелась с отцом и переехала на Манхэттен.

После того как я принял решение о публикации ее дневников, передо мной более не вставал вопрос об исключении той или иной части материала — ввиду того ли, что моя мать будет выставлена в определенном свете, или из-за ее откровенности в вопросах секса, или по причине безжалостности к фигурирующим в дневниках людям, хотя я и опустил подлинные имена нескольких реальных лиц. Напротив, в принципе отбора материала я отчасти исходил из того, что в силу его шероховатости, «неприглаженности» читателю удастся увидеть Сьюзен Сонтаг молодой женщиной, вполне осмысленно и решительно творящей саму себя. И в этом тоже притягательная сила ее дневников. По этой же причине я озаглавил книгу — «Заново рожденная», воспользовавшись фразой, начертанной на первой странице одного из ранних дневников; мне кажется, слова эти точно характеризуют мою мать с самого ее детства.

Никого из американских писателей ее поколения нельзя отождествить с европейскими литературными вкусами в большей степени, чем мою мать. Невозможно вообразить ее говорящей, что ей предстоит «поведать сагу Таксона» или «сагу Шерман Оукс, шт. Калифорния», как сказал, относительно начала собственного творческого пути, Джон Апдайк, что для рассказов у него, дескать, был целый мир — Шиллингтон в Пенсильвании. Тем более невероятно предполагать, что моя мать могла бы обратиться за вдохновением к своему детству или социальным и этническим корням, как поступили многие из принадлежавших к ее поколению американских писателей еврейского происхождения. История ее жизни (тем более уместным

представляется мне теперь наименование книги — «Заново рожденная») совсем о другом. В известном смысле это история Люсьена Рюбампре — честолюбивого юноши из глубокой провинции, мечтающего завоевать столицу.

Разумеется, моя мать не была похожа на Рюбампре во всем остальном — в характере, темпераменте или целях. Она не стремилась снискать благосклонность света. Напротив, она верила в собственную звезду. С юности ее не покидала убежденность в своем даре и предназначении. Яростное, неутихающее желание расширить границы своей образованности — занятие, которому она уделяет столько места в дневниках и которое я соответствующим образом представил в книге, — было, в известном смысле, материализацией самой себя. Ей хотелось быть достойной писателей, художников и музыкантов, перед которыми она благоговела. В этом смысле к Сьюзен Сонтаг можно применить *mot d'ordre** Исаака Бабеля: «Я должен знать все».

Совсем по-другому мыслят сегодня. Вера в себя — постоянная величина в сознании всех успешных людей, однако форма такой самоуверенности определяется культурой и существенно разнится от одного исторического периода к другому. У моей матери, мне кажется, было сознание XIX века, и самопогруженность в ее дневниках вызывает к памяти нескольких себялюбивых великанов — скажем, Томаса Карлейля. В начале XXI века регистр честолюбия совершенно иной. Читатель, ищущий в этих текстах иронию, не найдет и следа ее. Моя мать прекрасно это понимала. В эссе об Элиасе Канетти, которое, наряду с очерком о Вальтере Беньямине, следует считать ее наибольшим приближением к жанру автобиографии, она одобрительно цитирует слова Канетти: «Пытаюсь вообразить себе человека, который сказал бы Шекспиру: “Расслабься!”»

Так что повторим — *caveat lector*. Перед нами дневник, в котором искусство воспринимается как вопрос жизни и смерти, где ирония считается пороком, а не добродетелью, а серьезность — величайшим из благ. Такие воззрения выработались у моей матери рано. И в ее

* Призыв (*фр*).

жизни никогда не было недостатка в людях, которые пытались уговорить ее «расслабиться». Она вспоминала, как ее доброжелательный, традиционного склада отчим — герой войны — умолял ее поменьше читать, из страха, что она не найдет себе мужа. В том же духе, хотя и более высокомерно, высказался философ Стюарт Гемпшир, ее наставник в Оксфорде, который с досадой вскричал однажды во время коллоквиума: «Ох уж эти американцы! Вы такие серьезные... точно немцы». Он вовсе не собирался делать ей комплимент, но для моей матери эта фраза была как знак почета.

Вышесказанное может натолкнуть читателя на мысль, что моя мать была «природным европейцем» — по определению Исая Берлина, считавшего, что есть европейцы — «природные» американцы и американцы — «природные» европейцы. Однако я не думаю, что подобное определение вполне справедливо в отношении моей матери. Правда, что в ее глазах американская литература была окраиной великой европейской — в первую очередь немецкой — литературы, и все же в глубине души она, вероятно, верила, что способна пересоздать себя, что все мы способны пересоздать себя, что каждый человек может или мог бы, обладая он необходимой волей, сбросить как балласт или выйти за пределы всех обстоятельств своего воспитания и образования. Это ли не воплощение слов Фитцджеральда, что «в жизни американцев нет вторых актов»? Как я говорил, на смертном одре, который она, в сущности, таковым не воспринимала, она планировала свой следующий первый акт и намеревалась прожить его, как только лечение добудет ей еще немного срока.

В таком отношении к жизни моя мать была замечательно последовательна. При чтении дневников меня неизменно поражает, что всю жизнь, с юности до старости, она, похоже, вела одну и ту же битву — с внешним миром и с собой. Ее художественное чутье, ее захватывающая дух уверенность в правоте собственных суждений, ее необычайная, жадная страсть к искусству — чувство, что она должна прослушать каждое музыкальное произведение, увидеть каждую картину или скульптуру, вчитаться в каждую великую

книгу, — присутствовали в ней с самого начала, уже тогда, когда она составляла списки книг, которые хотела прочитать, и помечала галочкой прочитанные. Но столь же сильным было у нее ощущение провала, непригодности для любви и даже для эроса. Ей было так же неуютно со своим телом, как спокойно со своим разумом.

Это печалит меня больше, чем я в состоянии выразить. Еще в ранней молодости моя мать совершила поездку в Грецию. Там, в южной части Пелопоннеса, ей довелось смотреть постановку «Медии» в древнем амфитеатре. Представление глубоко ее растрогало, так как в ту минуту, когда Медия собиралась убить своих детей, из зала стали раздаваться крики: «Нет, не делай этого, Медия!». «У этих людей не было и мысли о том, что перед ними — произведение искусства, — говорила она мне неоднократно. — Для них все было реально».

Столь же реальны ее дневники. Читая их, я с тревогой замечая, что реагирую примерно так же, как те греческие зрители в середине пятидесятых годов прошлого века. Мне хочется крикнуть: «Не делай этого!» Или: «Не будь к себе такой немилосердной!» Или: «Не думай о себе так хорошо!» Или: «Остерегайся, она не любит тебя!» Но я, разумеется, опоздал: представление окончилось, и главная героиня ушла, как и большинство персонажей.

Остаются боль и честолюбие. Настоящие дневники колеблются между двумя этими полюсами. Хотелось бы моей матери обнаружить сокровенное? Так или иначе, здесь уже говорилось, что существовали практические причины для моего решения самому подготовить к печати и издать дневники Сьюзен Сонтаг, пусть многое в них причиняет мне боль, а многие вещи я бы предпочел не знать сам или скрыть от других.

Знаю только, что как читатель и писатель моя мать любила дневники и письма — и чем они были откровеннее, тем лучше. Возможно, Сьюзен Сонтаг-писатель одобрила бы мой поступок. По крайней мере, я на это надеюсь.

Дэвид Рифф

Заново рожденная

23/II/1947

Я верю в то, что:

- (а) Нет личного бога или жизни после смерти
- (б) Самое желанное на свете — свобода быть верной себе,
т. е. честность
- (в) Единственное различие между людьми состоит в уровне интеллекта
- (г) Единственный критерий поступка в том, насколько счастливее или несчастливее он, в конечном счете, сделал человека
- (д) Неправедно лишать жизни любого человека. [*Пункты «е» и «ж» в списке отсутствуют*.*]
- (з) Кроме того, я верю в то, что идеальное государство (за исключением «г.») должно быть сильным и централизованным, с государственным контролем над общественными службами, банками, шахтами и рудниками + с системой транспорта, субсидиями искусству, достойной минимальной заработной платой, поддержкой инвалидов и престарелых. Государственное обеспечение для всех беременных женщин, независимо от того, скажем, законнорожденный ли ребенок.

* Следуя логике и образцу оригинального издания, здесь и далее в квадратных скобках приведены восстановленные фрагменты текста и примечания Дэвида Риффа — сына Сьюзен Сонтаг и редактора настоящего издания ее дневников.

1948

13/4/1948

Идеи нарушают плоскостность жизни

29 /7/ 1948

...И ведь что это означает — быть юной по годам и вдруг проснуться к муке, к срочности жизни?

Это — услышать, однажды, отзвуки тех, кто не следует за нами, кто отстал, это выйти на неверных ногах из джунглей и рухнуть в пропасть:

Это — быть слепым к недостаткам мятежников, томиться мучительно, всем естеством, преодолев противоположности детства. Это стремительность, неистовый энтузиазм, немедленно потопленный в потоке самоуничтожения. Это жестокое осознание собственной самонадеянности...

Это унижение с каждой обмолвкой, бессонные ночи, проведенные за подготовкой к завтрашнему разговору, и самобичевание за разговор вчерашний... склоненная голова, сжатая между ладоней... это «боже мой, боже мой»... (конечно, со строчной буквы, потому что бога нет).

Это охлаждение чувств, испытываемых к своей семье и ко всем кумирам детства... Это ложь... И возмущение, а затем ненависть...

Это рождение цинизма, испытание каждой мысли, и слова, и поступка. («Ах, быть совершенно, предельно откровенной!») Это горькое, безжалостное исследование мотивов...

Это открытие того, что катализатор...[Запись обрывается.]

19/8/1948

То, что некогда казалось сокрушающим грузом, внезапно поменяло положение и, благодаря удивительному тактическому маневру, метнулось мне под бегущие ноги, превратившись в засасывающую воронку, которая увлекает, истощает меня. Как бы я хотела капитулировать! Как просто было бы убедить себя в благовидности жизни моих родителей! Если бы на протяжении целого года я наблюдала только своих родителей и их друзей, сдалась ли бы я — капитулировала? Требует ли мой «интеллект» частого омоложения у источников неудовлетворенности *другого* и чахнет ли он без этого? Смогу ли я исполнить свой обет? Ведь иногда мне кажется, что я ступаю по льду, колеблюсь — порой я даже допускаю мысль о том, что во время учебы в колледже буду жить дома.

Думать я могу только о матери, о том, как она красива, какая у нее гладкая кожа, как она меня любит. Как она сотрясалась от плача в тот день (ей не хотелось, чтобы ее услышал папа в соседней комнате), и звук каждой придушенной волны рыданий был как огромный акт икоты — какая трусость, что люди вовлекаются, точнее, безучастно, по обычаю позволяют себя вовлечь в стерильные отношения — как убога, тосклива, несчастна их жизнь —

Как же я могу ранить ее еще больше, учитывая то, что она уже измучена, и то, что она *никогда* не сопротивляется?

Как мне помочь самой себе, ожесточить себя?

1/9/1948

Что означает фраза «в дымину»?

Гора, пущенная из пращи.

Как можно скорее прочесть «Дуинские элегии» [Рильке] в переводе [Стивена] Спендера.

Вновь погружаюсь в Жида — какая ясность и точность! Поистине, несравненна тут сама личность автора — вся его проза кажется незначительной, тогда как «Волшебная гора» [Манна] — это книга на всю жизнь.

Я знаю наверное! «Волшебная гора» — прекраснейший роман из всех, что я читала. Сладость повторного, но оттого не менее значительного знакомства с произведением, доставляемое им мирное, созерцательное наслаждение невозможно ни с чем сравнить. Однако для эмоционального воздействия как такового, для ощущения *физического* удовольствия, осознания учащенного дыхания и стремительности растрчиваемых жизней, спешки, спешки, для знания жизни — нет, не то — для знания того, как быть живым, я бы выбрала «Жана-Кристофа» [Ромена Роллана]. Но «Жана-Кристофа» можно прочитать только раз.

•

...Когда меня не станет, пусть воскликнут:

«Грехи его ужасны, но книги не умрут».

Хилэр Беллок

•

Всю вторую половину дня погружена в Жида и слушаю запись [моцартовского] «Дон Жуана» (оркестр под руководством [дирижера Фрица] Буша [Глиндебурнский фестиваль]). Некоторые арии (такая душераздирающая сладость!) я слушала снова и снова («Mi tradi quell'

alma ingrata»* и «Fuggi, crudele, fuggi»**). Какой решительной и безмятежной могла бы я быть, если бы они всегда звучали у меня в ушах!

Впустую провела вечер в компании Ната [*Натан Сонтаг, отчим СС*]. Он дал мне урок вождения и сводил в кино, где я притворилась, что мне нравится цветная мелодрама.

Перечитав последнюю фразу, я решила ее вычеркнуть. Да нет, пусть остается. Бесполезно ограничиваться положительными переживаниями. (Их и так немного!) Позвольте мне вносить сюда и тошнотворный будничныи мусор, так чтобы не быть к себе снисходительной и не компрометировать собственное завтра.

2/9/1948

Спор с Милдред закончился слезами [*Милдред Сонтаг, урожденная Якобсон, мать СС*](черт побери!). Она сказала: «Ты должна быть очень довольна тем, что я вышла за Ната. Ты бы никогда не поехала в Чикаго, уверяю тебя! Ты представить себе не можешь, насколько мне не нравится ситуация, но я чувствую, что обязана тебе потакать».

Может быть, мне следует радоваться!!!

10/9/1948

[*Написано, с указанием даты, на внутренней обложке принадлежавшего СС второго тома «Дневников» Андре Жида*]

Дочитала в 2:30 утра того же дня, как купила книгу.

* «Мне изменяешь ты, душа неблагодарная» (*ит.*).

** «Беги, беги, жестокосердный» (*ит.*).

Мне следовало читать эту вещь гораздо медленнее; следует по многу раз перечитывать его «Дневники» — Жид и я достигли достигли такого полного интеллектуального единения, что я испытываю родовые схватки при каждой мысли, которую он порождает! Поэтому не следует говорить: «Ах, как восхитительно и прозрачно!» Но: «Стоп! Я не могу думать так быстро! Или, вернее, я не могу взрослеть с такой скоростью!»

Ведь я не только читаю эту книгу, но и создаю ее сама, и этот неповторимый, великий опыт очищает голову от бесплодной сумятицы, забивавшей ее все последние, ужасные месяцы —

19/12/1948

Сколько же предстоит прочесть книг, пьес и рассказов — вот далеко неполный список:

«Фальшивомонетки» — Жид

«Имморалист»

«Приключения Лафкадио»

«Коридон» — Жид

«Деготь» — Шервуд Андерсон

«Остров внутри» — Людвиг Левинсон

«Святылище» — Уильям Фолкнер

«Эстер Уотерс» — Джордж Мур

«Дневник писателя» — Достоевский

«Наоборот» — Гюисманс

«Ученик» — Поль Бурже

«Санин» — Михаил Арцыбашев

«Джонни взял винтовку» — Далтон Трамбо

«Сага о Форсайтах» — Голсуорси

«Эгоист» — Джордж Мередит
«Диана Кроссвей»
«Испытание Джорджа Феверела»

стихотворения Данте, Ариосто, Тассо, Тибулла, Гейне, Пушкина,
Рембо, Верлена, Аполлинера

пьесы Синга, О'Нила, Кальдерона, Шоу, Хеллман ...

*[Список занимает еще пять страниц и включает более ста
наименований.]*

•

...Поэзия должна быть: точной, насыщенной, конкретной, значимой, ритмической, формальной, сложной

...Искусство, таким образом, всегда стремится к независимости собственно от разума...

...Язык — не только инструмент, но и цель сам по себе...

...Благодаря огромной и узконаправленной ясности сознания Джерард Хопкинс выковал мир руиноподобной и торжествующей образности.

Подлинный властелин этой безжалостной прозрачности, он защищал себя от телесности посредством жестких духовных ребер и, однако, создал творения непревзойденной, в тесных границах своего мира, свежести. Мучительные плоды его духа...

25/12/1948

В настоящее время я всецело захвачена музыкальным произведением, одним из прекраснейших, что я когда-либо слышала, — концертом Вивальди си минор, запись «Четра-Сория», исполнение Марио Салерно —

Музыка — одновременно самое чудесное и самое живое из всех искусств, она есть искусство самое абстрактное, самое совершенное, самое чистое — и самое чувственное. Я слушаю своим телом, и мнемое тело в ответ на заключенную в музыке страсть и пафос. Мое физическое «я» ощущает невыносимую боль — а затем притупленную досаду, — когда целый мир мелодии внезапно вспыхивает и низвергается в конце первой части, так же как плоть моя словно умирает понемногу каждый раз, как меня охватывает острая тоска второй части —

Я почти на грани безумия. Порой, так мне кажется (насколько же умышленно я вывожу эти слова), в иные летящие мгновения (до чего же быстро они летят) я знаю так же достоверно, как то, что сегодня Рождество, что неверными шагами я иду по самому краю бездонной пропасти —

Что, спрашивается, влечет меня к умственному расстройству? Как мне диагностировать саму себя? Мои самые непосредственные чувства сосредоточены вокруг мучительной потребности в *физической любви* и интеллектуальном спутничестве — я очень молода, и, пожалуй, мне суждено перерасти наиболее тревожные особенности моих сексуальных устремлений — *откровенно говоря, мне наплевать. [На полях приписка рукой СС от 31 мая 1949 г.: «А не должно бы».]* Моя потребность столь велика, а времени, в моем наваждении, отпущено так мало.

Вероятнее всего, мне будет презабавно это перечитывать. Так же как некогда я была до ужаса, до исступления религиозной и подумывала

о переходе в католичество, так теперь я обнаруживаю в себе лесбийские наклонности (с какой же неохотой я пишу об этом) —

Мне не следует думать о Солнечной системе, о бесчисленных галактиках, разделенных миллионами световых лет, о беспредельности пространства, мне не стоит глядеть на небо дольше минуты, думать о смерти, о вечности — мне не стоит всего этого делать, чтобы не оказываться наедине с ужасными мгновениями, когда мой разум представляется мне осязаемой вещью, и не только разум, а весь мой дух, все, что одушевляет меня, оригинальные, отзывчивые желания, составляющие мою личность, все это принимает некую форму и размер, существенно бóльшие, чем способно вместить мое тело. Тяни-толкай, годы и потуги (я ощущаю их теперь), пока не придется сжать кулаки, я поднимаюсь, кто сумеет выстоять, каждая мышца на дыбе, силясь вытянуться в бесконечность, мне хочется кричать, желудок сжат, ноги до самых щиколоток, до пальцев вытягиваются до боли.

Все ближе минута, когда лопнет бедная оболочка, теперь я знаю... созерцание бесконечности — натяжение разума поможет мне растворить ужас через нечто противоположное простой чувственности абстракций. *И пусть он знает, что мне неизвестно решение, некий демон терзает меня всему вопреки — наполняя меня до краев болью и яростью, страхом и дрожью (я перекошена, вздернута на дыбу, несчастна), и разум мой находится во власти судорог неукротимого желания —*

31/12/1948

Я перечитываю свои записи. Какие же они нудные и монотонные! Неужели мне не избежать бесконечного оплакивания самой себя? Все мое естество кажется мне сжатой пружиной, оно исполнено ожидания.

1949

25/1/1949

На этот семестр я еду в Кал [подразумевается Университет Калифорнии в Беркли], если мне удастся получить комнату в общежитии.

II/2/1949

[Прежде чем покинуть свой дом в Лос-Анджелесе, СС пишет о решении учиться в Беркли.]

...Эмоционально — я хотела остаться. Интеллектуально — я хотела уехать. Как всегда, мне нравилось наказывать себя.

19/2/1949

[СС прибыла в «Кал» — Университет Калифорнии в Беркли. Ей едва исполнилось шестнадцать.]

Что ж, я здесь.

Никакой разницы; пожалуй, речь никогда и не шла о поиске более приятного окружения — но лишь об обретении себя, о стремлении к самоуважению и личной целостности.

Теперь я не более счастлива, чем дома — ...

...Я хочу писать — *я хочу жить в интеллектуальной атмосфере* — я хочу жить в культурном центре, где у меня будет возможность часто слушать музыку, — все это и еще много больше, но... самое важное в том,

что, похоже, ни одна профессия не соответствует в большей степени моим потребностям, чем преподавание в университете... [*Поверх слов о преподавании СС позже написала неровным почерком — «Господи!»*]

1/3/1949

Вчера купила «Контрапункт» и читала шесть часов подряд, пока не закончила книгу. Проза [Олдоса] Хаксли обладает качеством изысканной самоуверенности — его наблюдения великолепно отточены, если только читатель склонен наслаждаться пустотой нашей цивилизации. Я сочла книгу чрезвычайно волнительной, хотя и тревожащей мои зачаточные способности критика. Но даже и чувство подавленности, неизбежно возникающее вслед за прочтением книги, доставило мне радость оттого, что меня столь искусным образом ввели в состояние бесплодной ажитации!

В эту пору моей жизни меня больше всего впечатляет виртуозность — техника, организация материала, словесная роскошь оказывают на меня большое влияние. Жестокая реалистичность комментариев (Хаксли, Ларошфуко), насмешка и карикатура — или же пространная, чувственная философская экспозиция Томаса Манна в «Волшебной горе» и «Смерти в Венеции»... Довольно узколобо —

•

«Проблема состоит в том, чтобы преобразовать отчужденность интеллектуального скепсиса в полноту гармоничной жизни».

«Контрапункт»

•

2/4/1949

Я влюблена в состояние влюбленности! Что бы я ни думала об Ирэн [Лион, любовница Г., позже — любовница СС, занимает большое место в дневниках с 1957 по 1963 г.], когда я ее не вижу, каковы бы ни были стоящие на моем пути препоны умозрительного порядка, — все растворяется в боли + разочаровании в ее присутствии. Непросто, когда тебя отвергают так абсолютно —

6/4/1949

Я не могла заставить себя писать об этом, пока не отошла на некую временную + физическую дистанцию —

То, что я знаю, отвратительно — и невыносимо, потому что я не могу этого выразить — я пыталась! Я хотела отреагировать! Мне так хотелось испытать к нему физическое влечение и доказать себе, что я, по меньшей мере, бисексуальна. [*На полях приписка от 31 мая рукой СС: «Какая глупость — “по меньшей мере, бисексуальна”».*]

...Ничего кроме унижения и распада при мысли о физических отношениях с мужчиной. При первом поцелуе — очень долгом поцелуе — я подумала со всей отчетливостью: «Неужто это все? Так глупо». — Я пыталась! Я пыталась — но теперь я знаю, что этого не может случиться. Никогда. Мне хочется спрятаться. Ох, и еще я испортила жизнь Питеру, так что —

Его звать Джеймс Роланд Лукас — Джим — вечером в пятницу, 11 марта, я собиралась в тот вечер на моцартовский концерт в Сан-Франциско.

•

Что мне делать? [Более поздний комментарий рукой СС без указания даты: «Наслаждайся, конечно».]

[Написано в апреле 1949 г., но без указания даты в дневнике.]

Поездка домой на выходные обернулась интереснейшим опытом. Эмоционально я стала свободнее от зависимости, которую, в интеллектуальном плане, считаю ущербной — я думаю, что наконец свободна от зависимости / нежности по отношению к матери. В этот раз она не вызвала во мне даже жалости, только скуку. Дом никогда не казался мне таким маленьким, домашние — столь естественно скучными и банальными, а моя искрометная витальность — столь угнетающей. По меньшей мере здесь [т. е. в Беркли], в незамаскированном одиночестве, я нахожу какие-то удовольствия и компенсацию — в музыке, книгах и чтении поэзии вслух. Мне не нужно притворяться; я распоряжаюсь своим временем, как хочу. Дома царят притворство и ритуалы дружелюбия — ужасающая трата времени — мне следует бережно относиться ко времени этим летом, нужно многое успеть —

Если меня не примут в Чикаго [после одного семестра в Беркли СС подала документы на перевод в Университетский колледж Чикаго] и, соответственно, мне предстоит вернуться в Беркли зимой, я пробуду здесь до первых летних курсов. В противном случае я прослушаю эти курсы во время 8-недельного триместра в Лос-Анджелесе [в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса].

Время с двух до пяти пополудни я собираюсь отдать сочинительству и занятиям на улице, на солнце, и еще заниматься вечером, сколько получится — я буду спокойной, учтивой и безучастной!

8/4/1949

Сегодня днем прослушала лекцию о «Предназначении искусства и художника» Анаис Нин: она удивительная — похожа на русалку, существо другого мира — маленькая, изящная, темноволосая, избыточный грим придает коже бледность, большие, вопрошающие глаза, выраженный акцент, происхождение которого я не смогла угадать (у нее чересчур правильная речь, она обкатывает и полирует каждый слог кончиком языка и губами), кажется, стоит только до нее дотронуться, как она рассыплется в серебристую пыль. [*На полях более поздняя приписка рукой СС: «Г. была там».*]

Ее художественная теория изысканно неуловима (раскрытие бессознательного, автоматическое письмо, восстание против механистической цивилизации). Ее анализировал Отто Ранк.

14/4/1949

Вчера прочитала «Ночной лес» [Джуны Барнс]. Какую замечательную прозу она пишет. Так хочу писать и я — богатая и ритмичная, тяжелая, звучная проза, как нельзя лучше соответствующая мифической двусмысленности, что одновременно есть источник и структура эстетического опыта, олицетворяемого языком —

16/4/1949

Я прочитала большую часть «Братьев Карамазовых» и внезапно ощутила себя нечистой. Написала три письма Питеру и Одри, в которых полностью порывала с ними, и одно — матери, полупризнаваясь в своем отвращении к прошлому —

•

Ох, да, и еще Ирэн —

Она права и она восхитительна, правда —

•

Подумать только — я убедила себя, будто питаю нежные чувства к Питеру, потому что была так одинока и не могла себе вообразить, что найду кого-то лучше! А вся эта каша с Одри! Дьявол, если бы только Ирэн могла честно отвергнуть меня, я (впервые) сама была бы искренней —

[На внутренней странице обложки тетради, датированной «7 мая 1949 — 31 мая 1949», СС пишет прописными буквами: «Я РОЖДЕНА ЗАНОВО ВО ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ПЕРЕСКАЗАНО В ЭТОМ ДНЕВНИКЕ».]

17/5/1949

Сегодня дочитала «Демиана» [Германа Гессе] и в целом была очень разочарована. В книге несколько удачных пассажей, и первые несколько глав, живописующих юность Синклера, очень хороши... Однако прямолинейный гипернатурализм последней части книги изумляет в сравнении с реалистическими принципами, присущими ее первой части. Дело не в том, что я возражаю против романтической интонации (так, например, мне нравились «[Страдания молодого] Вертера»), однако инфантильность миропонимания Гессе (не могу назвать иначе)...

Начинаю читать «Теорию познания, подразумеваемую в мировоззрении Гёте» Рудольфа Штейнера. Кажется, я слежу за ходом его мыслей без труда, поэтому вдвойне подозрительна к себе, и читаю очень медленно...

Также за последние несколько недель (упоминала ли я это?) я прочитала первую часть «Фауста» Гёте [в переводе] Баярда Тейлора, «Доктора Фауста» [Кристофера] Марло и роман Манна —

Меня очень тронул Гёте, хотя, наверное, я далека от понимания его «Фауста», — а вот Марло действительно *мой* поэт, ибо я вложила в него частицу себя, перечитывая его по несколько раз, декламируя разные отрывки снова и снова. Финальный монолог Фауста я прочитала вслух не менее дюжины раз. Он несравненный...

Где-то в дневниках я писала, что испытала разочарование после прочтения [«Доктора»] Фаустуса» Манна... Какое ничтожество моих критических способностей! Это замечательное, великое творение, которое мне придется перечитать много раз, прежде чем я смогу им овладеть...

Я перечитываю фрагменты вещей, которые всегда были мне дороги, и удивляюсь собственным оценкам. Вчера долго читала [Джерарда Мэнли] Хопкинса и не испытала привычного энтузиазма — в частности, меня подвело «Свинцовое эхо и золотое» —

Так хорошо читать *вслух* — перечитываю (с неослабевающим удовольствием) Данте и [Томаса] Элиота (конечно)...

Этим летом я хочу сосредоточить внимание на Аристотеле, Йейтсе, Харди и Генри Джеймсе...

18/5/1949

Неужто меня ничему не научит собственная глупость! Сегодня прослушала лекцию-декламацию одраматических монологов Браунинга... Каким невежественным, замешанным на снобизме было до сих пор мое отношение к Браунингу! Вот еще один автор на лето...

23/5/1949

[Нижеследующая запись, которая занимает почти тридцать страниц, содержит описание целого периода жизни СС в Беркли, завершающегося ее встречей с Г. и, посредством Г., ее знакомством с гомосексуальной жизнью Сан-Франциско.]

В прошедшие выходные имела место великолепно узорчатая кульминация, частичная развязка моего величайшего несчастья — мучительной дихотомии между телом и разумом, из-за которой я провисела на дыбе два последних года. Это, возможно, самый значимый отрезок времени в моей жизни (с точки зрения того, кем я стану как личность).

Вечером в пятницу я и Ал [*рукой СС: «Алан Кокс»*] ходили слушать «Значение в искусстве» — лекцию Джорджа Боаса, приглашенного профессора философии из Университета Джона Гопкинса. Доклад был приятно гладкий: профессор стремился раскрыть недостатки крупнейших критических школ со времен аристотелевской включительно, но сам не предлагал ничего существенного — лишь остроумное и вполне бесплодное осмысление часто повторяемой ошибки. Несколько интересных вещей: он говорил об эволюции в искусстве в терминах колебаний между *ритуалом* и *импровизацией* — симпатичное переложение набившей оскомину антитезы между классическим и романтическим... Одна из его стрел была адресована

критикам Аристотеля, отказывающимся принимать то обстоятельство, что Аристотель ничего не знал о Шекспире, и, следовательно, не способным понять, почему «Гамлет» — трагедия (подлинная трагедия = границы Аристотеля), но знающим, эмоционально, что это так, или же притворяющимся, что, мистическим образом, «Гамлет» — это трагедия в аристотелевском смысле...

Ал и мои отношения с ним олицетворяют мое томительное желание найти убежище в интеллекте, все мои страхи и запреты. Ему двадцать два, бывший моряк торгового флота, не служил в армии по причине дальтонизма; он удивительно красив, в классическом понимании — высокий, вьющиеся каштановые волосы, правильные черты лица, за исключением несколько расширяющихся ноздрей, что весьма привлекательно, прекрасные руки... Происходит из небольшого городка (Санта-Ана), где прожил всю жизнь, прежде чем в 18 лет приехать в Беркли для поступления в университет; обучение в колледже было прервано тремя годами во флоте. В академическом плане он младше меня — магистр по химии, хотя его основные интересы лежат в области математики и литературы. Он хочет писать, но не осмеливается, потому что опасается, будто выйдет плохо — что весьма вероятно. Он силен в математике и если соберется с духом, то попытается проникнуть на философский факультет. У него немецко-лютеранская основа и вполне средневековый ум: всепоглощающее смирение и чувство греха, тяга к знаниям и *абстракции*, полное подчинение тела тому, что он считает важным, — разуму. Недавно он признался мне, что не ел целый день, исключительно в целях самодисциплины. Мне кажется, он очень *способный* — один из самых умных людей, с кем мне доводилось встречаться. Хотя абсурдно предполагать, что он девственник, я уверена, что обычно он очень воздержан и жутко переживает свои редкие падения во грех...

Я познакомилась с ним в начале семестра — заметила его на студийном концерте (полная запись «Дон Жуана») — и поняла, что он живет

здесь же, в общежитии, и что он — местный халдей [так!]. Мы мило побеседовали, потом случайно встретились еще несколько раз, на концертах, пока через несколько недель томных взглядов исподлобья он не набрался смелости и не пригласил меня на концерт («Магнификат» [Баха] в местной конгрегатской церкви). Он сопровождал меня на все немногочисленные «культурные вечера», которые я с тех пор посетила, и сам факт пребывания в обществе другого человека, насколько бы травоядными ни были наши отношения, отвлекает меня от мыслей об унижительной развязке моих отношений с Ирэн. Ал никогда не привлекал меня как мужчина, и мне было уютно с ним по двум причинам: я по-настоящему уважала его за ум, хотела учиться у него и беседовать с ним о музыке, литературе и философии; кроме того, я знала, что ему потребуется много недель, прежде чем осмелиться на попытки физического ухаживания, а в то время мне будет относительно просто с ним расстаться. На сегодняшний день мы даже не держались за руки! Мне *правда* с ним хорошо — хотя во мне нет ни уверенности в себе, ни живости. Самое же *ужасное* в том, что тем вечером в пятницу я почти убедила себя, что интеллектуальное удовлетворение, которое я испытываю с ним (то есть простое отсутствие боли), — это хорошо, что это высшая из всех возможных разновидностей наслаждения. После лекции Боаса мы просидели час за кофе, а потом, прогуливаясь, беседовали еще часа два или три.

Мы обсуждали все: от кантат Баха до «Фаустуса» Манна, от философии прагматизма до гиперболических функций, от трудовой школы Университета в Беркли до теории искривленного пространства Эйнштейна. Самыми завораживающими были разговоры о математике и философии. Тогда я в полной мере разделяла его глубокое смирение и несколько безучастное отношение к жизни — он не боится смерти, просто потому, что знает, насколько малоценна его жизнь, человеческая жизнь. Мы оба произносили блестящие речи, и все казалось мне вполне ясным, потому что в ту минуту я отвергала больше, чем у меня когда-либо было: совокупный опыт странствий

и праздность, и солнце, и секс, и еду, и сон, и музыку... Я была уверена, что мое решение посвятить жизнь преподаванию правильно, что, в сущности, не имеет значения ничего, кроме приемлемого, умозрительного опыта... Попросту говоря, ничего не имеет особого значения. В то время я почти не боялась умереть... Мы говорили, что в жизни нужно ожидать только худшего, что жизнь — это длительное убожество и посредственность, что нужно не протестовать, а, принимая к исполнению необходимые общественные обязанности, удаляться в себя, то есть не вовлекаться в жизнь, а ожидать худшего, рассчитывая разве что на несколько мгновений счастья... не принимать жизнь «условно», сказала я однажды... Брать лишь то, что можно, — ничто не имеет особого значения... Я ведь в это верила!.. Мне было тепло на душе от этих мыслей... Ирэн казалась далекой... В сердце у меня был покой, когда я простилась с ним у входа в общежитие (в духе нашего ученого товарищества) и поднялась наверх спать...

Я все еще могла победить жизнь — победить собственную страстность — отринуть все — «отринуть, скрепить печатью и вручить их Богу...». [*СС вольно цитирует строку из диалогической поэмы Джеферда Мэнли Хопкинса «Свинцовое эхо и золотое».*]

В субботу утром, как обычно, я проснулась в 9:30 утра, чтобы успеть на десятичасовую лекцию «Век [Сэмюэля] Джонсона» (курс, который я посещаю вольнослушателем). В начале семестра, когда я выбирала курсы для свободного посещения, мне попался на глаза этот — лекции по вторникам и четвергам в 10 утра, — но, конечно, я не могла на него успеть, потому что пять раз в неделю, в 10 утра у меня французский. Примерно в середине семестра — в конце марта — я разговорилась с девушкой по имени Г., которая работала в отделе учебной литературы книжного магазина, т. е. у нас случилась очень милая беседа (с незнакомыми я, как правило, общаюсь не принужденно), и она сказала мне, насколько хорош курс лекций о

Джонсоне, так что я стала приходить на дополнительные занятия по субботам и убедилась в этом сама — ах, фанатичная сосредоточенность на *изумительных* мелочах XVIII века! Лектор, господин Бронсон, человек необычайно цивилизованный, немного похож на Томаса Элиота, говорит с английским акцентом, обладает сдержанным юмором и низким голосом, неслышно ходит... (Он считает подлинной катастрофой, что большинство людей плохо думают о Босуэлле и т. д. ...)

...Г. довольно высокая — примерно метр восемьдесят — некрасивая, однако очень привлекательная. У нее прекрасная улыбка, и она обладает, как я поняла с первой минуты, восхитительной, чудесной живостью... После того как я стала ходить на лекции о Джонсоне, мы разговаривали каждую субботу после занятий, а иногда виделись в книжном магазине. Перед каникулами она спросила меня, не хочу ли я пойти с ней на «этнический ужин» в комнату одного из ее друзей... Парень оказался поганым, дурно воспитанным (с вечной улыбкой) гомосексуалистом... Матушка послала ему немного копченой лососины, смальца и мацы! Еще несколько присутствовавших там богемных жителей Беркли были очень скучными, причем я и сама вела себя преглупо, сознавая, что встала в позу сардонически настроенного интеллектуала и сноба... Г. сказала мне, что лучшие люди Сан-Франциско собираются в барах и что однажды она пригласит меня в местечко... В прошлый четверг, 19-го, я зашла в книжный (купила книжку французской поэзии), и она повторила приглашение — я, конечно, согласилась, — и мы договорились на эту субботу... Я пришла на лекцию о Джонсоне, потом сказала, что буду отсутствовать до половины третьего утра (по субботам общежитие запирают в 2:30). После лекции она предложила мне поехать с ней в воскресенье в Саусалито, где живет ее подруга, девушка по имени А...

Меня ее приглашение очень удивило — она, естественно, и сама об этом пожалела, это было заметно, но когда я дала ей возможность

выбора, она повторила приглашение. Я оставила ее там, ей предстояла работа, мне — ланч...

...Я скоротала день на дурной студенческой постановке трех одноактных пьес в Кал-холле, а в 5:30 подошла к книжному. Мы пошли к ней в комнату, и пока она переодевалась в свои «ливайс», я прочитала несколько начальных страниц лежавшего у нее «Степного волка» [Германа Гессе]... Мне было спокойно с ней, и в поезде Ф, мчавшем нас в С[ан]-Ф[ранциско], мне вдруг очень захотелось рассказать ей об Ирэн. Сделав это, я вдруг поняла, насколько радикально отличается она и ее мир от Ирэн и Ала, от их мира чистоты и интеллекта! Я сказала ей и об этом, причем ее реакция совершенно отличалась от всего, что я могла подумать... Я невольно рассмеялась, так это было нелепо! Г. сказала, что Ирэн — сука и что, когда она назвала меня уродиной, мне следовало сказать ей что-то невыносимо похабное, чтобы она сошла со своих высот, что Ирэн была узколобой, нечувствительной и неживой... В некотором смысле — но только отчасти — я тогда ощущала правоту Г. ...То есть согласилась, что я вообще не вела себя ужасно... А значит, мне нужно освободиться от сознания собственной вины... Мы пошли в китайское местечко и съели сытный, дешевый обед... Мы как раз [заканчивали], когда вошли А. и ее муж, Б. ...[затем] мы вчетвером отправились в бар под названием «У Моны». Большинство посетителей были лесбийские пары... пела очень высокая красавица-блондинка в открытом вечернем платье, и когда я с удивлением отметила ее необычайно мощный голос, Г. — с улыбкой — вынуждена была *просветить* меня, что певица — в действительности мужчина... На эстраду выходили и другие исполнители — огромных размеров женщина, вряд ли я видала человека более толстого, она распространялась во все стороны без конца и без краю, и мужчина среднего роста, со смуглым лицом итальянца, которого, уже присмотревшись, я признала за женщину...

Играл музыкальный автомат, А. и Б. танцевали, а пару раз Б. станцевал с Г. Танцуя с Г. в первый раз, я была страшно напряжена и все наступала ей на ноги... Во второй раз вышло гораздо проще, и я почувствовала себя хорошо...

Мы выпили пива, а потом, на выходе, А. и Б. расстались с нами — мы договорились воссоединиться около 12:30 в месте под названием «Бумажная кукла»... Была половина двенадцатого... Для начала, однако, Г. захотела пойти в бар на той же улице, «12 Адлер» (Генри, владец, ходит в берете), и из многих людей в «Адлере», которых она знала, она пригласила сопровождать нас похотливого старика лет 60 по имени Отто, потому что тот, как она объяснила позже, всегда платит за выпивку. Оттуда мы переместились в «Бумажную куклу» и пробыли там до закрытия, т. е. до 2:00 часов... Б. и А. пришли около 1:15... Варьете не было, и только кошмарная пианистка по имени Мадлен бряцала на инструменте и подпевала себе: «С днем рождения» и далее по списку! Она заткнулась около четверти второго, и я снова танцевала с Г. ... Помимо нас четверых и Отто за нашим столиком было еще двое гостей, присевших к нам независимо друг от друга — молодой человек Джон Дивер (он, по-видимому, квартировал над «Бумажной куклой») и красивая, нарядно одетая девушка по имени Роберта —

Напитки разносили несколько привлекательных женщин — все в мужском костюме, как и «У Моны». Отто выполнил свое предназначение и купил всем по четыре раза спиртного... ко мне он приставал весь вечер, похоже, именно я была его целью, он болтал без остановки, но я не слушала... Когда мы вышли, оказалось, что Б. намерен провести в городе всю ночь... Он оставил нас, позабыв дать А. ключи от их «модели А», и пока А. ходила за ним, мы с Г. сидели в авто, держась за руки... Она была довольно пьяна, я же, хотя и не пропустила ни одной, чувствовала себя абсолютно трезвой, и мне было легко и хорошо...

В Саусалито едешь по мосту «Золотые ворота», и пока А. и Г., сидя рядом, лобзали друг друга, я наслаждалась заливом, ощущая теплую волну жизни... Никогда до сих пор мне не приходило в голову, что *можно* просто жить своим телом, не предаваясь омерзительным *дихотомиям*!

...Г. и я [наконец] улеглись спать на узкой койке в задней комнате «Оловянного ангела»...

Наверное, я была все-таки пьяна, потому что все вокруг светилось, когда Г. начала любить меня... Мы легли около 4:00 — а до этого говорили некоторое время... Я была все еще напряжена, когда Г. поцеловала меня в первый раз, но это потому, что я еще не умела целоваться, а не потому, что мне не понравилось (как с Джимом)... Она пошутила, что у нее, мол, вся эмаль слетела с зубов, — мы еще поболтали, и как раз когда я вполне осознала, что хочу ее, она прильнула ко мне...

Все, что было во мне натянутого, вся желудочная боль внезапно растворилась в притяжении к ней, в тяжести ее тела на моем, в ласках ее губ и рук...

Я все тогда поняла, и ничего не забыла теперь...

...И что теперь есть я, пишушая эти строки? Не более и не менее, а совершенно другой человек... События прошедших выходных не могли бы случиться в более подходящее время — А ведь *как близко я подошла к полному отрицанию себя*, к совершенной капитуляции. Мое восприятие сексуальности претерпело разительные перемены. Слава богу! Бисексуальность как выражение полноты личности и честное отрицание — да! — извращения, ограничивающего сексуальный опыт, стремящегося лишить его физической сущности посредством идеализации целомудрия, ожидания «суженого», — все эти запреты на чистое физическое ощущение без любви, *на промискуитет*...

Теперь я знаю себя чуть лучше... Я знаю, чего хочу в жизни, ведь все это так просто — и одновременно так сложно мне было это понять. Я хочу спать со многими — я хочу жить и ненавижу мысли о смерти — я не буду преподавать или получать степень магистра после бакалавра искусств... Я не позволю интеллекту господствовать над собой и не намерена преклоняться перед знаниями или людьми, которые знаниями обладают! Плевать я хотела на *всякого*, кто коллекционирует факты, если только это не отражение основополагающей чувственности, которую взыскую я... Я не намереваюсь отступать и только действием ограничу оценку своего опыта — неважно, приносит ли он мне наслаждение или боль, и лишь в крайнем случае откажусь от болезненного опыта... Я буду искать наслаждение везде и буду находить его, ибо оно везде! Я отдам себя целиком... *все имеет значение!* Единственное, что я отвергаю, — это право отвергать, отступать; принятие одинаковости и интеллект. Я жива... я красива... чего же еще?

24/5/1949

Не думаю, что возможно отказаться от того, что я знаю теперь... Я страшилась рецидива, но, даже вновь погрузившись в рутинную обстановку, я не забыла того ответа, который явился мне на излете экстаза... Я наблюдаю за Ирэн, столь предсказуемой в сумятице своих чувств и попытках избежать меня... у нее такие тонкие губы... Грустно осознавать, насколько она несовершенна, какой несчастной она всегда будет... Дело не в том, что я ее разлюбила — дело в том, что она потускнела, ее затмили новые восхитительные горизонты, которые открыла мне Г. ... Я приняла в жизни так мало правильных решений, а многие из этих последних основывались на ложных предположениях... Мое письмо к Ирэн, например, содержало немало правды, хотя я и не преследовала цели истолкования столь громких фраз...

Любить свое тело и использовать его как следует — вот самое главное... Я знаю, что смогу, потому что я вырвалась на свободу...

25/5/1949

Сегодня мне пришла в голову мысль — такая очевидная, совершенно банальная! Даже нелепо, что мне подумалось об этом впервые, — подкатила тошнота, я почувствовала, что нахожусь на грани истерики. Нет ничего, ничего, что удержало бы меня от *какого-либо* действия, — кроме меня самой... Что остановит меня, если я просто решу встать и уйти? Только *самонавлекенное* давление со стороны внешних обстоятельств, которые, однако, представляются настолько значительными, что никогда и в голову не приходит попытаться уйти от них... И все же, что меня останавливает? Страх семьи — в особенности матери? Попытка уцепиться за безопасность и материальное имущество? Да, и то и другое, но этим дело и ограничивается... Что такое колледж? Я не научусь там ничему — так как все нужное я могу накопить сама — и всегда так и поступала, — а остальное — это тоска и зубрежка... Колледж подразумевает безопасность, потому что учиться легко и спокойно... Что касается матери, честно говоря, мне все равно — я просто не хочу ее видеть. Любовь к вещам — то есть к книгам и пластинкам — вот наваждение, которое преследует меня в последние несколько лет, и все же что мешает мне сложить свои бумаги, записные книжки и пару книг в небольшую коробку, отослать все в складскую контору в другой город, взять пару рубашек и джинсов, засунуть в карманы пальто чистую пару носков и пару долларов, выйти из дома — предварительно оставив байроническую записку миру, и сесть в автобус, идущий куда угодно? Конечно, в первый раз меня поймает и вернет в лоно растреванной семьи полиция, но когда я уйду на следующий день, а затем снова и снова, они оставят меня в покое — *я буду делать, что захочу!* Значит, я заключаю с собой сделку: если меня не примут в Чикаго, этим же летом я уйду из дома — именно так, как описала. Если меня примут,

я проучусь там год, но если что-то не будет меня удовлетворять, если я сочту, будто большая часть меня прозябает, тогда я уйду — боже мой, жизнь огромна!

26/5/1949

Новыми глазами я обзираю окружающую меня жизнь. Более всего меня пугает осознание того, насколько близко я подошла к соскальзыванию в академическую карьеру. Никаких усилий... нужно было бы по-прежнему получать хорошие оценки (вероятнее всего, я осталась бы в английской филологии — мне не хватает математических способностей для философии), остаться в колледже для получения магистерской степени, получить место ассистента профессора, написать пару статей о заумных, никому не интересных предметах, и вот, в возрасте шестидесяти лет, я штатный, уродливый и всеми уважаемый университетский профессор. Вот, пожалуйста, сегодня я просматривала в библиотеке список публикаций факультета английской филологии — большие (по несколько сотен страниц каждая) монографии о разнообразнейших предметах, например: «Использование “ты” и “вы” у Вольтера», «Критика современного общества у Фенимора Купера», «Библиография трудов Брета Гарта в журналах + газетах Калифорнии (1859—1891)»...

Господи Иисусе! Куда же это я чуть не вляпалась?!

27/5/1949

Сегодня наметился некоторый регресс — сумятица, но хорошо уже то, что я смогла это распознать... страх, страх... Конечно, речь идет об Ирэн: сколько в ней инфантильного, и сколько во мне непростительной незрелости! Все было прекрасно, пока я считала, что она

окончательно меня отвергла... Ну а вчера вечером, как раз перед тем, как я ушла на лекцию по философии, она подошла ко мне и сказала, что решила (!) узнать меня получше...

28 /5/ 1949

МЕНЯ ПРИНЯЛИ В ЧИКАГО СО СТИПЕНДИЕЙ В \$765

•

Вчера вечером А. открыла «Оловянный ангел», и Г. пригласила меня пойти с ней. Пока я не напилась, все вокруг казалось мне страшно угнетающим — Г. пришла уже пьяной и провела вечер в настроении истерического дружелюбия по отношению ко всем женщинам, с которыми она спала в прошлом году (и которых теперь ненавидела)... Кажется, они были там все... Пришла и бывшая подруга Мэри, выглядевшая очень угрюмой... Б. и А., конечно, крепко напились и сломали одно из оконных стекол... воображаю, что они говорят сегодня!.. Облобызавшись с миллионом других людей, Г. принялась обнимать меня, что, мягко говоря, выглядело презабавно... Затем подкатил какой-то урод (Г. орала на всю комнату: «Ей всего лишь 16 — можете себе представить? А я ее первая любовница»), пожелавший меня «спасти»... Г. подтолкнула меня к нему («Наберись немного опыта с мужчинами, Сью»), и, прежде чем я успела опомниться, мы уже танцевали и обнимались... [*На полях рукой СС: «Тим Янг».*] Он произнес прекрасную фразу, которая прозвучала вполне искренне, но когда он спросил, верую ли я в Бога, мне следовало плюнуть ему в глаз... Но вместо этого, черт побери, я дала ему свой номер телефона (это был единственный способ от него избавиться) и вернулась в главный зал [ночного клуба]. Я оказалась в компании трех женщин: одну звали С., юрист, примерно 35 лет, «distinguée»*, как не уставала пов-

* Здесь: хороших кровей (*фр.*).

торять Г., родилась и выросла в Калифорнии, щеголяла автомобилем «Кросли» и фальшивым британским акцентом, который то и дело пропадал в дебрях ее подсознания... Г. говорила, что жила с ней два месяца, пока С. не купила пистолет, угрожая застрелить их обеих. Две другие женщины, Флоренс и Рома, были лесбийской парой... У Г. была связь с Флоренс... Вдруг С. рассмеялась и спросила, осознаем ли мы, что все происходящее отдает пародией на «Ночной лес»... Конечно, так оно и было, и мне самой, к моему веселью, не раз приходила в голову та же мысль...

[На чистой странице тетради СС пишет фразу: «Прочитать “Молль Флендерс”»].

30/5/1949

Какими бы слащавыми и детскими они ни казались, я, не удержавшись, записываю в тетрадь несколько четверостиший из «Рубай» [Омара Хайяма], ведь они с такой полнотой выражают мой теперешний эмоциональный подъем...

31/5/1949

Я перечитываю строки Лукреция, что записала в тетради № 4: «Жизнь продолжает жить... А умирают лишь жизни, жизни, жизни».

Иногда полезно перечитывать старые дневники — вот что я записала в прошлое Рождество: «И пусть он знает, что мне неизвестно решение, некий демон терзает меня всему вопреки, наполняя меня до краев болью и яростью, страхом и дрожью (я перекошена, вздернута на дыбу, несчастна), и разум мой находится во власти судорог неукротимого желания» —

С тех пор я прошла большой путь, научившись «отпускать», научившись владеть мгновением более полно, более широко — принимая себя, да, вот именно, радуясь себе —

Поистине, самое важное — это ничего не отрицать. Подумать только, сколько сомнений у меня было, прежде чем я решилась приехать в Беркли! Что я даже подумывала об отказе от нового опыта! Какой катастрофой это могло обернуться (хотя я об этом никогда бы не узнала!) —

Я знаю, чем мне заняться в Чикаго — начну хватать новый опыт и новые впечатления, а не ждать, пока они придут ко мне сами. Впрочем, я в силах заняться этим уже теперь, так как Большая стена пала — *ощущение святости, неприкосновенности собственного тела* — меня всегда переполняло вождение, как и сейчас, но я воздвигала на своем пути концептуальные препятствия... Втайне я всегда осознавала свою безудержную страстность, но ни одна возможность выйти на волю не казалась мне приемлемой или приличной —

Теперь я знаю о своей способности испытывать величайшее наслаждение на чисто физическом уровне, без «родства умов» и т. д., хотя, конечно, последнее тоже желательно...

Ирэн чуть меня не погубила — сгущая мое чувство вины в отношении собственных лесбийских наклонностей, которое, в зачаточной стадии, всегда было мне присуще, выставляя меня уродом перед самой собой —

Теперь я знаю правду, знаю, что любить — это хорошо и правильно, что мне, в некоторой степени, дозволили жить —

Все начинается теперь — *я рождена заново*

4/6/1949

Шостакович, концерт для фортепьяно

Скрябин, прелюдии

Франк, симфония ре минор

Прокофьев, симфония № 5

Месса до минор [Бах]

Секс с музыкой! Интеллектуальное пиршество!!

6/6/1949

В субботу вечером поехала в Саусалито вместе с Г. ... Если не напи-
ваться, я чувствую себя там неуклюжей душой ... А. и Г. все время бы-
ли вместе... множество находившихся там уродов и уродин пи-
ли и уродовали себя еще больше, и среди них — Д. ... Около 10:30 мы
с ней вместе вернулись в С[ан]-Ф[ранциско], и тут я напилась по-
настоящему, как никогда раньше... В «Оловянном ангеле» я не могла
больше сдерживаться ни секунды, и я знаю, что Г. было наплевать...
Во-первых, мы направились в «299», излюбленное местечко Д., от-
туда в «12 Адлер», где встретили Брюса Бойда, а с ним — в голубой бар
под названием «Красная ящерица», который уж совсем был как сце-
на из «Вальпургиевой ночи», а вслед за тем, естественно, очутились
в «Бумажной кукле» ... Д. говорила без умолку... она ощущает себя
«злой»... «Я из Новой Англии».

Д. (Огункит, штат Мэн)

«Когда мне было 17, я хотела узнать, что такое секс, так что
я пошла в бар и сняла матроса (он был рыжий), и в тот же ве-
чер он меня изнасиловал, без дураков и по полной... Боже мой!

Я несколько недель не могла сидеть! И еще я так жутко боялась забеременеть ...»

марихуана

некоторое время лежала в психоневрологической клинике

«нервный срыв»

мера успеха — «ты не знаешь, ты молода, ты еще студентка» —

целый сезон работала менеджером в театре с летним репертуаром — «Оловянный ангел» — Флот? — Осенью работа на телевидении в Нью-Йорке

[...]

«Я тебе не лгала — Г. — я очарована ею».

•

Мы поехали к ней, в комнату в «Линкольн-отеле» — через улицу от «Оловянного ангела», — упали на кровать и уснули. На следующий день она говорила, что «жалеет об упущенной возможности...»

Я подавлена, истощена больше, чем когда-либо

Гомосексуальный = голубой

Гетеросексуальный (гетераст) = рутина (Западное побережье), натурал (Восток)

[Вставка на следующей странице]

Г.

На адрес М. Бенджамина
Западная 69-я улица, 305
Нью-Йорк 23

11/6/1949

Вчера Г. отбыла в Нью-Йорк... На прошлой неделе я много времени провела с И. Боже мой, ну у нее проблемы! Удивительно, что она так со мной откровенна... все эти размышления и разговоры!.. Что же люди делают со своей жизнью, а *мне не хочется влюбляться в людей, стремящихся ограничить себя и других...* Ирэн не знает, как справиться с собой, да еще ее требования к самой себе... Она говорила о «посредственности» своей прошлой жизни — училась она неважно и т. д. — об интрижке, которая случилась у нее недавно с парнем, который, как она узнала, собирается жениться... ее многие предавали...

13/6/1949

Мне хочется многое продумать и подытожить события последних пяти месяцев, так как через четыре дня я возвращаюсь в Лос-Анджелес [*т. е. в дом матери и отчима*]... Длительное пребывание в обществе Ирэн несколько расстроило меня... не требуется усилий, чтобы заставить себя приспособиться ко всему, что может мое одиночество облегчить (отчасти, но не в полной мере). *Я безгранична* — мне никогда не следует об этом забывать... я стремлюсь и к чувственности, и к чувствительности... Я была более живой и радостной с Г., чем с кем-либо еще, когда-либо... Не станем отрицать... Лучше ошибаться в сторону насилия и избытка, чем проживать свои часы и минуты недостаточно полно...

19/6/1949

...Как если бы этого никогда не было —

Однако прошлое не становится прошлым в большей степени лишь оттого, что оно ограничено конкретной географической областью, от которой мы ныне навсегда отделены, по сравнению с прошлым, которое всецело прожито в одном и том же месте...

И все же я ощущаю мерзкую пустоту — как если бы я никуда не уезжала, как если бы не существовало прошлых пяти месяцев, как если бы я не знала Ирэн и не была в нее влюблена, как если бы я не открыла для себя секс благодаря Г., как если бы я не открыла себя (а открыла ли я себя?) — как если бы этого никогда не было...

26/6/1949

Время тянется так долго, когда в окружающей обстановке есть элемент странного, нового... Так было в течение моих первых недель в Беркли, и вот теперь — моя первая неделя здесь, дома, показалась бесконечной —

[Без указания даты; вероятнее всего, начало июля 1949 г.]

Во время летнего семестра на занятия в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) не допускаются вольнослушатели — я ходила четыре дня, пока меня не выгнали; так или иначе, курсы обещали быть посредственными (за исключением курса философии 21, который читает Мейерхоф) —

Теперь у меня есть карточка социального страхования и должность делопроизводителя в «Республиканской компании страховых выплат Америки» — контора Боба — за \$125 в месяц, пять дней в неделю, начиная с понедельника —

Читаю «Закат Европы» [Освальда Шпенглера]... Мир Гёте. Зачатие, вновь... Вселенское древо. Это очень красиво —

Несколько цитат из Гёте у Шпенглера:

«Важна в жизни сама жизнь, а не ее итог».

«Человечество? Это — отвлеченное понятие. Существовали, существуют и будут существовать люди и только люди».

(Из письма Людену)

...

«Предназначение, правильно понятое, — это существование, воспринимаемое как деятельность».

[Без указания даты; вероятнее всего, середина или конец июля 1949 г.]

Идея для рассказа:

страховая контора

заместитель директора по кадрам — Джек Трейтер, бисексуал, несчастный человек, отравленный чувством презрения + собственного превосходства, — подкатил к Клиффу — также внезапное повышение Скотта с должности делопроизводителя (теперь это должность Джека Пэриса) до начальника страхового отдела — а Джек Пэрис ожидает —

всякое повышение в конторе зависит от его воли

Страх.

29/6/1949

Приказ: прочитать «Плоды земли» Жида.

Вновь мучительная антитеза:

Мышкин:

Девиз: «stabo» — («я буду стойким»)

«Уважение к жизни» Альберта Швейцера — это, при определенной интонации, как раз то, чего я всегда опасалась в сердцевине мышкинско-христианско-алешинского мифа — любовь + пацифизм —

Какой замечательный и доступный лозунг! Откровение!
Оправдание и облагораживание боли, которую и так придется испытать

Медея:

Девиз: «Wolle die Wandlung» — Рильке («Возжелай перемен»)

Принятие моей гомосексуальности — неистовая жизнь без корней — сотворить драму из своего несчастья — прошлое, настоящее и будущее — придать ему смысл — «ритм, равновесие, единство в разнообразии и кумулятивное движение»

•

Китс:

«Я не уверен ни в чем, за исключением святости сердечной привязанности и правды воображения»

«О, жизнь чувств, но не мыслей»

3/8/1949

«Страсть ведет к параличу хорошего вкуса»

•

Все ясно и прозрачно. Так просто подчиниться:

Дневная работа «белым воротничком» — клерк-машинистка-бухгалтер-помощник управляющего в «Берландс»

Бар по вечерам

Одиночество — желание секса

Любой человек с подходящей сексуальной ориентацией, не уродливый и способный любить + быть мне верным...

•

Жаргон голубых:

голубой
«голубой мальчик»
«розовая девушка»
«голубые ребята»

натурал (Восток)
рутина (Запад)
норма (туристы)

«он — натурал»
«он — полная рутина»
«у меня жизнь рутины»
«мой друг — рутина»
«я иду в норму»

«транс»

«одеваться как транс»
«ходить в транс»
«транс-вечеринка»

Голубые:

«86», «он дал мне 86», «я получил 86» (вышвырнуть, [выставить из бара])

«я сегодня элэгантушка» (женоподобна)

«мне ягодно» (я без ума от...)

«башка», «джон» (туалет)

Т. Г. («тяжелое говно», «невезуха»)

«он — голубое дело» (о сексе на одну ночь)

«торговаться», «я иду торговаться» (за деньги)

«поднять головку» (испытать эрекцию)

«дешевка» (женщина на ночь — только ради секса, бесплатно)

«упасть с крыши» (период менструации)...

•

Патти: «ты настоящий?», «я обойдусь, пока не подвернется что-нибудь настоящее» — настоящий = голубой

Негритянский «настоящий бал» ежегодно проводится в Саут-Сайде Чикаго — люди приезжают со всей страны — ближе ко Дню всех святых

Негритянская — экскурсия по реке Гудзон — голубые — ежегодно...

•

Сленг натуралов:

«трахнуть»

«трахнуть телку» (секс с женщиной)

«чемодан» = влагалище

«открыть чемодан» = оральные ласки женских половых органов

(«когда же ты откроешь мне чемодан, детка?»)...

•

Лорд Байрон:

«Манфред» (кровосмесительная связь с сестрой, Астартой)

«Каин»

«Дон Жуан»

(был влюблен в свою единокровную сестру, Августу Лей)

Св. Хью — 17 ноября

Св. Дэвид — святой покровитель Уэльса

•

[В оставшейся части тетради содержатся определения, разъяснения, сравнения и иллюстрации различных стихотворных размеров, от пятистопного ямба до гекзаметра.]

5/8/1949

С Ф. вчера вечером. Сказал, что он + Э. еще *год назад* предположили, что я — лесбиянка. «Твой единственный шанс быть нормальной — это остановиться прямо сейчас. Нет женщинам, нет барам. Ты знаешь, что в Чикаго все будет то же самое — в общежитии, в колледже, в барах для голубых... Сходи погулять с двумя парнями одновременно. Останови машину и дай им пощупать себя + немного потешиться. Сначала это тебе совсем не понравится, но заставь себя... это твоя единственная возможность... А тем временем не встречайся с женщинами. Если ты не остановишься теперь...»

•

1-я часть концерта для фортепиано ре минор Баха
1-я часть концерта для скрипки ми мажор Баха
2-я часть симфонии-концертанты Моцарта
2-я часть трио [для фортепиано] Бетховена, соч. 70а

[Без указания даты, август 1949 г.]

Сан-Франциско: «У Моны», «У Финоккио», «Бумажная кукла»,
«Черная кошка», «Красная ящерица», «12 Адлер»

Нью-Йорк: «Клуб 181» — 2-я авеню, «19-я лунка», «У Джима Келли»,
«Марокканская деревня», «Сан-Ремо», «У Тони Патора», «У Тер-
ри», «У Моны»

Наименования цветов, животных

•

Предложение по «голубому клубу» — «Бич-хаус»; гостиница — арен-
довать номер, в любое время; бар — 25 центов за любой напиток; ре-
сторан; два бассейна

Рядом с пляжем

•

Купить книги:

Генри Джеймс: «Записные книжки», «Послы», «Бостонцы»,
«Рассказы», «Княгиня Казамассима», «Крылья голубки»

Достоевский: «Идиот», «Подросток», «Рассказы»

Конрад: «Избранное»

Рильке: «Письма молодому поэту»

Гессе: «Степной волк»

Филдинг: «Джозеф Эндрюс», «Том Джонс»

Дефо: «Молль Флендерс»

Жид: «Плоды земли»

А. С. Эддингтон, «Природа физического мира»
(«Макмиллан» — 1929)

Г. О. Тейлор: «Средневековый разум»

Дьюи: «Искусство как опыт»

[Харт] Крейн: «[Избранные] стихотворения»

[Эрнст] Кассирер: «Опыт о человеке, языке и мифе»

17/8/1949

Утверждение [М. Е.] Гершензона в «Переписке из двух углов» выражает ровно то, что немо, стыдливо я переживала в прошлом году; и все же это не до конца реалистичный, нереализуемый вывод, который, возможно, навсегда останется полупарализующей потенциальностью.

Так и еще в одном отражении я вижу себя чужой.

«Ich bin allein»[«Я одна»].

Перечитала «Зверя в чаще». Ужасающий опыт. Не могу избавиться от огромного чувства подавленности, в которое погрузила меня книга.

20/8/1949

Прочитала «Фальшивомонетчиков»[Андре Жида]. Книга очаровала меня, но не растрогала. Вспоминаю детский кошмар с бесконечными отражениями — фигура с зеркалом в руке стоит перед другим зеркалом, и так до бесконечности.

Здесь: роман Жида под заголовком «Фальшивомонетки», в котором рассматривается тонкий хронологический срез жизни вокруг человека по имени Эдуард, который планирует написать книгу под названием «Фальшивомонетки», но пока занят собственным дневником, в котором его жизнь окрашена *замыслом* написать книгу (так же как Хопкинс видит крушение «Дойчланд» сквозь каплю христовой крови). Он считает, что его дневник окажется более интересным, чем книга, так что он решает опубликовать дневник и не писать книгу. Эдуард — это Жид, по сути дела.

26/8/1949

С любопытством я замечаю, что вхожу в анархистско-эстетическую пору своей молодости. На прошлой неделе я прочитала, в следующей последовательности: «Практический критицизм» [И.А.] Ричардса, «Слепящую тьму» Кёстлера и заключение к «Ренессансу» [Уолтера] Патера. Я сыта по горло людьми, глупостью и посредственностью, крестовыми походами и политикой...

•

Э. Э. КАММИНГС:

«вниз по реке забвения вверх по реке лет»

30/8/1949

До сих пор я аккуратно обходила описание неинтеллектуальных (!) занятий этого лета — миг развязки. Я не осознавала их важности, до тех пор пока не рассказала Питеру всю историю (по его возвращении на прошлой неделе). Мой второй роман — подумать только! ...Пожалуй, единственная осязаемая польза, которую я вынесла из этого лета, — это моя близость с Э., чей интеллект я искренне уважаю. Как это отличается от строгой диеты, которую я прописала себе, прежде чем вернуться из Беркли. Летом секса не будет, говорила я себе! Как же разительно противоположны Г. и Л.! Все это *очень* юмористично!

Сегодня распрощалась с Л. Конечно, снова секс. Я обнаруживаю в себе неискоренимую и очень опасную нежность — без всякого логического основания, даже в противоположность рассудку, признаю, что Л. тронула мое сердце, и ощущаю нечто большее, чем рациональное понимание физического и эгоистического удовлетворения, которое она мне принесла... Но только подумать, как бы поступила Г., будь она в схожей ситуации! Хотя я и восхищаюсь безжалостностью и высокомерием, я не могу всецело презирать и собственную слабость...

31/8/1949

с. 226 — «Путем всякой плоти» [Сэмюэла Батлера] — миссис Юпп использует слово «голубой» в применении к распущенной женщине:

«она голубая»

«голубая женщина»

1/9/1949

Мое интеллектуальное неудовольствие физической пассивностью женщины в гетеросексуальных отношениях отражало, как я вижу теперь, попытку найти причину моего отвращения к подобной разновидности секса... Ведь после того, как я побывала «женщиной» для Г. и «хозяйкой» для Л., могу заключить, что большее физическое удовлетворение мне принесло «пассивное» положение, хотя в эмоциональном плане я отношу себя к типу «любящей», а не «любимой»... (Боже, как же это все нелепо!!)

•

Ларошфуко (1613—1680)

«У нас достаточно сил, чтобы переносить несчастья других».

2/9/1949

Выехала из Лос-Анджелеса в 1:30 дня.

Невозможно постичь...

3/9/1949

Поездом: Аризона, Нью-Мексико.

Сказочные цвета в руслах пересохших рек — (очень широких, 20—30 футов шириной и 4—5 футов глубиной)... гладкий розовый песок, а на миниатюрных утесах по берегам — крошечные серебристо-зеленые кустарники —

4/9/1949

Прибыла в Чикаго в 7:15 утра.

Это уродливейший город из всех, что я видела: сплошная трущоба... Центр города — узенькие улицы замусорены, гудение электропроводов «Эл» [чикагского метро], вечный полумрак и вонь, шатающиеся старики в лохмотьях, галереи игровых автоматов, будки с копировальными машинами, кинотеатры — «Любовь в нудистской колонии», «Оракул», «Чистая правда», «Без купюр».

•

В книжном на Стейт-стрит набрела на два тома «Гомосексуального невроза и бисексуальной любви» [Вильгельма] Штекеля: он считает, что по природе люди *бисексуальны* — древние греки были единственным народом, понимавшим это...

5/9/1949

Прибыла в Нью-Йорк в 8:45 утра.

8/9/1949

Закончила обряд ежегодного расшаркивания перед дядей Ароном и получила \$722 на комнату и пропитание на год... Следовательно, мое финансовое положение обеспечено...

12/9/1949

Три оазиса в пустыне родственников и нравственного шантажа:

«Смерть коммивояжера» [Артур Миллер]

«Дьявол во плоти» [фильм по роману Раймона Радиге]

«Серебряная чаша» [пьеса Шона О'Кейси]

[СС сохранила в дневниковой тетради театральные программки к спектаклям по Миллеру и О'Кейси.]

Пьеса Артура Миллера — очень мощная. Великолепная постановка Джо Мильцинера, превосходная игра. То есть это не просто *написано*...

Фильм по Радиге с Жераром Филипом оказался чувствителен к тексту, хотя и не обладал классическим качеством «Пасторальной симфонии»...

Пьесу О'Кейси ожидала хорошая, хотя и не безупречная постановка... Это загадочная вещь, и не вполне успешная, так мне кажется, хотя отдельные моменты великолепны, а первый акт трогателен и прекрасен... Символизм второго акта не вполне вяжется с реализмом первого... а искренняя жалость к герою в двух последних актах знаменует разрядку после сложности двух первых...

15/9/1949

«Безумная из Шайо». Лучший спектакль из всего, что мне довелось здесь посмотреть. Чистая, изумительно очерченная постановка. Ее походка, руки, жесты! Их выверенность заставила меня эмпатически дрожать от чувства собственного неизящества...

•

Коллекция греческого искусства в Мет[рополитен-музее]:

Мраморная статуя «Старой торговки» — Пв. до Р. Х. Подалась вперед, смотрит, ввалившийся рот. [*В дневнике эту запись сопровождает набросок статуи.*]

[*Следующая запись вычеркнута.*] Оглянись на прошлые 16 лет. [*СС исполнится 17 только в январе следующего года.*] Хорошее начало. Могло быть лучше: могло быть больше эрудиции, безусловно, однако неразумно ожидать большей эмоциональной зрелости, чем я достигла к сегодняшнему дню... Все в мою пользу, раннее взросление, мой [*Запись обрывается.*]

•

Сколько в гомосексуальности нарциссизма?

•

Отвращение: быть может, Жид прав — разделение любви и страсти (ср. вступление к изданию «Фальшивомонетчиков» в «Современной библиотеке»).

•

(Я читаю почтительно, покорно, пластически!..)

•

Ритмоводители:

Сезанн:

«Ваза с тюльпанами» — 1890—1894
(тона зеленого)

«Гора Сент-Виктуар» — 1900
(синий, белый, желтый, розовый)

•

По-прежнему детское очарование своим почерком... Подумать только, что у меня на кончиках пальцев всегда сияет перламутром эта чувственная возможность!

27/9/1949

...Как защитить эстетический опыт? Больше чем удовольствие, потому что невозможно оценить произведения искусства по *количеству* доставляемого удовольствия — но это *само по себе* лучше — нет, нелогично...

•

...Как и почему существуют мыслительные операции?

•

...Квартет Бетховена в сравнении с теоремой Евклида

•

потребность в порядке

•

[Всю свою жизнь СС имела обыкновение составлять списки слов, в которые она иногда включала имя человека или краткое наблюдение. Нижеследующий список, относящийся к осени 1949 г., весьма показателен и свидетельствует о том, как рано укоренилась в ней эта привычка.]

декадентский
ноктамбулический
пылкий
детумесценция
взъерошенный
такой скорый, такой церебральный
намокший, непропеченный
интригующий
запятнанная честь
лотофаги
элегический
Мелеагр
доступность
пиренейская рысь
димотик
Харриет Уилсон
Гарбюр
сатура

суккулент

компетентная интеллектуальная пошлость Олдоса Хаксли

ценность «Желтой книги»

кулуарный

дюжий

педантство + сластолюбие

сплин

похабщина

падуб

клаксон

•

«Литораль» — Сирил Конноли, с. 213:

«...так не пытаемся ли мы все бессознательно сохранить оперение, в котором люди однажды сочли нас желанными».

•

21/10/1949

Я вернулась в Чикаго без радости + не только к ожидаемой серости, но и к новым мучениям. Вновь нехватка практических знаний подвергла меня подлинному + почти разрушительному испытанию. Последние несколько недель стали откровением таким же, как летняя работа в прошлом году. Я осознала, что не вынесу работы «белым воротничком» + что не могу рассчитывать на сохранение привычного мне образа жизни после колледжа (чтение, *сочинительство*) наряду с конторской, обеспечивающей меня материально, работой. (Я наивно считала, будто лучше заниматься чем-нибудь бессмысленным, нежели псевдоинтеллектуальным, например преподаванием, — я не

осознавала, каким апатичным, *выжатым* себя чувствует человек после рутинного рабочего дня.) Так испарилась одна половина моего стремления к пролетарской жизни + мой современный образ физического существования покончил со второй!

•

Вчера вечером — «Я обвиняю» [*статья Эмиля Золя*]. И все же ужас и отчаяние чувствуешь *только* в том случае, если знаешь, в чем суть дела!

(Несколько слов о скверных стихах Питера: нехватка техники, говорит он? Нет. Нехватка вкуса. Я не чувствую ничего, кроме презрения к его личности, способностям + убеждениям!)

«Дорога в небо»: изумительно завершенный и зрелый *технически* (т. е. чувственно), наивный *этически* (духовно); «Усталая смерть» — грубоватый + наивный технически, зрелый этически. Что бы я с большим удовольствием посмотрела повторно? «Дорогу в небо». Потому ли, что в нем больше «искусства»?

Мои отношения с Э. истаяли —

Примечательное непротивление пустоте в его жизни...

Новый предмет, новый мир — философия истории. Боссюэ, Кондорсе, Гердер, Ранке, Буркхардт, Кассирер —

Перечитать «Имморалиста» [Андре Жида]. На очереди — «Дневники» Кафки.

21/II/1949

Замечательная постановка «Дон Жуана» вчера вечером (в Сити-центре). Сегодня мне представилась замечательная возможность заняться исследовательской работой в интересах преподавателя соц[иологии] по имени Филипп Рифф, который, среди прочего, работает доцентом на кафедре социологии политики + религии. Наконец мне выпала удача сосредоточить усилия в одной области под руководством сведущего человека.

2/12/1949

[СС и ФР сочетались браком 2 декабря 1950 г.]

Вчера вечером или рано утром сегодня (субб.)? — Я помолвлена с Филиппом Риффом. [*Преписки на полях рукой СС: «Дженни Турель “Das Marienleben”**»].

13/12/1949

Нравственность оказывает влияние на опыт, а не наоборот. Я есть собственная история, однако в нравственном желании понять свое прошлое, быть в полном сознании я становлюсь как раз такой, какой утверждает меня эта история, — несвободной.

28/12/1949

[Эта записная книжка с дневниковыми записями, охватывающими время вплоть до начала 1951 г., содержит также рассказ СС о посещении Томаса Манна — событии, которое она много лет спустя опишет в одном из немногочисленных мемуарных очерков. На первую страницу дневниковой тетради

* «Жизнь Марии» (нем.). Вокальный цикл Хиндемита на стихи Рильке.

помещен эгиграф из Ф. Бэкона: «Вообще, пусть каждый созерцающий природу вещей считает сомнительным то, что особенно сильно захватило и пленило его разум».]*

Сегодня в шесть вечера Е., Ф. и я допросили Бога [*на полях рукой СС записан телефонный номер Томаса Манна*]. С 5:30 до 5:55 мы сидели, охваченные благоговейным страхом, перед его домом (Сан-Ремо-драйв, 1550) и репетировали. Дверь открыла его жена — изящная женщина с землистым лицом и седыми волосами. Он сидел на кушетке в дальнем конце большой гостиной, держа за ошейник большого черного пса, чей лай мы уже слышали при приближении. Бежевый костюм, темно-бордовый галстук, белые туфли — ступни вместе, колени врозь (Башан!). Строгое, ничем не примечательное лицо, в точности как на фотографиях. Он провел нас в кабинет (стены в книжных шкафах, ну конечно!) — он говорит медленно и точно, а его акцент менее выражен, чем я ожидала. Однако: «Поведайте же нам слова оракула» —

О «Волшебной горе»:

Роман начат до 1914 г. и завершен, после многочисленных перерывов, в 1934-м —

«педагогический эксперимент»

«аллегорический»

«назидательный, как все немецкие романы»

«я пытался подытожить проблемы, стоявшие перед Европой в канун Первой мировой войны»

* Ф. Бэкон, «Новый Органон», LVIII. Перевод С. Красильщикова.

«В нем ставились вопросы, а не предлагались решения — последнее было бы слишком самонадеянным».

«А вам не показалось, что она написана человечно — что в ней присутствует оптимизм? Это не нигилистическая книга. Она написана благожелательно и с доброй волей».

«Ганс Касторп представляет поколение, на которое возлагались надежды возродить мир после великой войны к свободе, миру и демократии».

«Сеттембрини — гуманист; он представляет собой западный мир».

«предательский»

[CC:] Все искушения — влияния — которым подвергается Ганс — важно понимать, что, когда он спускается с горы, Ганс знает больше, чем прежде, — он более зрел — вызывая образ Иоахима.

[Мани продолжает:] «Это связано с моим личным опытом в Мюнхене еще до войны — я до сего дня не знаю, было ли это наяву — “метасихологизм”»

[Над страницей, где приведено последнее из этих высказываний Манна, CC пишет: «Комментарии автора предают его книгу своей банальностью».]

Его [т. е. Манна] произведения образуют единство и, предпочтительно, должны анализироваться как единое целое (от «Будденброков» до «[Доктора] Фаустуса») — [Мани:] «В литературной жизни идеи взаимосвязаны и непрерывны».

Переводы:

«Лучший перевод “В[олшебной] г[оры]” выполнен французским поэтом Морисем Бетцем, который с большим изяществом перевел и стихотворения Рильке».

Лучшее английское переложение его вещей — это «Смерть в Венеции» Кеннета Бёрка —

«Мой издатель, Альфред Кнопф, свято верит в способности г-жи Лёве переводить мою прозу — конечно, она хорошо знакома с моими книгами».

Переводить «Фаустуса» было страшно сложно. [Минн:] «Он одной ногой стоит в шестнадцатом веке» по причине древневерхненемецкого (лютеранского) —

О современных писателях:

Джойс:

1. не был уверен, какое место занимает «Портрет» [т. е. «Портрет художника в юности»] среди произведений Джойса в порядке их создания (его вторая книга?)
2. для человека, не рожденного в англоязычной «культуре», сложно оценить его красоту
3. читал книги о Джойсе
4. полагает, что между ним и Джойсом есть сходство — место мифа в их творениях («Улисс», «Иосиф [и его братья]», «В[олшебная] г[ора]»)

5. считает Джойса «одним из важнейших писателей современности»

Пруст:

И Пруст, и он сам придают большое значение времени, однако Манн познакомился с творчеством Пруста много позже создания «В[олшебной] г[оры]» — «Время — это очень современная проблема».

О «Докторе Фаустусе»:

«Это ницшеанская книга» — начата в 1942-м, завершена в 1946 г.

Над музыкальной частью работал с учеником Альбана Берга по имени Дарнольди — во время написания книги часто встречался и беседовал с Шёнбергом — использовал «*Harmonielehre*»* —

В настоящее время он работает над довольно короткой «повестью» — это не полноценный роман — около трехсот страниц текста — надеется закончить к апрелю — книга «мистическая», «сказочная», «трагикомическая». Тема заимствована из стихотворения немецкого миннезингера Хартмана фон Ауэ — «Это повесть о великом грешнике» — «свободном от вины» — «благочестивая, гротескная сказка»

[*Сюжет в изложении Манна:*] Сын от кровосмесительного брака (брат — сестра) брошен вдали от дома — Гора? Океан? Возвращается мужчиной, женится на собственной матери — в конце концов становится папой римским — переводить это будет даже сложнее, чем «Фаустуса», — в книге смесь древненемецкого, средненемецкого, древнеанглийского, старофранцузского

* Теорию гармонии (нем.).

Новая швейцарская книга — о создании «Фаустуса» — сочинение было прервано операцией на легком — не будет переведено —

[*Манн:*] «Всего лишь книжка для друзей о сокровенном» — «публика воспримет ее слишком “кичливой”»

[*На полях этой страницы приписка СС:*] Отступление: Извиняется за неудовлетворительные ответы на вопросы — (1) Слабое знание английского; (2) Сложность вопросов (В[олшебной] г[оре] скоро исполняется 25 лет — серебряный юбилей — «весьма значительный юбилей»)

29/12/1949

Закончила перечитывать «Портрет» Джойса —

Ах, блаженное одиночество! — ...

31/12/1949

Сегодня: два дома [Фрэнка Ллойда] Райта (ацтекский период), а после «Мессия» Генделя в «Рапсодии».

Новый год! Но по сему поводу — никакого вздора...

1950

3/1/1950

[В действительности нижеследующая запись сделана 3 января 1951 г.]

Я выхожу за Филиппа с полным осознанием + страхом перед своей волей к самоуничтожению.

5/1/1950

[СС вернулась в Чикаго для обучения в весеннем семестре.]

Изнуряющее путешествие в поезде, и «будто ничего и не было». В академическом плане эта четверть обещает быть более плодотворной. Шваб великолепен как всегда (раз в две недели по воскресеньям, в баптистской церкви, он ведет семинар по этике, в котором участвуют Е. и И.!); невероятно хороши два профессора английского — Р. С. Крейн и Элдер Олсон. Я записалась на курс социологии Майнарда Крюгера (в этой четверти — экономика), но занятия начинаются не раньше третьей недели. В те же часы И. К. Браун ведет замечательный семинар по «Гордости и предубеждению». Ну и, конечно, [Кеннет] Бёрк — для него я должна написать работу о «Победе» Конрада...

9/1/950

Перечитать:

«Доктор Фаустус»

Прочитать:

Антония Уайт, «Майский мороз»
Олдос Хаксли, «Слепец в Газе»
Герберт Рид, «Зеленое дитя»
Генри Джеймс, «Женский портрет»

16/1/1950

[Семнадцатилетие СС; за этот день в дневнике сделана единственная запись.]

Марцелл I был преемником Марцеллина — он стал понтификом в мае 308 г. при Максентии; был изгнан из Рима в 308 г. в связи с волнениями, вызванными строгостью епитимьи, которую он наложил на христиан-отступников, покинувших церковь во время недавних гонений; умер в том же году + ему последовал Евсевий.

25/1/1950

Читаю «Войну и мир», «Дневник разочарованного человека» (Барбельон) + новозаветные апокрифы и размышляю о благочестивой смерти.

13/2/1950

[В действительности нижеследующая запись сделана 2 февраля 1951 г.]

«Война и мир» — это несравненный опыт; кроме того, читаю «Иллюзию и реальность» Кристофера Кодуэлла, Эрнста Трельча, [Роберта]

Мюррея, «Политические последствия Реформации», письма Рильке, Дьюи о логике + биографию Достоевского [Эдварда] Карра.

Из Рильке:

«...великая династия вопросов: ...если мы всегда неполноценны в любви, непостоянны в решениях + бессильны перед лицом смерти, как же мы можем существовать?»

Тем не менее мы существуем + и утверждаем это. Мы утверждаем жизнь сластолюбия. Но ведь *есть* и еще кое-что. Человек бежит не от своей подлинной, животной природы, что есть «ид», к самобичующей, навязанной извне совести, «супер-эго», как говорил Фрейд, — но наоборот, как утверждал Кьеркегор. Для людей естественна этическая чувствительность + мы бежим от нее к зверю; это означает лишь то, что я отвергаю слабую, склонную к манипуляциям, погруженную в отчаяние похоть, я не зверь, я не считаю человеческую надежду напрасной. Я верую в нечто большее, чем персональный эпос с героической канвой, большее, чем моя собственная жизнь: надмногослошной фальшью + отчаянием есть свобода + потусторонность. Человек *может* знать миры, которые не испытал, найти *никогда ранее* не предлагавшийся ответ на вопрос жизни, сотворить внутреннюю сущность — могущественную + плодотворную.

Но как, в тех случаях, когда это возможно, провести в жизнь факт целостности + любви? Нужно испробовать нечто более существенное, чем конечность рефлексирования. Ежели «жизнь — это литейная форма, изложница, все желобки, выступы которой суть боль, разочарование + мучительнейшие прозрения, то побег от нее... это счастье, подъем, это самое прекрасное + самое совершенное блаженство». Но насколько же твердым + решительным нужно быть! Так мы выходим за пределы искусства к умиранию, к безумию — ох, где она, *вызволяющая* свобода, действенная свобода от... свобода,

неравнозначная тому *огромному обладанию собственным сердцем, что есть смерть?*

Война так близка. На 22 июня у нас зарезервированы места на «Королеву Елизавету».

[*Без даты; вероятнее всего, концу февраля 1950 г.*]

Бальзак — «Случай из времени террора» —

Ее лицо было «лицом человека, который втайне практикует аскезу».

Энид Велсфорд: «Шут»
(«Фабер и Фабер», Лондон, 1935)

М. Уилсон Дишер: «Клоуны и пантомимы»
(Лондон, 1925)

Г. Кичин: «[Исследование] английского бурлеска и пародии»

Эмпсон: «Английская пасторальная поэзия»
(Нортон + Ко., Н.-Й., 1938)

[Кеннет] Бёрк: «Постоянство и перемена», «Отношение к истории»

«Искусство и схоластика» — Маритен
«Рост и форма» — Д'Арси У. Томпсон
«Нравственные ценности и нравственная жизнь» — [Этьен]
Жильсон
«Разум первобытного человека» — Боас

«Утраченные сокровища Европы» («Пантеон»)

Зеебом: «Оксфордские реформаторы»

Св. Иоанн Креста: «Восхождение на гору Кармель»

Якоб Бёме: «Аврора»

Майстер Экхарт: «Проповеди»

Трагерн: «Столетия созерцания»

Линн Торндайк: «История магии и экспериментальной науки»

Г. Мальтер: «Саадья Гаон»

Е. Р. Беван + К. Зингер: «Наследие Израиля»

И. Хусик: «История средневековой еврейской философии»

Леон Рот: «Спиноза, Декарт и Маймонид»

С. Шехтер: «Этюды по иудаизму»

С. Цейтлин: «Маймонид»

Пустыня + слепящие блики сливаются в зеркале — «Страсть в пустыне» (Бальзак)

Quis — кто

Quid — что

Ubi — где, когда

Quibus auxiliis — с помощью чего

Quia — почему

Quo modo — каким образом

Quando — как

[Первая страница нижеследующей дневниковой записи утеряна, но запись, несомненно, сделана в начале сентября 1950 г.]

Я провела прошедшие выходные в парке Бальбоа с Софией и Пети и возобновила курс «Бай-Сай». Разговор с Софией, пусть он и не относился непосредственно ко мне, оказался очень поучительным, как обычно.

Я спросила, как обсуждать тему смерти с маленьким ребенком +, следующим вечером, о дихотомии между сексом и любовью. Применение к самой себе:

1. Наиболее разумный ответ на мою нынешнюю невротическую боязнь смерти: это уничтожение — все (организм, событие, мысль и т. д.) имеет форму, начало и конец — смерть столь же естественна, сколь и рождение, ничто не длится вечно, да нам и не нужна такая вечность. После смерти нам ничего не будет о ней известно, так что думайте о жизни! Даже если мы умрем, не испытав вещей, которые требуем от жизни, это не будет иметь значения после смерти — мы теряем только то мгновение, в котором «пребываем» — жизнь горизонтальна, а не вертикальна — *ее невозможно накапливать* — так что живите, а не пресмыкайтесь.
2. Невозможно отделить удовлетворительный секс от любви — то есть это невозможно для меня, — хотя я думала, что была... Два этих понятия неразрывно связаны в моем восприятии, а иначе я бы не отказывалась от сексуального опыта столь часто. Секс всегда был тайной, безмолвной, темной стороной любовной необходимости, о которой должно забывать в вертикальном положении. Запомнить это!
3. Моя потребность «исповедоваться» матери вовсе не заслуживала похвалы — в таком свете я предстаю не прямой и честной, а, во-первых, слабой, стремящейся укрепить единственные доступные мне узы любви + во-вторых, склонной к садизму, так как мои недозволенные поступки — это разновидность мятелжа; мои поступки лишены силы, если они безвестны!

11/9/1950

Перечитать: «О дивный новый мир»

Перечитать: «Шанс» — непринужденная, ясная структура, но сомнительная развязка; изумительно разработанное исследование мотивов —

4/11/1950

[Неясно, о каком стихотворении пишет СС.]

Нет, мне совсем не понравилось стихотворение! Оно перегружено, этически непоследовательно — оно усложнено и вполне безвкусно. Однако оно «хорошо» не с «художественной», а с «исторической» точки зрения — так как произрастает из страстного приятия одиночества, по которому я так истосковалась. Я прижимаю одиночество к сердцу, как прекрасный дар. Посредством него я стану прекрасной!

5/11/1950

«Его лицо было одним из тех лиц, которые, из страха ненадлежащего использования, не используют вовсе» ([Джуна] Барнс)

6/11/1950

[Эдвард «Нед»] Розенхайм сказал мне сегодня, что [Кеннет] Бёрк назвал мою работу лучшей из всех проектов, представленных студентами, обучающимися по индивидуальной программе, — это значит лучше, чему Е.! Если бы только я могла убедить себя, что он не превосходит

меня по врожденным способностям, меня бы перестали тревожить мысли о его жизни и поступках — вялых, лишенных цельности — и о нехватке у него знаний, которые приобретаются лишь посредством длительного + вдумчивого чтения трудов по философии, истории + литературы. Ему безразличны вещи, которые всецело захватывают меня — нравственность, творение, хаос, познание, чувственность; однако меня ужасает мысль о том, что он обладает *природными* способностями + осведомленностью, которой у меня никогда не будет!

12/11/1950

Я узнала подробнее о том, что произошло с моей работой по «Ночному лесу». После того как ее прочитал Бёрк (который в письме к Розенхайму назвал ее «ошеломительной»), ее передали для прочтения еще одному человеку, какому-то преподавателю-гуманитарию, которому она вовсе не понравилась. Учитывая весомость слов Бёрка, работу передали, в качестве исключения, третьему рецензенту, также профессору-гуманитарию, который должен был выступить арбитром. Последнему работа понравилось еще меньше! Наконец руководство гуманитарного факультета призвало Уоллеса Фаули, который случаем был в университете, прочитав работу + и его решение считалось бы окончательным. Фаули работа понравилась так же, как Бёрку! (Вчера я прочитала мнение Фаули о «Ночном лесу» в одном из его сборников критических статей /«Клоунский Грааль»/ — его воззрения религиозны /родственны католичеству?/), но его анализ представляется гораздо более убедительным, чем у Фрэнка.

Впервые за три года перечитываю «Мартина Идена» [роман Джека Лондона]. Теперь я со всей отчетливостью вижу, какое огромное влияние оказала на меня эта книга, хотя с точки зрения искусства я считаю ее незначительной. Взрослые книги я читала и ребенком (хорошо помню «Двадцать тысяч лет в Синг-Синге», «Беседы на небесах»,

«Отверженных» + «Агнца» [«Сказки по Шекспиру»] — их я прочла, когда мне еще не было и девяти лет!) — однако прочтение книги Лондона совпало с подлинным пробуждением к жизни, как о том свидетельствуют эти дневники, которые я начала вести в двенадцать лет. В «Мартине Идене» нет ни одной идеи, относительно которой я бы не имела твердых убеждений, и многие из значимых для меня концепций зародились во мне под прямым воздействием этого романа — мой атеизм + значение, которое я придаю физической энергии + ее выражение, творчество, сон и смерть и возможность счастья!..

Для многих людей книга «пробуждения» — это в то же время утверждение положительного — подобно «Портрету» Джойса, так что их юность исполнена страстной надежды + и лишь позже в жизни они познают разочарование. Но в моей книге «пробуждения» проповедовалось отчаяние + поражение, и я выросла, в буквальном смысле не осмеливаясь ожидать счастья...

А вот взять еще «зрительный трюк» Мартина — пошловатую панорамную ретроспекцию Лондона — посредством которой в каждый важный момент его жизни перед ним шествует вереница образов из прошлого... Я ощущаю такую же потребность в последние четыре года: зафиксировать + расположить в порядке свой опыт и переживания, понять собственное развитие как философа-диалектика — быть в совершенном сознании каждую минуту, а значит, ощущать прошлое таким же действительным, как настоящее. Впервые я вижу истоки такого образа жизни, подобных нарциссистских настроений в этой книге... Страстная надежда существует в силу внешнего желания + стремления к ней; отчаявшаяся страстность, которую я восприняла в юности, рефлексивна и питается самой собой; единственное благо, которого она может достичь, — это знание... Еще более постыдное следствие подобной разновидности пессимизма состоит в общественном поведении — человек становится интеллектуальным вампиром!..

17/11/1950

Перечитать еще одну критически важную из моих «ранних» книг — «Подводя итоги» [Мозма] — надо же, в 13 лет воспринять столь учтивый аристократический стоицизм! Конечно, на меня оказал большое влияние его литературный вкус — в первую очередь *узор*.

•

[N.B. После смерти СС я не нашел среди ее бумаг других записей за 1950 год, а также дневника за 1952 год. Мне неизвестно, вела ли она дневник в те два года, избавилась ли от записей или же таковые оказались утеряны.]

19/1/1953

Сегодня у Шёнхофа [*книжный магазин в Кембридже, штат Массачусетс*], ожидая, вновь с приступом тошноты, пока Филипп выберет книгу в подарок на день рождения [профессора Арона] Гурвича («Письма» Декарта оказались распроданы), я раскрыла томик рассказов Кафки; и попала на страницу «Превращения». Я словно почувствовала сильный удар, такова *абсолютность* его прозы, чистая документальность, *ничто* не вынуждено и не затуманено. Насколько же я ставлю его выше всех других писателей! Рядом с ним Джойс выглядит глупым, Жид — да, слащавым, Манн — пустым + напыщенным. Лишь Пруст настолько же интересен — почти. Но у Кафки даже в самой вывихнутой фразе присутствует то чудо документальности, действительности, которого нет ни у одного современного автора, какая-то дрожь + сверлящая до синевы зубная боль. Так в «Чайлд-Роланд дошел до Темной башни» [Роберта Браунинга], так и на отдельных страницах в дневниках Кафки. Вот фраза: «Но они не могут; все возможные вещи случаются, только то, что случается, возможно».

•

В этом качестве открытости (ужасающей) и непринужденности письма сокрыт величайший гений. Толстому оно было присуще в высочайшей степени + отсутствие этого качества почти во всех современных сочинениях, даже подлинно талантливых, предопределяет их малозначимость. Например, «Мисс Одинокое сердце» [Натанаэля Уэста] или «Ночной лес» [Джуны Барнс].

Страшно подавленная, умолкшая под воздействием снов, что посещали меня в последние несколько недель, с невероятно реалистичной кульминацией вчера ночью. Их тема? Ну конечно, что же еще! Филипп завел будильник на 5 утра, и я слышала звонок. Мне хотелось подняться. Но я знала, что если позволю себе заснуть снова, то буду вознаграждена. Стоило мне заснуть, как все возобновилось — но на этот раз с мучительной явственностью. Можно было дотронуться...

Был там вроде как утес, дорога, ведущая вниз, к пирсу, затем комната с полуторной кроватью очень темного дерева, а еще позже — сцена в зрительном зале.

Я сказала: «Я дам тебе столько денег, сколько ты захочешь». Но ранее, на пирсе, я говорила: «Разумеется, у тебя может быть сколько угодно денег, но тебе они не понадобятся, да ты их и не захочешь. В них нет для тебя пользы». Во второй раз я умоляла, тогда как ранее я была очень уверена в себе и говорила почти покровительственно...

Вступив в комнату + увидев кровать, я осознала, что на такой кровати не спят в одиночестве.

Ты живешь с кем-то, крикнула я. Затем, кажется, он появился из-за двери, притом был он очень стар. Мне запомнился точный возраст, 67, и короткие, щетинистые седые волосы. «Я живу с ним, потому что он богат».

Я стояла у выхода на сцену в церемониальном платье. Меня ожидала большая толпа, и все же я осмелилась беспечно прикоснуться своей ладонью к ее...

Эти невероятные удовольствия — завершенность + грусть — не похожи ни на что за пределами сна. То обстоятельство, что я купила это удовольствие, ничуть не умалило его завершенности. В своей невыразимой царственности я не могла ожидать большего, и плоть оставалась плотью, продажная она или нет. Я лишь прошу дозволения изойти рыданиями, чтобы найти должное утешение, чтобы отринуть всякое утешение. Я могла бы проплакать дня три, кто знает, вопить и всхлипывать, не извиняясь за хлюпающий нос. Но я не плачу, так как в этом случае я была бы вынуждена что-то делать *после*, а не просто откинуться на подушки. То есть покончить с собой или уйти.

Во избежание двух этих действий я не смею рыдать, разве что самую малость...

Этот сон, равно как и предшествовавшие ему, громоздятся в моей голове огромной клёклой массой — вдавливая мою голову в желудок, нагружая меня тошнотворными, мелодраматическими приступами молчания...

Бедный, милый Филипп тревожится, не захворала ли я. Тогда как я пытаюсь сохранить целостность — умерить, так сказать, свое сердце, — я замечаю, что при расчесывании волосы мои волосы секутся, и, несмотря на мои мольбы, он договаривается о визите к врачу...

22/1/1953

Зачастую «абсолютной» прозу делает своего рода интеллектуальная стремительность — но здесь существенна легкость едва обозначенных конкретных ощущений. Именно это качество обеспечило замечательную удачу «Преступления», хотя остальные вещи [Жоржа] Бернаноса — дрянь. Летучая мышь бьется в голове инспектора,

который сильно простужен и лихорадочно мечется в постели своего грязного гостиничного номера.

Везде проза.

Сжатость + экспрессия + скорость.

Поистине, важен именно стиль. Стиль определяет сюжет.

Отныне примем это как дисциплинарную норму, я буду избегать, по возможности, диалогов, так как мои рассказы почти полностью состоят из диалогов — притом скверных, — а между ними ничего и нет.

Итак. Воскресным вечером профессор созвал к себе в дом всех молодых сотрудников факультета. Ему хотелось погасить ширящиеся слухи относительно молодого преподавателя, которому, как гласила молва, откажут в работе в следующем году. Сам преподаватель на собрании отсутствует и т. д.

1954

[Без даты.]

анестезия как модель добродетели (связь с могуществом)

17/8/1954

Сегодня (вернувшись домой в 2:30 утра, голодная, с красными глазами, сонная) я нарезала в миску долек ананаса и собиралась есть, когда Ф. предложил добавить в миску немного творожного сыра; он вытащил наполовину заполненную тарку из ледника + начал опустошать ее в мою миску. Я сказала (+ вполне осознанно) — «Не надо, я хочу совсем немного» — взяла у него ложку, + к собственному изумлению, вычерпала весь творог себе в миску.

Внезапно я поняла, почему Дэвид может яростно отказываться от чего-то + и в то же время принимать это. Для ребенка жизнь настолько сосредоточена на нем самом, что ни один его импульс не может обладать постоянством, потому что иначе это уже ограничение желания.

•

Проблема влияния (сообщения, на высшем интеллектуальном уровне) будто свидетельствует о том, что мысль человека в гораздо большей степени отделима от него, чем это готов признать любой великий ум. История влияний на каждый ум служит естественной корректировкой его собственных систематизирующих допущений, его собственных утверждений о несущественности воззрений.

Необходим словарь, с помощью которого можно было бы обсуждать тему влияния. В настоящее время для обсуждения великих интеллектуальных течений, подобных фрейдизму или марксизму, я располагаю понятиями ортодоксальности, учеников, еретиков (согласно религиозному образцу); нужны слова для точного определения лиц, находящихся под менее явным влиянием.

Может включать в себя ранжирование самих концепций. Концепций первой величины [*на полях приписка СС: «Но как определять “величину”?»*], второй, третьей и т. д. Затем ранжировать круги влияния вокруг центрифуги догматизма + центростремительное движение «частичного включения».

Таким образом возможно быть последователем Фрейда, не веря в первородный грех, ламаркианство, порочный разум и проч., через тиранию психологических исследований самого себя — например, объяснять Вебленов позитивный образ примитивного (расточительство, тщетность, причудливость, легкость) как предпочтение собственной матери (обладающей теми же качествами) своему свирепому отцу, которого человек боялся + с которым всегда боялся соревноваться.

От Фрейда здесь психоанализ семьи; однако более общим характером, чем учение Фрейда [*приписка СС на полях: «Не надо валить все это на Фрейда»*], обладает предположение, что интеллектуальные решения лишь подтверждают (приводят в действие) субъективные (иррациональные) предпочтения.

1955

8/4/1955

Прием, организованный Комитетом по свободе культуры [*как оказалось впоследствии, прием проходил с ведома и при поддержке ЦРУ*] в честь лидера Консервативной партии Австралии г-на Вентворта: краснолицый, приземистый, улыбающийся человек вполне политического облика, на вид лет шестидесяти; руки в карманах; выдающиеся зубы; носки расставлены; птичья головка; он оскорбительно внимателен, самоуверен, улыбчив. Говорил о смерти городов, об условиях выживания...

[Нижеследующие записи не содержат указания даты, но относятся к апрелю 1955 года.]

Почему бы нам [например, СС и ФР] не пользоваться диктофоном — мы лишаемся стимула сотворить из своего интеллекта эротический дар (дело не в скованности перед машиной + необходимости включать ее и т. д.).

Вот почему речь настолько проще + обильнее по сравнению с трудами по ведению дневника + прискорбная скудость многомесячных дневниковых записей за несколько месяцев по сравнению со всем тем, что человек произносит за один вечер.

Дневник (чистый лист [Стефана] Малларме) сковывает; речь раскрепощает, потому что в дневнике много нарциссизма + речь социальна + эротична + больше стимулов для людей боязливых + похвальные ожидания чего-то другого, чего-то отличного от вещей вполне познаваемых + вынужденные вопросы к самому себе.

Ранний пример *коллажа*

Джон Фредерик Пето (1854—1907): «Обыкновенные предметы в творческом мышлении художника» (холст, масло).

1956

15/1/1956

«Еврейский гностицизм» — [Гершом] Шолем

Теории Райценштайна об иранских истоках гностицизма — очень влиятельные — ныне воспринимаются как умозрительные

В настоящее время считается, что христианскому гностицизму предшествовал «еврейский» гностицизм

Недавно (18 лет назад) обнаруженные папирусы гностиков в Наг-Хаммади — 13 кодексов

«Евангелие истины» и т. д.

Здесь подробно рассматривается монотеистическая (недуалистическая) форма валентинианского гностицизма — предшествовавшая дуалистическому, антиномическому учению, о котором говорят Отцы церкви...

12/8/1956

Обладает ли «дух» силой? Такова была одна из главных тем в философии покойного Макса Шелера; он только и мог ответить на этот вопрос — «да», но лишь посредством *необычайства*, запрета на течение событий + приостановления череды жестокостей

•

В браке всякое желание становится решением

3/9/1956

Все эстетические суждения — это в действительности культурные оценки.

(1) Пример из Кёстлера: жемчужины — капли молока

(2) «чешуйки»

4/9/1956

Любезный нам эгоизм детей...

университетское образование как разновидность массовой культуры; университеты — это средства массовой информации с дурным управлением

Тот, кто изобрел брак, был изощренным мучителем. Это институт, *предназначенный* для притупления чувств. Весь смысл брака состоит в повторении. Самая благородная его цель состоит в создании устойчивой взаимозависимости.

Ссоры в конечном счете становятся беспредметны, если только человек не готов совершить по их следам поступок, то есть положить конец браку. Итак, через год совместной жизни супруги перестают «мириться» после ссор — но лишь замыкаются в сердитом молчании, которое переходит потом в привычное молчание, и все начинается заново.

20/10/1956

...«Война и мир» Толстого

основная тема: антигероический эпос

Кутузов, антигерой на национальном уровне, одерживает победу над героем — Наполеоном

Пьер, антигерой на уровне личностей, одолевает героя — Андрея

23/10/1956

6:30, обед в Философском клубе, вместе с М[аргарет]-М[астерман] Брейтвейт

в 8:30 ее лекция: «По направлению к логическому определению метафизики» (Эмерсон В)

Спиноза — величайший метафизик.

[Гарвардский философ Уиллард ван Орман] Куайн движется к созерцанию всеобщей совокупности высказываний — так что вопрос о доказуемости одних и недоказуемости других высказываний не встает.

24/10/1956

Философствовать или быть хранителем культуры? Я никогда и не думала быть кем-либо отличным от последнего...

У мысли нет *естественных* границ.

Философия — это топология мысли...

Проект: составить схему или карту философских ходов (маневров). Философия как игра. (Научиться играть в шахматы!) То, что [американский шахматист XIX в.] Пол Морфи хорошо играл в шахматы, не слишком помогает играть в шахматы мне. (Все-таки немного помогает.) Поэтому с философией покончено снова и снова

В философии змея глотает собственный хвост; мысль о мысли² — два значения «мысли». Мысль — это философия; мысль² = науки.

Но архитектурными или эстетическими (или логическими — то же самое!) соображениями не может исчерпываться *все*, что определяет предпочтение одной философской системы другой. В таком случае не существовало бы истинной + ложной метафизики.

«Позвольте мне пронзить ваши доводы рентгеновским лучом...»

«Позвольте мне расшифровать вашу систему...»

«Прошу прощения, мне нужно обнаружить ваши мотивы...»

В философии вы стремитесь нащупать, нежно и деликатно, границы мысли — или же отжимаете их от себя — или приближаете их к себе — или плюете на них — или рисуете вокруг них красивые виньетки.

Что такое мысль без слов? Захотите попробовать, у вас не получится. Мысль, искаженным образом, тщится *быть* словом (см. понятие «внутренней речи» у [британского невролога Джона] Хьюлингса Джексона)

Слова — это монеты мысли, а не номинал мысли. (Это последнее в противовес лингвистическим философам из Оксфорда)

31/10/1956

Мир есть уникальный объект. Именно в этом смысле у него нет границ.

Трое философов, которыми я восхищаюсь больше всего, — Платон, Ницше, Витгенштейн — были, по всеобщему признанию, противниками систематизации. Можно ли показать, что величайший поборник систематизации — философ, безжалостно швырнувший собственный благородный дух на прокрустово ложе, я подразумеваю Спинозу, — будет доступнее для понимания, если его систему расшифровать и истолковать *афористично*? [*На полях приписка СС: «против Вульфсона».*](С[ёрен] К[ьеркегор], конечно, был прав относительно Гегеля.)

Солипсизм — вот единственная *подлинная* философия, если философия может означать нечто отличное от здравого смысла. Но, конечно же, это не так. Поэтому мы не ищем *подлинной* философии.

1/11/1956

Сегодня целый день Дэвид хочет понять: «*Когда именно умирают во сне?*» (после того как утром я прочитала ему детскую вечернюю молитву «На сон грядущий...»).

Мы говорили с ним о душе.

3/11/1956

Сегодня я рассказывала ему [Дэвиду] об аде — после того как он спросил: «Дон Жуан умирает, правда?»

Позже я услышала следующий диалог:

Дэвид: Ро [*Роуз Мак-Налти, няня СС, а позже ДР*], ты знаешь про ад, куда идут все плохие?

Роуз: Хм.

Дэвид: Ты знаешь про Дон Жуана? Он убил старого Командора, но старый Командор вернулся — у него еще была сила (то есть его душа) — и посадил Дон Жуана прямо туда, в ад.

Роуз: Ух-ты.

•

Возможна ли *философия* религии? Не выхолащивает ли она ее содержание? Что может означать «*религия*» за пределами конкретных исторических религий?

Паскаль: Отрицать философию уже означает философствовать.

4/11/1956

Венгрия на эшафоте истории... [*Отсылка к фразе Гегеля: «История — это эшафот».*]

Во вторник главный раввин положил Тору в первый израильский танк, входивший на Синайский полуостров, сказав при этом: «Вы вступаете на священную землю. Здесь Моисей дал нашим отцам закон».

•

Относительно смерти Гертруды Стайн: она вышла из комы и спросила свою подругу Алису Токлас: «Алиса, Алиса, каков ответ?» Подруга

ответила: «Ответа нет». «Тогда в чем же вопрос?» — продолжила Гер-
труда Стайн и, откинувшись на подушки, умерла.

16/11/1956

Генри Джеймс

Холостяцкая жизнь была тем самым средством, с помощью которого
Джеймс практиковал свое «очевидение».

Прочитать «Воспоминания [Генри Джеймс за работой]» мисс [Тео-
доры] Босанке — машинистки Джеймса в последние годы жизни. Ле-
он Эдель утверждает, что переход от «среднего» к «позднему» (газо-
образному) стилю пришелся как раз на то время, когда Джеймс пе-
рестал диктовать секретарше-стенографистке + начал диктовать
мисс Б., которая печатала начитываемый текст на машинке. Он мог
выносить ритм только одной машинки — модели «Ремингтон», +
на смертном одре — в последние минуты жизни — он звал свой «Ре-
мингтон». И она для него печатала. Джеймс умер под стрекот своей
пишущей машинки.

Это понравилось бы Флоберу — пафос призвания художника.

18/11/1956

Проект — заметки о браке

Брак основан на принципе *инерции*.

Нелюбящая близость.

Брак состоит в сугубо частном — а не общественном — поведении.

Стеклянная стена, отделяющая одну пару от другой.

Дружба в браке. Гладкая кожа другого.

[Протестантский теолог Пауль] Тиллих: брачный обет сродни идолопоклонству (возвышает одно мгновение над всеми остальными, дает этому мгновению право определять все последующие). Моногамия — то же самое. Он уничижительно говорит о «чрезмерной моногамии» евреев.

Рильке считал, что единственный способ сохранить любовь в браке — это испещрить его актами разлуки — возвращения.

Утечка слов в браке.

(Во всяком случае, в моем браке.)

1/12/1956

Ипполит прав; какая безрассудная страсть! Такое чувство несовместимо с уважением к людям, вкусам, предпочтениям. Всякий, кто говорит — «Я люблю Х, потому что у нас так много тем для разговора», или «потому что она добрая», или «потому что она любит меня», или «потому что я ею восхищаюсь», — лжет или не любит. Существует такая разновидность, как любовь-чувство, одна из *двух* основных разновидностей (вторая — это любовь-зависимость), которая совершенно безлична — она захватывает человека, + приковывая его порой к совершенно гротескному объекту. Если такая любовь безнадежна — нет нужды осыпать себя бранью — выстрадайте ее, и пусть осознание ее явной гротескности способствует ее уходу.

Под гротескностью я не разумею безнравственность. Это чувство *не-нравственно*, так же как оно безлично. Горящие щеки; земля уходит из под ног*.

*Вспоминаю И. Л., каким я его увидела тем весенним днем из окна класса А10 (английский язык, класс мисс Эстроп) — как парта, на которую я опиралась локтями, вдруг рухнула в пропасть. Меня охватило такое же ощущение — совершенно невольное + несвязанное с чувством, — когда я помогала Дэвиду подниматься по ступенькам сегодня в 6:30 вечера, мы как раз вернулись к себе после чая у Карров [*историк марксистского толка Э. Х. Карр и его жена, близкие друзья ФР и СС.*]. Я не думала ни о чем особенном + внезапно ступенька, так сказать, ушла из-под меня + я тяжело прислонилась к двери.

•

Что касается данной разновидности любви, то здесь слова — «я люблю» — неуместны. Это просто «любовь», которая овладевает мной, так уж случилось, и влечет меня к имяреку. Что касается второй основной разновидности любви, любви-зависимости, то здесь вполне приемлемы слова «я люблю»; по существу, здесь «я» важнее «любви».

Примечание: утверждая, что любовь произвольна, я разумею то, что она *испытывается* как произвольная. Конечно, совершенно очевидно, что она обусловлена подавляемой в себе тоской, образами и проч., и проч.

Для каждого лица существует лишь ограниченный список типов людей, в которых он [*в тетради «он» зачеркнуто, но фраза остается без местоимения*] может влюбиться подобным образом. К примеру, я никогда бы не смогла влюбиться в человека, который — что?

[Нижеследующий список светских встреч и других событий, преимущественно без датировки, написан, вероятно, в самом начале декабря, но охватывает последние дни ноября 1956 года.]

[Без даты]

обед у нас: Карры, [марксистский философ-эмигрант Герберт] Маркузе, [Луис] Харц, мы

Суббота, ноябрь *[без указания даты]*

обед у Карров (Брандейс): Карры, Оуэн Латтимор, Джон Картер Винсент, я

Суббота, 24 ноября —

4:00—6:00 чай у Карров (Брандейс), заносили им какие-то вещи: Карры, мы втроем

26 ноября

обед у нас: мы, Карры, проводили их обратно до «Амбассадора»

29 ноября

9:00—1:00 кофе; визит к окулисту — [больница] Морган Мемориал; кофе

1 декабря

Чай у Карров («Амбассадор»); нас 3; принесли стул

Вечер: «Шкаф доктора Калигари» (192[0]) Конрад Вейдт, Вернер Краус, «Последний человек» (1925). Режиссер: Ф. Мурнау

13/12/1956

Сегодня впервые мне открылся смысл когерентной теории истины. Истина утверждения, оцениваемая по его согласованности с другими утверждениями, которые мы обязаны высказать.

Сюда же можно отнести переписку — как один из (основной?) критериев, вынуждающих нас ввести утверждение в систему утверждений.

Кант поясняет когерентную теорию истины своим методом критической регрессии.

•

Тема дипломной работы: «Нормативное и описательное» (?)

•

Анализ религии Лукрецием подобен фрейдовскому. Религия не смягчает, а пробуждает тревогу.

Для обоих весь анализ состоит в терминах категории тревоги.

Этика эмоциональной отстраненности; представляется, что подобному отношению к религии сопутствует разотождествление. Вновь Лукреций и Фрейд.

Еще и *эта* двойственность: прометеева жила (возвышение человеческого, свержение ложного божества; автономия человека + опора на собственные силы) вкупе с этикой благоразумия, расчетом эмоциональных затрат.

Тридцатичетырехлетие Филиппа.

Сегодня утром в классе 8А меня посетили интересные мысли об «Иове». Подобно тому как [Уильям] Джеймс различает мягкий и жесткий подход к занятиям философией, так можно провести различие между мягким и жестким подходом к религии. Мягкая религия подразумевает, что запросы *религии* + этики совпадают; для адептов такого подхода всякое другое отношение отвратительно, ужасно, невыносимо. Жесткая религия допускает подобное размежевание, даже противопоставление между религиозными + этическими требованиями. Н[овый] З[авет], в целом, отличается мягкостью. В[етхий] З[авет] (ср. повесть об Аврааме в изложении С[ёрена] К[ьеркегора]; книгу Иова) — жесткость.

Религиозное требование направлено от Бога к человеку; этическое требование определяет отношения между людьми.

•

Ланч с Джойс + Тедом Карр.

•

Сегодня вечером Дэвид — сидя на туалетном столике в ванной, пока Роза готовила его ко сну, — сказал: «Как у женщины может быть два мужа? Это если один умер?» Я ответила: «Да. Если один умирает, можно выйти замуж снова, если есть желание». На что он ответил: «Ну что ж, когда папа умрет, я женюсь на тебе». Я была так изумлена + обрадована, что только и смогла вымолвить: «Это лучшее из всего, что ты говорил мне, Дэвид».

Он выглядел очень спокойным, но я едва не разрыдалась — извращенная, сверхизошренная антифрейдистская недоверчивость, тревога о том, что Роза узурпирует любовь Дэвида ко мне и проч. — все это заронило во мне сомнение, что он *когда-либо* скажет, произвольно скажет нечто классически сыновнее + нежное.

[*Без указания даты; несомненно, середина декабря 1956 г.*]

Из «Дневников» С[ёрена] К[ьеркегора]:

«Есть множество людей, приходящих к заключениям о жизни подобно школьникам: они обманывают учителя, списывая решение задачи из книжки без того, чтобы попытаться найти ответ самим».

«...фантастическая среда абстракции».

•

Не сомневаюсь, что С.К. обратился бы в католичество — если судить по траектории «Дневников». Взять хотя бы те исполненные силы заключительные страницы, где он исследует протестантство как лечебное снадобье, как противоядие — но пустое + бездуховное, если оно утверждается само по себе, как Лютеранская государственная церковь Дании.

19/12/1956

Дэвид различает «саркофаг» и «эзофаг».

23/12/1956

В Музее [Изабеллы Паркер] Гарднер [в Бостоне] (с Дэвидом, Джойс Карр). «Розовая плоть Эдема». Тела, будто сотканные из росы, едва оформившиеся.

Портрет миссис Гарднер кисти [американского художника Джона Сингера] Сарджента на третьем этаже — это своего рода святилище. Длинная, узкая картина; бокаловидная фигура миссис Г., тяжелые четырехмерные нити жемчуга, смазанный рот, точно художник вычертил его с большой точностью, а потом провел тыльной стороной ладони по влажной краске.

24/12/1956

В конце концов Филипп решил, что не будет делать доклад. Диалог с Дэвидом, который готовится ко сну. Сегодня он нежен и покладист. «Что, если бы Бог не создал мир?» Я: «Тогда не было бы нас. Это ведь плохо?» Он: «*Не было бы?* Даже Моисея?» Я: «Как может быть кто-нибудь, если не было бы мира, чтобы нас вместить?» Он: «Но если бы не было мира, то где был бы Бог?» Я: «Бог предсуществует миру. Он — не человек и не вещь». Он: «Но если он не *человек*, почему ему нужно было отдыхать?» Я: «Видишь ли, в Библии *говорится* о Боге как о человеке, потому что только так мы можем вообразить себе Бога. Но в действительности он не человек». Он: «А что он? Облако?» Я: «Он не *что-то*. Он — начало всего мира, основание бытия, он везде». Он: «*Везде?* И в этой комнате?» Я: «Почему бы и нет? Конечно». Он: «Бог добрый?» Я: «Ну конечно». Он: «Бог добрее всех на свете?» Я: «Верно. Спокойной ночи».

26/12/1956

Интерпретация:

Всегда предполагается *значение*. Один из критериев толкования (ср. критику Корнфорда Аврилом относительно «Софиста») состоит в том, что оно не оставляет тексту *достаточно* значения (смысла).

27—29/12/1956, Нью-Йорк

выехала 27 декабря с Дэвидом — Д. в серых оксфордских штанах. Метро до Южного вокзала [Бостона]. Поезд в 8:00... В Нью-Йорке в 12:15. Взяли такси до [гостиницы] «Губернатор Клинтон». Сняли номер, умылись, доехали на такси, через Эмпайр-стейт-билдинг, до ресторана «Золотой рог». Ели шиш-кебаб. Такси до Метрополитен-музея. С 3:00 до 5:00 — египетские экспонаты и этрусский воин. Прибыла Роза. Автобус обратно в гостиницу. Умылись и переоделись. Вышли в 6:10 — Дэвид приклеился к телевизору, Роза вот-вот уведет его, с Пенн-стейшн (это через улицу) они поедут во Флашинг на ночь [во Флашинге жила семья Роз Мак-Налти]. Такси до «Отеля Тафт». Там уже были Герберт и Инге [Маркузе], спустя несколько минут прибыли Питер + Фрэнсис. Дошли до «Парижанки». Наспех пообедали омаром. Пешком до [театра] «Зимний сад». «Троил и Крессида». Потом с Томми + к нам присоединился школьный приятель, перешли улицу в бар «Тафта» на кружку пива. Томми + приятель ушли, потом Питер + Фрэнсис уехали обратно в Уотербери [Коннектикут]. Пешком дошли до метро на Колумбус-серкл с Инге + Гербертом. Спокойной ночи. Обратно в гостиницу. Уснула к 2:00.

Проснулась в 10:00 от стука в дверь: Дэвид + няня [Роз Мак-Налти]. Оделась. Дэвид снова у экрана. При первой же рекламе я выключила телевизор. Вниз + такси до Музея естественной истории. Два часа

в музей. Купила Дэвиду тиранозавра. Вышли оттуда в 1:00. Сели в автобус и поехали на юг по Централ-парк-вест. Вышли на углу 51-й улицы. И поели в «Анчоус-хаусе». Дэвид съел сандвич с беконом. Позвонила Филиппу в 2:15. Прогулялись с Д. + няней до метро (они едут в «Губернатор Клинтон», потом на поезд, отходящий во Флашинг с Пенн-стейшн). Через дорогу — «Зимний сад». Купила билет на дневное представление. «Троил и Крессида». Вернулась в гостиницу к 5:45. Почитала «Нью-Йорк таймс», умылась, переоделась. Позвонила Питеру Хайду. Вышла в 7:15. Прошла шесть кварталов, потом доехала на автобусе до 45-й улицы. Купила билет на «Чудаков». Огляделась в поисках ресторана. Пошла в «Адано» на 48-й Западной улице. В 8:30 вышла из ресторана и направилась в [театр] «Бижу». «Чудаки». Смешно. Вышла из театра в 11:45. Доехала на такси до 73-й Восточной улицы, там квартира Альфреда Клейбурга. Вечеринка, устроенная [американским поэтом] Ричардом Эберхартом. На вечеринке: Эберхарт + свинойрылая жена, Оскар Уильямс, два индейца в национальных костюмах, Тамбинетта + жена, молодой поэт по имени Грегори Корсо в очках XVIII века, Хосе Гарсиа Вилла, Элен Снайдер (из Юконна [*Университет штата Коннектикут, где СС читала лекции в течение одного учебного года, приезжая туда из Бостона*]; теперь работает в Новой американской библиотеке), толстый поэт Освальд де Винтер, Арабель Портер (из «Нью уорлд райтинг») + муж Джон, Элизабет Кезли (?) из Сиэтла, Жан Гарриг, Аллен Гинзберг (поэт).

Пешком вернулась в гостиницу. Полчаса просидела в фойе с Грегори Корсо. Поднялась в номер в 5:30. Почитала «Таймс», разделась, легла спать.

Меня разбудили в 6:30. Оделась. Розы + Дэвид прибыли в 6:50. Вышли из номера + сдали ключи к 7. Такси на Гранд-централ. (Верхнее место.) В 7:30 поезд в Бостон.

1. Ничто не остается неинтерпретированным.
2. Интерпретировать означает определить, ограничить; или вы-
лущить, привести значимость.
3. Интерпретация — это средство, через которое мы оправдываем
контекст.
4. Интерпретация слова отличается от его определения; первое
подразумевает конкретизацию контекста (не эквивалентов).

•

поцелуи, как пули; поцелуи с привкусом мыла; поцелуи губами, на
ощущение мокрыми, как телячьи мозги.

Отпустить

Отпустить

На самом деле

отпустить

•

[Гарвардский психолог] Джерри Брюнер: как X выносит суждение о
том, что Y — его друг (испытывает к нему приязнь)? Женщины склон-
ны делать выводы на основании *дарящего* поведения — если Y дарит
X подарки и т.д., X делает вывод, что он (она) нравится Y. Мужчины
обычно с подозрением относятся к подобному поведению (не пото-
мули, что оно считается проявлением гомосексуальности?) и делают
выводы на основе соглашения. X заключает, что Y испытывает к нему
симпатию, если Y соглашается с ним.

Один из смыслов «толкования»: вводить поправки на что-то.

Ребенком я была горячным маленьким деистом.

1957

[Датировано лишь 1957 г.]

Во что я верю *по-настоящему*?

В ценности частной жизни
В сохранение культуры
В музыку, Шекспира, старые здания

Что доставляет мне удовольствие?

Музыка
Влюбленность
Дети
Сон
Мясо

Мои недостатки

Вечная непунктуальность
Склонность лгать, многословность
Лень
Неспособность отказывать

•

Перечитать: «Меланкту» [Гертруды Стайн], «Замок» [Кафки].

1/1/1957

Идеи для рассказов

Знаменитый еврей-эмигрант — ученый / теолог, ныне гарвардский «джентльмен». Получает премию от Германии. Отправляется вести переговоры от имени Гарварда относительно покупки библиотеки старого еврея — бизнесмена, владевшего большим собранием изданий с автографами; перед самой войной он сделал небольшое пожертвование в пользу Музея кайзера Вильгельма. В 1939 г. нацисты заключили коллекцию в погреб + запломбировали дверь; но мужчине разрешили жить в доме. В 1944 г. английские + американские бомбардировщики разрушили большинство домов в квартале, но его дом выстоял

Остов рассказа

Повествуется в абстрактном ключе — как можно меньше фактических подробностей.

Образец: Кафка

3/1/1957

Помню, как это было — не состоять в браке, помню, как я тогда жила, — но не могу почувствовать себя той. В последние шесть лет меня не покидает ощущение несвободы. Сон, приснившийся несколько недель назад: я собираюсь спуститься по короткой лестнице — вроде бы в плавательный бассейн, когда сзади ко мне подступает конь и кладет на меня передние ноги, по одной на каждое плечо. Я кричу и пытаюсь освободиться от давящего веса и тут просыпаюсь. Объективное соответствие приступам мрачного настроения.

Гёте заявлял, что творческим может быть только недостаточное знание.

5/1/1957

Вечерняя беседа (с 7 вечера до 1 ночи) с Зином Вендлером из «Общества Иисуса». Католическая церковь — это единственный жизнеспособный религиозный институт в западном мире. Он, впрочем, не отрицает существования в ней глупцов и фашистов (Спелман, Миндсенти и др.), как и того, что со стороны церкви неразумно держать в Списке [запрещенных книг] «Рассуждения» Декарта или «Отверженных» [Виктора Гюго]. Разумеется, он — интеллектual, эдакий доморощенный умник среди братьев-иезуитов (какое откровение: он сообщил нам, что его коллеги хотели бы видеть его на викторине, той что с призом в 64 000 долларов; то же самое говорила Ф. тетушка Фанни). Еще он хотел дать понять, что церковь стоит над холодной войной: они-де могут работать и в Америке, и с [Владиславом] Гомулкой *[в то время — коммунистический лидер Польши]* и с Франко, и с [Имре] Надем *[вождь произошедшего в предыдущем году венгерского восстания]*, если бы тот «не зашел слишком далеко».

В мире 33 000 иезуитов — 8000 в Америке, здесь самая высокая численность монахов ордена; 7000 иезуитов — в Испании. Нешуточное противостояние внутри ордена между американцами + испанцами.

После ухода Зинона Ф. + я провели час за анализом услышанного. Что может противопоставить этому иудаизм? Я повторила свои давнишние слова: религиозное чувство внутри католичества по-прежнему для меня невозможно, потому что церковь столь патриархальна — но в этом смысле иудеи еще хуже. Где, во всей истории евреев, найти св. Терезу или Эдит Стайн, не говоря о матушке Кабрини.

Ф. сказал: «Что ж, в таком случае иудаизм необходимо реформировать. Что ты можешь предложить?» Я сказала: «Во-первых, учреждение ордена — например, общества Маймонида... или чего-то еще. Иудеям необходимо возродить пространство для религиозного чувства в отрыве от института раввината, так как в существующей системе конгрегаций раввинат совершенно выродился, и невежественная, пошлая паства просто нанимает на работу эстрадного исполнителя».

Предполагается ли, что в ордене будет совместное обучение? Да. Необходимо избавиться от засилья мужчин. Будут ли члены ордена приносить обет? Вот это задачка. Возможно, предпочтительна англиканская система — обет, принесенный на ограниченное время, скажем на три года, на шесть лет, и подлежащий возобновлению. Бедность, целомудрие + послушание? Иудаизм — это совершенно неаскетичная религия + в ней отсутствует прецедент целомудрия. Но с точки зрения духовности нет смысла вынуждать людей оставаться безбрачными без того, чтобы они давали обет целомудрия. В противном случае мы поощряем половую распущенность + духовности в ордене будет не больше, чем в академии Вест-Пойнт. А как насчет пожизненного обета целомудрия? Существует ли альтернатива разделенной по половому признаку, военной по природе организации церкви? Ф. предложил план, напомнивший мне о Брудерхофе.

6/1/1957

Простуда. Сегодня звонила мама. Скучный академический вечер, пришли Джерри Брюнер, Ростовы.

•

Перечитала «Тезея» Жида.

О браке. Не о чем говорить. Больше ничего и нет. Ссоры + нежность, бесконечно воспроизводимые. Только теперь у ссор повышенная плотность, и это почти сводит на нет способность к нежности.

Словесная течь. Мой разум стучит каплями через рот.

Я вялая и безвольная, более чем когда-либо. Пусть это дно — перед взлетом.

•

Названия рассказов: «Столичные дни», «Частные дела» — это подошло бы для сборника. «Повышение», «Дневник савраски».

•

Двое людей, закованных в наручники у навозной кучи, не должны ссориться. От этого навозная куча лишь подрастет на несколько дюймов, + будет всю жизнь вонять у них под носом.

Ссоры уместны в дружбе. Однако людям, живущим вместе, не следует ссориться.

Ф. сказал, что сожалеет о нашей ссоре, потому что потом у меня разыгралась мигрень. Грустно, что он так сказал. Правильнее было бы подумать о том, что ссориться бессмысленно.

•

Заметки о браке

Чтобы ко мне подвели моих правнуков в золотую годовщину свадьбы? «Прабабушка, *ты* испытывала *чувства*?» — «Ага. То была болезнь, которую я подхватила в молодости. Но я излечилась».

•

Ф.: «Ты не знаешь, каково это... готовиться к тому, чтобы сесть писать. Садиться, с ручкой в руке, перед листом бумаги. На старт, внимание, теперь встать: ну вот, поехали. Готовься, целься, пиши... Мысль о сочинительстве вытеснила из моей головы все остальные мысли».

...«Так болезненно топтаться в исходной точке...»

«До чего же мучительно обладать столь развитым самосознанием».

•

Отныне я буду записывать каждую проклятую мысль, пришедшую в голову.

Дурацкая гордость, происходящая от чересчур длительного употребления высокой культуры.

У меня понос рта и запор пишущей машинки.

Мне все равно, что может выйти скверно. Единственный способ научиться писать — это писать. Отговорка, что, мол, задумываемое недостаточно хорошо

•

Самое ценное — это жизнеспособность, *витальность*, но не в том зловещем смысле, как ее понимает Д. Г. Лоуренс, а только воля + энергия

+ большое желание делать то, что хочется + не «тонуть» в разочарованиях. Прав Аристотель: счастье — это не цель, а косвенное следствие деятельности, основанной на добродетелях —

•

Идеи для рассказов

1. Рассказ в духе Кафки: университетский ученый, ожидающий повышения. Избыточное толкование поступков. Декан факультета. Ректор. Рекомендательные письма. Отгиски. Непонятно, где источник власти. Слухи. «Всякий раз, когда я шел по длинному коридору, он скрывался в мужском туалете. Ошибки быть не могло. Зов природы не может раздаваться с такой поразительной регулярностью».
2. Пара в зале ожидания. Любопытное переплетение частного + общественного поведения.

14/1/1957

Вчера Дэвид, готовясь ко сну, заявил: «Знаешь, что я вижу, когда закрываю глаза? Стоит мне закрыть глаза, как я вижу Иисуса на кресте». Мне кажется, что пришло время Гомера. Лучший способ избавиться от болезненно-мрачных религиозных фантазий индивидуализированного свойства — это вытеснить их обезличенной Гомеровой бойней. Привнести язычество в его нежную душу...

[Пожалуй, что значительные по объему записи СС о своем детстве, состоящие из кратких заметок, близких по стилю литературе «потока сознания», отражают, за исключением горсти интервью и нескольких отмеченных печатью автобиографичности рассказов (например, «Плана путешествия в Китай»), ее наиболее последовательные попытки в жанре автобиографии.

Время от времени СС обдумывала написание — если не автобиографии, то повести о дружбе с несколькими людьми, причем чаще всего называла имена Герберта Маркузе и Иосифа Бродского. В конце концов она сделала выбор в пользу художественной прозы, и при этом, несмотря на многочисленные обещания самой себе, так и не сократила время, которое отдавала написанию эссе. Приведенные ниже записи существуют в двух версиях. В первой из них СС, как нам представляется, просто записывает свои воспоминания, не следуя какому-либо порядку. Записи, вычеркнутые из первого варианта рукописи, послужили основой для второй, более упорядоченной версии. Я привожу большие отрывки из первой версии, тогда как вторую воспроизвожу в ее целостности.]

ЗАМЕТКИ О ДЕТСТВЕ

[Первая версия]

Окорок + шпинат. Энтони Роули.

В поезде на пути во Флориду: «Мама, как пишется *пневмония*?»

Сажу на дедушкиной постели утром в воскресенье.

Сон о пожаре в школе на Гроув-стрит.

Умственно одаренные дети. Мисс Рут Беркен. Джуди Вайцман.
Петер Кесснер. Уолт Флейгенгаймер. Марсия Милляр.

Мое вранье.

Мы в детском клубе, и папа говорит мне, что нужно съесть пеструшку, это полезно.

Большой белый волдырь на пальце — от горелки Бунсена загорелась какая-то бумажка (я хранила свои химические приборы в не-большом бюро с деревянной шторкой).

Тельма де Лара. Картина с Иисусом в подвале. «Это образ Бога».

(8) Мать говорит мне, что собирается выйти за Ната.

Совместная с матерью комната в первые два года пребывания в Таксоне. (Так посоветовал Нат.)

Чтение Иды Тарбелл о Дюпонах.

Поиски кошерного ресторана для бабушки.

Школа в Норманди-Айл. Ида + Лео Губерман.

Набор для занятий химией.

Под водой Петер Хайду кладет мне руку на бедро (четырнадцать лет).

Возвращение домой на обед с барбекю.

Плачу на просмотре фильма «По ком звонит колокол» — с матерью в большом кинотеатре на Манхэттене.

Сумах ядовитый. Доктор Штумпф.

Вращающиеся эбеновые двери (китайские), ведущие в гостиную в доме в Грейт-Нек.

Настольная рождественская елка во Флориде: серебряная с голубыми огоньками.

Желание обладать сапфиром.

Ловлю кузнечиков, чтобы сажать их на клавиши игрушечного пианино.

Ободранная правая коленка в школе на Гроув-стрит.

Сидя на уроке, поднимаю правую ногу, чтобы почистить колено, пытаюсь соскрести черную родинку.

Пишу сочинение для господина Шепро о четырех калифорнийских баронах преступного мира (Хантингтон Хартфорд, Марк Гопкинс +). [*Господин Шепро был любимым учителем СС в средней школе в Норт-Голливуде. Его внесли в черные списки спустя несколько лет после окончания ею школы.*]

Папин бумажник из свиной кожи. Дэвид Соломон, сын бакалейщика.

Признание, что я украла десятицентовую монетку, хотя и не делала этого (школа в Грейт-Нек).

Читаю «Двадцать тысяч лет в Синг-Синге» Уордена [Льюиса] Лоуса, «Беседу в небе» [Чарльза Вуда] и «Отверженных» (Форест-Хиллз).

Наш телефон: Бульвар 8-8937.

Обшитый досками дом рядом с Квинс-бульвар (Форест-Хиллз).

Зависть к Марджи Рокли: она родилась в Китае + у нее есть няня.
Смушение от того, что дядя Арон увидел мою попку, пока я загора-
ла. Стесняюсь сказать об этом. (Грейт-Нек.)

Нелли [*домработница, жившая в доме в раннем детстве СС*]. Ее ком-
ната. Маленький радиоприемник на комоде, справа, как войдешь
в комнату.

Арвел Лидикей обходителен со мной (средняя школа Каталины);
я не знаю, как ему ответить.

Кокосовые пальмы позади нашего дома во Флориде.

Седьмого декабря [1941 г.] мама была на бейсболе с дядюшкой, ког-
да позвонил дядя Арон, чтобы сообщить новость.

Использование электрической плиты в «Эль-Конкистадоре».

Та женщина сзади, чей муж был болен туберкулезом.

Поиски, строительство форта.

Сидни Лидз («Мистер Лидз») с лицом негодяя.

Дядя Бен в коричневом костюме.

Подвал лечебницы для душевнобольных в Вероне [штат Нью-
Джерси]. Запах мочи.

Сплю с Библией под подушкой, набитой конским волосом. Беру
Библию с собой, когда мы с матерью поехали на выходные пого-
стить в Йонкерс, Маунт Вернон? Поездка на пароме.

Маунт Эрроухед. Нат ездил туда в течение двух недель. Фильм о сестрах Бронте.

Книга де Толне о Сикстинской капелле в публичной библиотеке. Джудит [*младшая сестра СС*] — ее укачивает в машине.

Лагерь Эрроухед. Сплошные ужасы. Начала грызть ногти.

В бассейне Химмеля увидела шрам от аппендицита на животе Шарлин.

Стерла ноги, гуляя вдоль окраин «Конкистадора».

Купила подержанный экземпляр «Неудовлетворенность культурой» [Фрейда] у «Пиквика» [книжный магазин в Лос-Анджелесе].

Мисс Беркен жила в Вудсайде со своей матерью.

Сижу на коробке из-под шеффилдского молока с дядей. Рассказываю ему о «Заржавевшем рыцаре» (сказка из серии радиопередач «Давайте фантазировать»).

Познакомилась с Флоренс + поцелуй дядюшки Сонни.

Песочные часы на стене в кухне (Верона).

Смотрю «Грошовую серенаду» в «Форест-Хиллз Театр» с Розы.

Таксон: ночью, лежа на верхней койке, экзаменую Джудит по столицам всех штатов США.

Чандлер-стрит. «Красный автомобиль» [Лос-Анджелес].

Марта и Билл Хирши. Сьюзи. Когда Марта днем пришла в гости к (Таксон) М. + она сидела в патио. Марта курила сигареты «Вайс-рой» + я стащила и спрятала фильтр одной из выкуренных ею сигарет.

...

Няня по имени Виолетта после ухода Розы.

Карлики на Всемирной выставке [1939 г., Нью-Йорк].

Однажды во время вечеринки в квартире мисс Беркен я пролила что-то на стул.

...

Пытаюсь грызть ногти на ногах, после того как изгрызла все на пальцах рук.

Играю в настольный гольф в школе Саншайн — с Франсис Фрэнсис и мальчиком из Нью-Йорка, оба восьмиклассники.

Узнаю о том, что вход в квартирный дом «Корд Мейер» «ограничен».

...

Репа на второй завтрак в школе Саншайн. Бобы. Испускание газов.

Смотрю «Грозовой перевал» в компании Шарлин Пол.

...

Тетушка «Дэн». Глубокий широкий шрам у нее на ноге.

Смотрю «Цветы в пыли» (Грир Гарсон) с матерью.

...

День рождения тетушки «Дэн», 1 апреля.

Папа умер 19 октября 1938 г.

...

Иду в церковь с Розы.

Дама по соседству в Грейт-Нек, сказавшая, что у нее умер отец.
Как? Остановилось сердце. Ах.

...

Таксон: Перекати-поле.

Открытие Томаса Манна в книжке Клифтона Фэдимана — «Чтение, которое мне понравилось».

...

Большое белое изголовье двуспальной кровати матери
(Форест-Хиллз.)

Поезд на юг, во Флориду.

Бабушка Розенблатт во Флориде.

...

Семья Рози. Тот день, когда они взяли меня с собой на рыбалку.
«Я хочу рыбу». Это был угорь.

...

Молоко с ванильным вкусом + крекеры с арахисовым маслом
(Форест-Хиллз).

Чтение «Энциклопедии Комптона».

Каждый день, по пути из школы домой, останавливаю велосипед,
чтобы посмотреть на небо сквозь листву большого дерева.

Еду на велосипеде по кампусу Аризонского университета. «Ата-
куй» — большими белыми буквами на крыше спортивного клуба.

...

Слушаю концерт Сулима Стравинского в [театре] Уилшир-Эбел
[в Лос-Анджелесе].

Одно время София давала уроки волейбола.

Мальчик Питер, без ног + с нормальными руками.

Ожидание жизни, как у Ричарда Халибертона [американского ис-
кателя приключений и путешественника].

...

«Оргия» с Э. и Ф. (лето 1950-го).

Л. Она пошла в морскую пехоту.

Трогаю рукой собачье дерьмо под кустами (лето на Лонг-Айленде).

...

Дом Софии. Построен Грегори Айном.

...

Читаю о докторе Нормане Бетьюне [*канадском докторе, который служил в армии Мао Цзэдуна*] в «Комиксах взаправду» (Форест-Хиллз).

Через проем галереи игровых автоматов вижу Питера, обхватившего голову руками (средняя школа Норт-Голливуда).

Две девочки-карлицы (средняя школа Норт-Голливуда).

...

Бабушка. Провожу ночь у нее.

...

Мечты о том, чтобы быть «Давидом».

Элен Леви. Элен играет на флейте. Даю ей почитать «Мартина Идена».

«Вечера на крыше», театр Уилшир-Эбел.

Меня поймали в книжном магазине «Пиквик» за кражу «Доктора Фаустуса».

Флажок средней школы Норт-Голливуда на стене в моей комнате.

...

Форест-Хиллз: покупаю книгу о Китае (вазы, ремесла и т. д.).

Таксон: пользуюсь ручным мимеографом [*пока семья жила в Аризоне, СС издавала собственную «газету».*]

Операция по удалению миндалин. Медсестра села мне на ногу.

Петунии по обе стороны тропинки (Верона).

Сплю вместе с Рози. Звук поезда в ночи (Верона).

Корь. Температура 41. Поездка в автомобиле.

Прогулки с Питером по холмам близ Колдуотер-каньон.

Шелдон Кауфман. Уродина, так что смотреть не на что. Длинные белые пальцы.

Концертный зал Голливуд-Боул.

Соседка по комнате в Калифорнийском университете: Альважан Синзик.

Одри Эшер, ее улыбка.

Форест-Хиллз: на вокзале я говорю дедушке, что только по нему и соскучилась.

...

Пари на 25 центов с дедушкой — на итог первенства по бейсболу. Я за «Янки», он за «Бамов»? [*Клуб «Бруклин доджерс».*]

Снится, что я умею летать.

Читаю романы о Перри Мейсоне (Таксон).

[Мой] первый квартет Бетховена: соч. 127.

Г-н Шепро. Обед в учительской столовой.

Рыдаю на костлявой груди матери, прежде чем пойти спать. Хочу стать лучше.

Мать дала мне пощечину (Форест-Хиллз).

Доктор Берман, нью-йоркский дантист. Паста Уэйта.

Обед в «Доме Чаня».

«Альборада дель грациозо» [Равеля]. Первый концерт в [Голливуд] Боул.

Обед «У Чейсена».

Учусь водить автомобиль. «Додж».

Поездка в метро (в Н.-Й. — к доктору Спейну).

Дедушка сказал: «Ин-тальянский».

Питер + я переводим вместе «Вальпургиеву ночь».

...

Паук-сенокосец в палатке, которую дедушка поставил мне на заднем дворе (Верона.)

«Знаешь разницу между трахеей и пищеводом?» (Верона).

Костер перед зданием школы (Верона).

...

Палм-Спрингс. Решаю для себя вопрос о Боге.

Ирэн Лион. Покупаю вишню, после того как мы вышли из поезда «Ф». (Я сопровождаю ее — она поехала на встречу с отцом.)

Папа учит меня свистеть в кухонной нише!

...

«Камера-обскура» (в Санта-Монике).

Играю в кункен с дедушкой.

Запрашиваю сведения о путешествиях в торговых палатах всех штатов. Бюро путешествий «Драхман».

Гимн «Земля надежды и слава» на церемонии окончания колледжа.

Черный занавес.

...

Юдис Шапиро и Американский художественный квартет.

Поход в Китайский театр Граумана.

...

Несчастный случай с Джудит.

Мать собирает волосы на голове (Форест-Хиллз).

Смотрю «Медею».

Папа поет: «Она появится из-за горы...»

...

Мама говорит мне, в гостиную, что папа умер.

...

Еду с Натом в машине из Чикаго в Нью-Йорк без единой остановки — мать и Джудит полетели самолетом.

Прибытие в «Эссекс-хаус» [гостиница на Манхэттене].

«Фламинго-клуб». Варьете с переодеванием.

Тропическая деревня в Санта-Монике.

Первый поцелуй. Один из «концерта на крыше».

...

Сидя на полу, слушаю квартет Гайдна на 96,3 FM вместе с Питером (Нью-Йорк).

Смотрю «Вишневый сад» (Чарльз Лафтон) с Хенией (1949).

«Вольпоне» [Бена Джонсона] в Актерской студии. Ходила на спектакль с матерью.

...

Мать читает Леонарда Лиона, «Красную книгу»,
«Космополитен».

Притворилась, что приняла душ после урока физкультуры. (Средняя школа Норт-Голливуда.)

...

Посещаю мать в родильном отделении после рождения Джудит (с Розы).

Флорида: мечтаю, что за мной приедет + увезет с собой Одинокий ковбой — я должна быть в сандалиях.

...

«Ромео и Джульетта» Гуно. Вместе с Розы.

Таксон: «Призрак оперы» с Борисом Карловым [*так*] — пока мать была с Натом.

...

Меня проводили в концертный зал. На балконе, слушаю Рубинштейна.

Даю матери книгу политических речей Генри Уоллеса.

То воскресенье, когда мать приехала в лагерь + я не стала для нее плавать.

Гуляю под звездами.

...

Слушаю Джона Говарда Лоусона [драматург и киносценарист, занесенный в «черный список» Голливуда]. Он прихрамывает.

Бабушка Лена кормит меня картофельным пюре. «За маму, за Джуди...»

Хочу вырасти.

...

Рыдаю, когда умер Рузвельт.

Слушаю мировую премьеру (по радио) Седьмой [симфонии] Шостаковича.

...

Сдаю кровь для Израиля. Боль в руке.

«Долорес» — сеть ресторанов для автомобилистов; мужчины-официанты, подающие еду в машину.

Свадьба дяди Арона; «Эссекс-хаус». Оркестр играет «Я мечтаю о русой Дженни».

Хвастаюсь Натом. [*Натан Сонтаг был военным летчиком-орденоносцем — он служил в Британских королевских ВВС, а затем, после вступления США во Вторую мировую войну, в американских ВВС.*]

...

Переписываю стихотворения Джерарда Мэнли Хопкинса.

...

Начинаю коллекционировать марки.

Моя первая комната. Подбираю цвета для стен.

...

Элен сказала, что симпатичная физкультурница — лесбиянка.

Когда в доме, где жила бабушка Сонтаг (Рузвельт), испортился мусоросжигатель, я запаниковала.

Боюсь летать.

...

Пятничным днем, в 1:00, еду в центр города на симфонический концерт. Красный вагон метро.

Читаю в «Пи-Эм» [нью-йоркской газете левого толка] о Батаане и Коррегидоре.

...

Однажды в синагоге Таксона слышу, как раввин просит каждого продать облигации военного займа, чтобы помочь в сборе средств для синагоги.

...

«Друзья камерной музыки». Соната ля мажор Франка. (Дебора Грин — фортепиано; [ее] муж — скрипка.)

«Волшебная гора».

...

Потеряла перочинный нож + молюсь, чтобы он нашелся (Верона).

Дядя Сонни уводит меня далеко от берега, на глубину. [*УСС была легкая форма водобоязни, которую она иногда связывала с этим инцидентом.*]

...

Папа показывает мне, как складывать платок. (В родительской спальне. Папа одевается.) Говорю м[атери], когда она собирается принимать душ, что не слишком хочу быть еврейкой.

...

Рози сохранила для меня грудные кости первой курицы + первой индейки, приготовленных ею собственноручно. Делаю прихватку для Розы.

...

Храню кольцо папы в шкатулке.

Слушаю «Макбета» в исполнении Орсона Уэллса («Меркьюри Плеерс»).

Отказываюсь загорать голышом.

...

Еду на концерт в Оксидентал[-колледж, Лос-Анджелес] — «Альма трио» — в дождь. С Питером. В материнской меховой куртке. Обратно меня подвозит водитель грузовика (но только часть пути).

Папа купил мне игрушечную кассу.

...

Ройс-холл [Университет в Беркли]: «Мир — это последовательно реализуемое сообщество толкования».

Курс Мейрхофа; говорит с сигаретой во рту.

День, когда умер Ф. Матъессен.

[Вторая версия]

ФОРЕСТ-ХИЛЛЗ (9—10)

Дом «Джеймс Медисон Апартаментс».

Делаю вырезки из «Пи-Эм».

Номер нашей квартиры: D41.

Средняя школа № 3.

Всемирная выставка.

Средняя школа № 144.

Джуди Вайцман. «Ах ты маленькая креветка — то есть угорь». Ее мать из Бостона, толстуха. Говорит «томат» [помидор] с длинным британским «а-а».

Еду на автобусе в школу. Сажусь в автобус на 68-й улице, позади дома «Томас Джефферсон Апартаментс».

Доктор Уилл Кук Спейн. Инфекции. Читаю книжку комиксов в его конторе.

Мне стало грустно, когда мать продала машину «человеку из Минобороны».

Тетя Полин взяла меня на «Фантазию» (Нью-Йорк).

Пятничный обед у бабушки Розенблатт. Куриный суп + вареная курица. В гостиной старомодное радио на ножках (Нью-Йорк).

Моя книга о диете.

Говорю Элис Рохлин, что Чайковский лучше Бетховена.

Контракты.

Джуди спала на койке.

Едем в «Джерси» по Холанд-туннел.

Смотрю «Жизнь с отцом» с матерью. Моя вторая пьеса (восемь лет).

Йелоустоун-бульвар, 68-37. [Квинс, Нью-Йорк.]

Читаю Альберта Пейсона Терхьюна.

Джонни Уолдрон. Он научил меня есть палочками.

Китайский ресторан «У Сонни» на Квинс-бульвар.

Сны о том, что папа вернулся, что он открывает дверь в квартиру.

Говорю доктору Ташману, что хочу стать врачом.

Сопровождаю мать на встречу «вязального» кружка (у миссис Гринберг), угол 79-й улицы и Бродвея.

Жду снаружи, кормлю голубей.

Ингалятор. Ватка, пропитанная раствором бензина.

Слушаю Пятую симфонию Шостаковича по радио.

Мисс Слеттери в средней школе № 3.

Рождественская елка, наряженная дядей + вечеринка, устроенная моей матерью.

Иду мимо теннисных кортов.

Пишу эссе «О времени» — предваряю его рисунком песочных часов. «Что есть время?..» и т. д.

Пишу книгу о России.

Получаю запись «Макбета» в исполнении театра «Меркьюри».

Сижу на стульчаке унитаза и распеваю песни, пока Роза сушит мне волосы полотенцем.

Рассматриваю состоящую из ксилографий книгу Линда Уорда («Человек Божий») + мне страшно — особенно я напугана последней страницей.

Брошенный камень попал мне в голову. Белая блузка вся в крови. Со мной Джуди Вайцман.

Работа для дипкорпуса.

Покупаю матери в подарок на день рождения «Тайную историю американской революции» [Карла ван Дорена].

Речевая почта от дядюшки Сонни.

Читаю комиксы в кабинете доктора Спейна.

Сабу.

Лифт без лифтера в «Джеймс Медисон Апартаментс».

Ги Ходес на софе в гостиной.

Едим в закусочной «Яичница с ветчиной», после того как мать забрала меня из школы во время ланча.

Господин Лидз дает мне коктейль «Фаззи».

Каждую неделю с Розы слушаю (радио) «Хит-парад».

Готовлю речь для декана Альфанджа (для мэра).

Эстер играет на пианино как «в филармонии». На ней белый меховой жакет.

У нас не террасная квартира.

Поход в планетарий.

Мать вяжет свитер жгутовой вязкой.

Устраиваю гневную сцену — со мной мать и дядя — кричу, что не хочу становиться девочкой, когда вырасту. «Я отрежу себе груди».

Плачу, потому что меня лишили программы «Одинокий ковбой».

«...богатый + знатный англичанин».

Стелла Даллас + ее дочь Лолли + муж Лолли Дик Гросвенор
(фильм с Джоан Кроуфорд).

«Лоренцо Джонс + его любящая жена Белла».

В поезде. «Можно отвлечь вас на минутку?».

Номер классной комнаты в школе № 144 был 333.

Думаю, что три — мое счастливое число.

ТАКСОН (10—13)

Пользуюсь электрической плитой в «Эль-Конкистадоре».

Женщина сзади меня, ее муж болен туберкулезом.

«Яма». Рою, заполняю, рою снова.

Лимы (китайская семья, владевшая бакалейным магазином на
Спидвее).

Гора «А».

Сабино-каньон.

Утки в гараже: Лори + Билли. И четверо птенцов.

Ловлю Лесси. Первый вечер в гараже.

В средней школе Мэнсфилда: г-н Фаррел, мисс Калил, Джим Биллингсли, Дик Маттесон, толстый мальчик Джимми, который меня мучил.

Не успеваю по алгебре.

Смотрю родео.

Хожу плавать в бассейн «Химмель». (Мать не одобряла поначалу.)
Джуди играла с Ничи.

Драхман-стрит, 2409. Номер телефона: 5231-W (без коммутатора).

Полетт Годдар у бассейна в «Конкистадоре».

Автобус № 4, идущий по Спидвею.

Майкл Пистер.

Джозефин Пибоди, «Гамельнский крысолов».

Дедушка послал мне в подарок настоящий лук + стрелы.

Клуб юного химика на Драхман-стрит.

Дэвид Роуз. Его дом сгорел, так что мы пустили его жить.

Начинаю вести дневник. Первая запись сделана после того, как я увидела разлагающийся труп собаки на Спидвее, близ магазина Лима.

Мисс Калил сказала, что она любила Гилберта + Салливана. Она видела Кэтрин Хепбёрн.

Бекки.

Нат в военной форме.

Воскресная школа матери.

Дети Скутта: Марси + Вера (из Мино, Северная Дакота).

Наша пьеса о Геббельсе. «Правда».

Нат остановился в «Аризона-Инн».

Ногалес. «Пещера» (ресторан).

Намереваюсь назвать своего пса Парнишей.

Дантист, доктор Фи, в Банк-билдинг на Конгресс-стрит. Обнаружил у меня шесть пломб.

Мне не разрешают одной ходить в Лирический театр.

Ильзе Стернберг. Верхом. Коня звать Гринго.

К. Д. Андерсон, директор мэнсфилдской школы.

В городе было 6 средних школ; негритянская называлась «Дунбар».

Прошу мать выписать для меня в тетрадь «Видение сэра Лаунфала» [Джеймса Расселла Лоуэлла].

Работа редактором (мэнсфилдской газеты) «Спарклер».

Моя собственная газета: «Кактус-пресс».

Эйлин Дэвидсон + Берти: у Берти два слишком больших передних зуба.

Еду в автобусе по центру города — босиком.

Г-н Стенхаус. Его дочь Энид.

Мисс Калил дает мне почитать книгу Вернона Венейбла о Марксе.

Мисс Д'Амико, преподавательница латыни.

Выступление на радио.

Ежеутренняя 15-минутная передача миссис Мак-Мурти «Салли Сизэрс».

Хор Дона Коссака и «Дрейпер и Адлер» выступают в школе.

В мэнсфилдской школе меня называли жидовкой.

Дама, мастерившая кукол. Хетти.

Боб Стоун (?), который хотел жениться на матери.

Боб + я складываем камин из кирпичей + глины.

Драка с девочкой по имени Джоди на уроке физкультуры (софтбол).

Слабоумный сын Макса Фактора.

На глаза навернулись слезы — я установила, что у Тарзана + Джейн родился сын.

Шоу иллюзиониста.

Кемпбелл-авеню.

Форт-Лоуэлл-роуд.

«Милли, Милли, мы рады, что ты вернулась».

Приз «Бауш и Ломб».

Г-н и г-жа Пауль Ходж.

Бобби Пратер, его запах.

Винно-водочная компания Кистоун.

Пат Корелли.

Бекки.

Смотрю родео с башни «Конкистадора».

«Сласти или напасти» с Бобом, Си, + Ничи.

Полицейский + его высокая жена.

Читаю «Аризонские дороги» [журнал].

М[ать] запрещает мне читать «Странный плод» [Лириан Смит].

Стив Шухам.

Пытаюсь острить и казаться смешной в письмах матери («Арчи-
балльд Сайдботтом»).

Г-н Старки в школе Саншайн. Поездка в Сноб-холлоу.

Выпалываю клевер на лужайке перед домом.

Незнакомая женщина дала мне бутылку пива у бассейна
в «Конкистадоре» — я выпила.

Я и Джудит спим на двухъярусной кровати.

Г-н Старки советует мне прочитать «Иммензее» [Теодора
Штурма].

Тетрадь на кольцах.

Боб + я пытаемся изготовить инсектицид в лаборатории.

Хими + Лил Майерсон + две дочери. Универмаг «Белый дом».

Доктор Вивьен Таппан — ее врачебный кабинет в том же доме, где
она живет.

«Штат» (кинотеатр).

«Ла Хойя» (ночной клуб).

Гостиница «Пионер».

Гостиница «Санта Рита».

Ремень с большой пряжкой из мягкого серебра.

Микки рассказывает мне грязные истории в ванной («Эль-Конкистадор»).

Машина, «бьюик», прибыла на Драхман-стрит из Нью-Йорка.

Соседка Ширли Мандель с волосами морковного цвета.

Миссис Мак-Муртри.

Боль в желудке в столовой «Конкистадора».

В школе Саншайн: девочка-восьмиклассница по имени Франсис Фрэнсис.

Шарлин Поль. Мука.

Мелодии музыкального автомата у бассейна («Эль-Конкистадор»).

Собираю «Классические комиксы» в восьмом классе.

15/1/1957

Правила + обязанности на двадцать четыре года [*СС родилась 16 января 1933 года*].

1. Выправить осанку.
2. Писать матери 3 раза в неделю.
3. Меньше есть.
4. Писать как минимум 2 часа ежедневно.

5. Никогда не сетовать в обществе других людей на Брандейс или нехватку денег.
6. Научить Дэвида читать.

Вчера вечером Филипп сказал: «Я устал от обостренного самосознания. Как же я ненавижу Гегеля + всех, кто превозносит самосознание как величайшее достижение. Я гибну от самосознания!»

«Что ж, если тебе не хочется, чтобы я указывал тебе на это, я и не буду».

•

Джойс говорит о Джейн Дегра: «Она *нежна*, как голубка».

Вот и все. Вот и все, что есть. И больше ничего.

Если б только я получила стипендию в Оксфорде! Тогда, по меньшей мере, я знала бы, что чего-то стою и за пределами своей страны, за пределами оперившегося гнезда.

Становлюсь ли я собой в одиночестве?

Мне известно, что в обществе других людей я — это не я, даже с Филиппом — отсюда мое постоянное раздражение им, самой собой. Но становлюсь ли я собой в одиночестве? Это тоже маловероятно.

Над чем я работаю:

«Заметки о браке»

«Заметки об интерпретации»

Эссе: «Самосознание как этический идеал»

Об интерпретации:

Интерпретация как культурный перенос. Когда в истории из Писания перестают верить, они подвергаются интерпретации.

Миф «разбит» в призме интерпретации.

Узнать больше:

Стать знатоком в области:

1. Жизнь и философия Абеляра
2. Биология моря (в особенности медузы)
3. Барон Бюнсен
4. Философия Спинозы
5. Книга Иова

Прочитать: «Бумаги Эмберли» [«Письма и дневники родителей Бертрана Рассела»].

•

«Для того чтобы объяснить свой провал, он пользовался двумя системами интерпретации». (Сартр)

[Без указания точной даты, кроме пометки «1957». Вероятно — январь или начало февраля 1957 г.]

- А) начать собирать *эстампы* (настоящие, а не репродукции)
Б) выучить греческий

•

Отто фон Симсон, «Готический собор», «Бولينген», 1956, \$6.50.

•

СЛЕНГ

рекламировать ненавязчиво (против. — «впаривать»)

«стоять на шухере»

«немного ку-ку»

[Заметки к лекции без указания даты — начало 1957г.]

[Пауль] Цифф: «...для Гегеля понимание тождественно *аналитическому* разложению. “Разум” равен синтезу».

Это попытка увильнуть от аргументов Юма. Видеть Гегеля заставляет ценить Юма.

•

выставка немецких экспрессионистов, дадаистов и т. д. (период после Второй мировой войны):

Отто Дикс (1891)

Георг Гросс (1893)

Макс Бекман (1884—1950)

Карл Шмидт-Ротлуф (1884)

Эрих Хеккель (1883)

Макс Пехштайн (1881)

Кристиан Рольфс (1849—1938)

Эрнст Барлах (1870—1938)

Кете Кольвиц (1867—1945)

2 главных дадаиста:

Курт Швиттерс (1887—1948)

Макс Эрнст (1891)

•

статья: Лукреций

•

...Когда поощрение беспристрастно? Когда оно технологично.

Соотнесенность поощрения с *оценкой*.

...Фукидид, Ницше о том, как цели поощрения теряют свою значимость...

•

...Мы ищем теорию истины, основанную на *соответствии*, но, возможно, удовлетворимся теорией нравственности, основанной на *связности*.

•

Одно из основных течений в современной литературе — это чертовщина, т. е. сознательное выворачивание моральных ценностей наизнанку. Это *не* нигилизм, не *отрицание* нравственности, но ее инверсия: все по-прежнему подчиняется правилам, но вместо «нравственности добра» мы имеем «нравственность зла».

Примеры:

- 1) де Сад — вообразите его как вывернутое царство целей Канта. Всех людей необходимо *заставлять* относиться друг к другу как к средствам. По аналогии с Кантом безнравственное поведение должно быть рациональным + последовательным (т. е. допускающим его всеобщий характер). См. материалы об утопии Сада у [Джеффри] Горера.
- 2) «Высокий надзор» [Жана] Жене — Снежный Ком = Бог, тюрьма = мир, степени преступления = нравственная градация, убийство = милосердие, несчастье = счастье, благословенность. Два отношения к преступлению: Зеленые Глаза как акт милосердия, он дарован; [и] Жоржи — должно быть, это умышленно.

[Параллель к] двум христианским установкам

«Ночной лес»

•

Это неправильно, несправедливо по отношению к писателям «чертовщины», так как они были *искренни*. Сказать, что они суть / были монахами наизнанку (ср. притязания католиков на Бодлера). Их чертовщина — подлинная.

Тем не менее их *творения* представляются истерзанным свидетельством твердости их ценностей. Никаких сатурналий.

Без мучений большую часть года; ни одной черной мессы без ординарной. Однако это поверхностно.

Пародия

Вот самое действенное *отрицание* этих ценностей — исполненное на-смешки — прибегнуть к их же форме, переиначив содержание.

Еще один пример — Кафка (атеист).

•

Однако «Лит[ература] черт[овщины]» — это важный культурный инструмент. Предъявляет нам жесткий антагонизм: Кант или Сартр, Кальвин или Жене. Заставляет выбирать. Обухом выбивает из нас благодушие.

•

«либералы» думают, что если у вас есть «а», то вы обязательно получите «б». Очевидно, что это не так.

19/1/1957

относительно беседы вчера вечером за обедом с Аланом Финком + Барбарой Сван: условности и спонтанность. Это диалектический выбор, зависящий от оценки, которую вы даете своему времени. Если вы считаете, что эпоха, в которую вы живете, находится под гнетом пустых, лицемерных формальностей, то вы ныряете в спонтанность или даже бросаете вызов обществу своим поведением... Нравственность, во многом, это попытка компенсировать недостатки своего века. В «неприличное» время человек обращается к старомодным добродетелям. В эпоху, выхоленную условностями, необходимо учиться спонтанности.

Встретила Джойс [Карр] у [Гарвардской библиотеки] Уайденера в 3:45. Чай в Хайес-Бикфорд. Раскопки в книжном Тютана. Джойс

купила Ф. в подарок книгу миссис Хамфри Уорд. Я проводила ее домой, задержалась на бокал шерри + вернулась в 6:30.

Сегодня Дэвид — это Аякс Малый + а я — Аякс Великий. Вместе мы «непобедимы» — он как раз выучил новое слово. Его прощальные слова на ночь, когда я его поцеловала + вышла из комнаты: «Пока, светлолицый, Аякс Великий». Затем залихватистый смех.

•

Ф. и я ссоримся, если нам случилось поговорить, а это бывает нечасто. Меня поставили исполнять роль убийцы мужа а-ля Доротея Брук Ка-собон [персонаж романа Джорджа Элиота «Миддлмарч»].

Провела вечер за чтением миссис Хамфри (до 2:00 утра).

20/1/1957

Когда Дэвид пришел в нашу комнату в 8:30 утра, я спросила, о чем он говорил с Розы. «Я спрашивал ее, как существует мир», — ответил он.

Сегодня я позвонила матери, чтобы Дэвид спел ей «Дóма в полях».

...

Эмерсон сказал: «Человек есть то, о чем он думает целый день». Эмерсон — экзистенциалист.

[Указан только год; вероятнее всего, январь или февраль 1957 г.]

РАССКАЗ

Профессор

Молодая невеста

1. Его отрочество — одиночество американского интеллектуала в духе Джоуэтта [Бенджамен Джоуэтт — оксфордский филолог-классик XIX века]
2. Они встречаются + женятся > интеллект против секса (жена)
3. Факультетские склоки: вкус власти (соперник)
4. Флоренция — мир искусства, туризм — жена костенеет
5. [Муж] вновь встречает своего друга-мужчину — притязания на него — жена возражает — муж ее оставляет + чтобы ухаживать [за старым другом]

14/2/1957

В браке я испытала своего рода утрату личности — поначалу утрата была приятной, простой; теперь она причиняет мне боль и по-новому обостряет мою склонность к недовольству и плохому настроению.

15/2/1957

Вчера вечером — чудесное галльское исполнение «Жизни героя» [Рихарда Штрауса]. После того как срезали вагнеровское сало, под ним обнаружилась музыка — тонкая, сверкающая, военная. Дирижировавший оркестром [Чарльз] Мунк пронесся сквозь эту вещь быстрее, чем я когда-либо слышала, и сумел произвести Штрауса, который был чувственным, но не избыточным.

«Мой сын четырех лет при первом прочтении Гомера»

Круглый и нежный лик
Светится изумленьем.
Я декламирую.
Странные имена, и в их числе
плоды зевесовой страсти.

За ужасом следует ужас.
Несчастный Патрокл.
Пока, светлоликий, Аякс Великий!
Мой сын расстроен до слез,
узнав, что Аякс,
пусть силен, был придурком.
А Гектор ему безразличен —
мертвый, поруганный... огонь
обглодал его кости.

Бедный Гектор. Нам жалко Троя. Бедная Троя.
И все же мой сын
Предпочел бы стать греком. Они победили.
Ребенок приемлет тайну
Насилия, так же как греки.
Его не смутит скоротечный
Их траур, его не смутит
бесконечность пиров.

Он рассуждает, но кратко:
Елена не стоила сечи.

Он сострадает слезам Ахиллеса,
оплакавшего золотые доспехи
и шлем, и щит, и поножи,
пленные Гектором, так же
оплакавшего дорогого Патрокла...

[Без указания даты; вероятнее всего, конец февраля 1957 г.]

Заслуживающие интереса области: 1) лингвистика а-ля Блумфилд; 2) проблема исторического знания; философия истории; 3) проблема разногласий в философии; 4) обусловленность; 5) проблема соотношения тела и разума; 6) нормативное + описательное.

•

[Пауль] Тиллих стал преемником [Ганса] Корнелиуса (специалиста по Канту — члена марбургской школы) как ординарный профессор философии во Франкфурте. Читал о Шеллинге, немного о Гегеле. Кантом не занимался. Был христианином + это в прошлом.

Хайдеггер возглавил кафедру Германа Когена во Франкфурте. Коген умер в 1918-м.

[Наум] Глетцер [1903—1990, литературовед и теолог, коллега ФР в Брандесе, друг семьи и крестный отец ДР].

[Без указания даты; вероятнее всего, конец февраля или начало марта 1957 г.]

НЕ СЛЕДУЕТ

1. Публично критиковать кого-либо в Гарварде

2. Упомянуть свой возраст (с похвалой, иронией или как-либо еще)
3. Говорить о деньгах
4. Говорить об [Университете] Брандейс.

СЛЕДУЕТ

1. Принимать душ через день
2. Писать матери через день

•

...Комбу — японские водоросли (съедобные / их сушат), происходят из Северной Японии...

Последняя ч[асть] Девятой симфонии Бетховена вдохновлена народной музыкой, которую играл турецкий военный оркестр «Мехтер»; последний ввел в современную западную музыку тарелки + барабан.

•

необходимо различать

1. лагеря смерти (Майданек, Аушвиц, Освенцим, Биркенау)
2. концентрационные лагеря (Бухенвальд, Дахау, Заксенхаузен, Берген-Бельзен)

лагеря смерти были сосредоточены, главным образом, в Польше + «перерабатывали» только евреев — открылись летом 1942-го + действовали до осени 1944-го, когда Гиммлер закрыл их.

лучший источник сведений о лагерях смерти — это «Настольная книга ненависти» Леона Полякова (Париж, 1951).

«Корень в человеке»

— Дуайт Макдоналд

Альгамбра: Каннингем-пресс, 1953.

19/3/1957

Если бы я думала только о логике, у меня, вероятно, получалось бы неплохо. Но подобные занятия требуют чрезмерной «интеллектуальной жертвы», как это ни парадоксально звучит.

[Черновик письма ректору Сомервилль-колледжа в Оксфорде без указания даты — вероятно, написано в феврале 1957 г.]

Дорогой доктор Возэн:

- 1) Только что получила стипендию.
- 2) Изучаю философию в Оксфорде и занимаюсь исследовательским проектом.
- 3) Хотя я и готовлюсь (как стипендиат Фулбрайта, на что надеюсь) к бакалаврской степени по философии...

[На полях] Профессор [Герберт] Харт дал мне разрешение ссылаться на него.

[Без указания даты]

Круизная компания «Холанд — Америка»

Вандам

Райндам

Маасдам

Отправляется [в Англию] из Хобокена
На корабле один класс кают
8 дней
\$260

27/3/1957

Филиппу присущ эмоциональный тоталитаризм.

«Семья» — это его тайна.

Извержение рыданий.

•

1536 г. — Генрих VIII экспроприировал английские монастыри. Это факт. Но что он означает? Никто — ни один значимый класс или профессиональное объединение — не поднял голоса в знак протеста. Это означает, что данный институт, в который такое множество людей вложили сердце + кровь + разум, был *мертв*. Мир загроможден мертвыми институтами. Кто из нас пошевелил бы хоть пальцем, если бы опасность грозила нашему университету или если бы генерал Эйзенхауэр экспроприировал все синагоги Америки. Кто [*зачеркнуто: «положил бы жизнь»*] стал бы защищать национальное государство, если бы не воинская повинность?

Мир загроможден мертвыми институтами.

•

1805: Победа Наполеона при Аустерлице
1809: Родился Теннисон

1811: Самоубийство Клейста
1813: Родился С. К. [Сёрен Кьеркегор]
1814: Поражение Наполеона
1831: Умер Гегель
1844: Родился Хопкинс
1850: Публикация *In Memoriam* [поэма А. Теннисона]
1855: Умер С. К.
1856: Родился Фрейд
1859: «Происхождение видов»
1861: Умер Артур Хью Клаф
1864: Публикация «Записок из подполья» [Достоевского]
1865: Родился Йейтс
1875: Родился Рильке
1882: Родился Джеймс Джойс
1885: Родился Д. Г. Лоуренс
1888: Умер Мэтью Арнольд
1889: Умер Хопкинс
1892: Умер Теннисон
1900: Умер Ницше
1926: Умер Рильке

[Без даты; вероятно, конец марта или начало апреля 1957 г.]

К теории языка:

Граница мысли = язык. Язык — это связующее звено между ощущениями + миром.

КОНДИЛЬЯК

Читать Кондильяка!

[Цитата из Г. Л. А.] Харта: «Он повел меня вокруг проблемы. Это похоже на лабиринт со ста дверьми; заскакиваете в одну, осматриваетесь, потом снова выскакиваете».

[Без указания даты, но почти наверное — лето 1957 г.]

прочла вздорную, феминистскую вещь Вирджинии Вулф — «Три гинеи», [также Чезаре] Павезе — «Луна и костры» (25 центов) [и его] «[Только] среди женщин»

29/8/1957

Страшная мигрень прошлой ночью; приняла таблетки, но не уснула; провела ночь в метаниях из комнаты в комнату — лежала в постели с Ф., который был измучен сборами; терлась губами о восхитительную кожу Дэвида; болтала с Розы на кухне, пока та гладила и готовила; выписывала чеки и бесцельно перебирала бумаги...

В пять утра крикнул, проснувшись, Дэвид — я бросилась в комнату + мы обнимались + целовались целый час. Он был мексиканским солдатом (следовательно, я тоже); мы изменили ход истории, так что Техас остался у Мексики. «Папочка» был американским солдатом.

Он спросил меня сегодня утром, было ли мне когда-нибудь страшно. Я ответила — да, однажды — когда дым от мусоросжигателя заполнил коридор в доме, где жила бабушка Сонтаг + я думала, что загорелось здание.

Филипп и я так и не попрощались по-человечески — ни одного долгого разговора за последние дни — а ведь именно теперь мы перестали ссориться. У меня до сих пор онемение от этой горечи + банально притворяться, что всех горьких упреков будто и не *было*.

Были слезы, и лишенные интимной теплоты крепкие объятия, и мольбы беречь себя, и все кончилось. Расставание вспоминается смутно, так как разлука все еще кажется нереальной.

Я вошла в дом, сняла серое полупальто, которое было на мне поверх красной пижамы, + легла в кровать. Пустота дома казалась мне громкой. Мне было холодно, зубы стучали, голова весила 100 фунтов — но в действительности я не спала, а только дрейфовала на гребне сна, пытаясь противостоять дреме, чтобы услышать грузовик «Рейлвей экспресс», который должен был приехать за коробкой с книгами.

Рози оставила 3 куска курицы + я съела один. Снова заснула. Звонок из университетской библиотеки Брандейса около 11:30 о невозвращенных книгах. Вышла на улицу около полудня; позвонила в «Рейлвей экспресс» — там меня заверили механическим голосом, что машина *приедет*. Съела еще кусок курицы. Грузовик прибыл в 4:30. Повозилась с рукописями. Звонила миссис Грэм Грин, она в Бостоне на день, смотрит коллекции кукол; хотела узнать, будут ли после пяти вечера открыты какие-либо из музеев + где расположены хорошие дамские магазины. Убрала + отсортировала еще немного бумаг.

В 6:30 пошла в «Ю. Т. Попкорн». «Незабываемый роман» (Дебора Керр, Кэри Грант) — ужасно! А «Ребенок за 2 фартинга» (Селия Джонсон) — замечательно. Я плакала в кинотеатре: нежный мудрый старый еврей-портной, маленький мальчик, который хотел питомца и был исполнен веры + темноволосый. Я плакала!

Немного почитала «Искусство ради искусства» [Альбера] Жерара (такое самодовольство + отдает двадцатыми годами) и уснула к полуночи.

Ф. звонил из Лондона (Онтарио) в 1:30 сообщить, что поездка проходит хорошо — Дэвид бодр, пес успокоился.

В 8:00 меня разбудил человек из службы специализированной доставки — чек на проживание + 1/2 дорожных расходов из Центра (\$1400). Снова заснула и проспала до 11:00. Занималась бумагами по книге о Фрейде, убирала вещи (еще не закончила). В 1:00 звонил попрощаться Юлиус Моравчик + сказал, что он получил квартиру через «Союз англоговорящих», и мне тоже следует попробовать. Оделась + вышла в 1:00 — сперва в гарвардский книжный + продала 4 книги за \$3,50, потом в банк, чтобы депонировать \$1400; затем в кооперативный магазин + купила запасные листы для этого дневника (встретила Маршала Сульмана — у него крепкое рукопожатие); затем в кабинет [профессора Мортон] Уайта (корпус Вайденер У) в 2:30, где сказала ему: «По словам Гертруды Стайн, обращенным к Уильяму Джеймсу, — сегодня у меня нет настроения заниматься философией». Договорилась о встрече во вторник в 11:00.

«У Эльси» [закусочная в Кембридже]: сэндвич с ростбифом, открытый яблочный пирог, вода (65 центов). Вернулась домой в 3:15. Продолжила сортировать материалы о Фрейде, делала заметки, работала над черновой версией некоторых абзацев к главе 2. [*СС подразумевает книгу «Фрейд: разум моралиста», над которой она и ФР работали почти всю вторую половину их брака; в конце концов, после расставания и последующего развода, книга была опубликована под именем ФР.*]

Моравчик позвонил в 5:00, чтобы сообщить адрес «Союза англоговорящих». Написала им письмо — на имя некой миссис К.Л. Джи, которая ему и помогла. Кроме того, написала в Св. Анну [колледж Оксфордского университета], сообщив им дату своего приезда.

Вышла в 7:30 — дошла до Центральной площади + пообедала вполне приемлемой пиццей у Симеона (\$ 1,58). Посмотрела последний час «Проклятия Франкенштейна» (Техниколор, скуотища, на

английском) в кинотеатре на Центральной площади. Вернулась домой 10:30 (возвращаясь, проехала на автобусе по Массачусетс-авеню).

Собрала постельное белье в комнате Дэвида.

Ф. позвонил в 11:00; сказал, что звонил и раньше, в 8:00, когда они были в Чикаго. Путешествие протекает превосходно. Сейчас Роза гуляет с собакой. Дэвид спел мне «Вейся, старый флаг Чикаго» — я говорила с ним дважды. «Я смотрел по телевизору детектив, и они сбросили бомбу, представляешь?!» (это он сказал дважды). Ф. думает, что все-таки поедет дальше; все было так необременительно. Он позвонит завтра.

Выпила стакан холодного молока.

Я собиралась принять душ + вымыть голову, но поленилась. Прочитала 54 страницы «Фиесты» (скучно) + уснула около 12:30.

31/8/1957

Проснулась в 11:30. Продолжила уборку, потом переписала некоторые из заметок о Фрейде, ставила на полки разрозненные книги. Позвонила в книжный магазин «Мандрагора» — осведомиться о наличии у них почтовой бумаги — так бы я смогла выслать еще одну часть «фрейдовских» черновиков непосредственно в Св. Анну. Некоторое время работала над примечаниями к главе 3. Вышла в 3:30. Отнесла обернуть посылку в «Мандрагору» + зайду за ней утром во вторник. Порядочно пообедала (свинные ребра и креветки в соевом соусе + черные грибы) у Янга Ли за \$2,79. Когда я пришла, ресторанчик был пуст + когда уходила, заняты были только два столика...

Пришла домой пешком около 4:45. Купила «Таймс». Прочитала в гостинной, под «Кармина Бурана»; выпила стакан молока; поправила несколько книг на полках в коридоре; позвонила Генри Вайнхарту, чтобы попрощаться (проявляю вежливость), никто не ответил. Позвонила матери в 6:30 — непринужденная беседа с любящим человеком. Н. в Орегоне, Джудит выезжает завтра.

Отправилась наверх в 7:00. Немного постирала исподнее + начала готовиться к тому, чтобы начать готовиться [так!] писать статью для Уайта. Поспала час. Начала около 9:00; Филипп позвонил в 10:00 (за мой счет — его отец рассердился из-за стоимости вчерашнего звонка) + я поговорила и с Дэвидом. Ф. говорит, что ищет водителя на вторник + они полетят (!) в пятницу. Еще почитала Хемингуэя. В полночь душ — вымыла голову. Полистала книгу Уайта, пытаюсь настроиться на статью. Заснула в 2:00 — не книга, а снотворное!

1/9/1957

Проснулась ровно в 11:00. Некоторое время сортировала бумаги + книги, опустошила мусорные корзины, закончила упаковывать чемодан. Проиграла «Нельсон-мессу» + завтрак из двух яиц всмятку + стакана молока. Написала письмо Дэвиду, записку — Генри Вайнхарту. Села всерьез поработать над статьей для Уайта около 1:00. Оставила работу около 2:00 — приготовила салат из небольшой банки тунца + полбанки маринованных грибов. Позвонила в «Губернатор Клинтон», чтобы зарезервировать номер на вечер вторника. Работала до 4:30. Съела суп из пакета. Постирала исподнее и пижаму. Почитала Хемингуэя. Вышла около 6:30. Немного прошлась по Бреттл-стрит + переулком, рассматривая лепнину на карнизах каркасных домов середины XIX в. В 7:20 зашла в кинотеатр «Бреттл» на «Три запретные истории» (весьма посредственно + монтажны к черту). Пошла домой пешком в 9:30. Трое юнцов со скрипучим нью-йоркским акцентом

лениво плелись за мной от кинотеатра, и когда я ступила на проезжую часть перед самым домом, заявили, что их машина припаркована на этой самой улице, — не хочу ли я прокатиться? Разогрела и доела суп. Позвонила Арону Гурвичу по телефону, чтобы попрощаться; никто не ответил.

Я противостояла работе весь день — дурацкая статья + мне она совсем не интересна. По правде сказать, в настоящее время философия меня вообще не интересует. Голова пуста, все ноет от беспокойства. За последние три дня я, верно, исходила по этому дому много миль. Перед сном (около 1:00) дочитала «И восходит солнце»; прочитала еще 4 или 5 рассказов Хемингуэя + «Пятую колонну». Какой вздор! — сказала бы леди А.

2/9/1957

Проснулась в 10:00. (Почему?) Возилась наверху, спустилась вниз и съела яйцо всмятку, апельсиновый сок + тарелку яблочного пюре.

Потратила час на упаковку + обвязывание свертка с диссертацией, чтобы отправить его назавтра почтой вместе с другими вещами. (На случай... У меня нет времени переписывать некоторые отрывки, которые могут понадобиться.) Теперь я понимаю, отчего я неряшлива, почему сваливаю в кучу вещи, которыми не пользуюсь. Когда я стараюсь быть аккуратной — прибирать за собой, — то становлюсь порывистой, одержимой. Я трачу на это бесконечные часы.

Нашла несколько марок по 3 цента в старом конверте + провела еще час, наклеивая их на письма. Два похода к почтовому ящику: обнаружила, что уголок одной из марок не приклеился, поэтому пришлось вернуться в дом!

Сделала несколько заметок о книге Абрамса для главы 4 [и] о стиле примечаний в книге [Лайонела] Триллинга о [Мэтью] Арнольде.

Поела фасолевого супа (с рислингом + лимонным соком), открыла консервную банку сардин. Позвонила Гурвичам — они говорили холодно. (В гостях у них был [издатель] Курт Вольф.) Попыталась час поспать.

В 4:00 вышла пройтись. Час просидела в Ю. Т., показывали «Край реки» (с Энтони Куинном). (Сносно — Техникolor.) Вернулась домой в 5:15.

Тону в молчании; невротическая усталость, беспокойство...

Поработала час или около того. Выпила стакан апельсинового сока. Прослушала выпуск новостей. Снесла чемоданы вниз в гостиную. Позвонила в справочную железной дороги — узнать, есть ли быстрые поезда в 2:00 и в 1:00. Утвердительный ответ. Попыталась дозвониться и попрощаться с Розой Голдстайн — никто не ответил. Налила себе порцию мятного ликера + отправилась наверх. Села работать по-настоящему в 8:00. Прервалась в 10:30. Позвонила Ф., сообщившему, что в Чикаго все чудовищно и по-бальзаковски [в доме у родителей ФР] (деньги-деньги).

На третьей скорости проработала до 6:00 утра + закончила эту идиотскую штуку. Завела будильник на 9:00.

3/9/1957

[Я решил воспроизвести записи о последнем дне СС в Кембридже (в сущности, о последнем дне ее брака) во всей их полноте, но опустил ее настолько же подробные записи о путешествии в поезде, прибытии в Нью-Йорк и о том, как она провела первый вечер в городе.]

в 9:00 в глазах у меня щипало, но я была слишком напряжена, чтобы чувствовать усталость, и сразу встала с постели. Привела в порядок + убрала с глаз долой «последние мелочи», наклеила ярлычки «Не открывать» на папки + коробки с индексными карточками, перепечатала две последние страницы статьи, приняла душ, оделась, + вышла из дома в 10:30, нагруженная готовыми к отправке бандеролями + конвертами с записями, одеждой (в Чикаго) и т. д. Еле дошла до книжного «Мандрагора» (ни одного такси на Массачусетс-авеню), взяла еще одну подготовленную для меня посылку; оставила все в магазине + пересекла площадь [т. е. Гарвардскую площадь], чтобы поймать такси, в машине вернулась к книжному, загрузила все в багажник + проехала 3 квартала до почты. (Было десять минут двенадцатого, а встречу с Уайтом мы назначили на одиннадцать утра.) Служащий на почте оказался человеком толковым, но возможности его были не беспредельны... По пути к библиотеке Уайденера я столкнулась с Уайтом, который шел по Массачусетс-авеню в противоположном направлении; он меня ждал (но вынужден был уйти) + сейчас идет по делам — книжный магазин + банк. Мы договорились встретиться в его кабинете минут через 20 + тем временем я съела сандвич с ростбифом в закусочной «УЭльзы».

Когда я постучала в дверь кабинета, там никого не было. Спустя несколько минут появился спешащий по коридору Уайт. Он впустил меня внутрь + мы расположились, чтобы провести ближайший час за философской беседой. Я спросила его (на протяжении всего часа я говорила тихим голосом, напряженно, иногда пытаюсь возражать, но, в целом, всегда соглашаясь), насколько влиятелен в Оксфорде «терапевтический» аспект доктрин [Людвига] В[итгенштейна], он ответил — не очень — серьезно такие вещи воспринимает только [Джон] Уисдом из Кембриджа. Я спросила — а что насчет приписываемого [философу Дж. Л.] Остину мнения, что когда у нас будут действительно хорошие философы, то философии не останется, что философские проблемы должны *рассеиваться*, а не *разрешаться*.

Что ж, сказал он (рассудительно), ему не кажется, что эти два тезиса тождественны. Остин полагал, что *некоторые* проблемы могут рассеяться, но у философии все равно будет достаточно забот. Никому из тех, кто слушал его лекции об У[ильяме] Джеймсе, не пришлось усомниться в том, что Остин занимался философией + конструктивного типа. И так далее и тому подобное.

Он спросил мое мнение о семинаре [философа права и бывшего заместителя главного обвинителя со стороны Великобритании на Нюрнбергском процессе Г. Л. А.] Харта — я говорила с прохладцей, с вежливым неприятием (я знала, что Уайт готов терпеть такое отношение). Вместе «мы» препарировали семинар. Я сказала, что основная аналогия Харта (более того — постулируемая им идентичность) о каузальных исследованиях юриста, романиста + историка неверна. Они все различны + я развила эту мысль в русле своей статьи: не проводится различие между *пользой* и оправданием и т. д. Он сказал (+ таково было единственное пронизательное замечание за весь час), что в Оксфорде его больше всего огорчает следующее: похоже, что людей (не считая Остина, конечно) больше всего интересует феноменологическое описание непроященного дискурса. Совершенно верно, сказала я. Более того, они считают, что в этом и состоит единственно безопасное занятие философией — стоит пойти дальше (а-ля рациональные реконструкции), как возникает «путаница» и «загадки», нуждающиеся в прояснении. Уайт думает, что это похоже на битвы в стане американских экономистов — между «институционалистами» (например, Вебленом) + теми, кого интересуют абстрактные модели (или математические формулы) экономического поведения. Естественно, Уайт считает, что и те и другие правы и не правы одновременно, выступает за «средний путь».

Последнюю четверть часа мы просто болтали... [в том числе о том] где остановиться в Лондоне + Оксфорде — он рекомендует «Линтон Лодж» в Оксфорде. Он посоветовал мне поехать в Лондон и послу-

шать [философа А. Дж.] Айера и [Карла] Поппера. Написал рекомендательное письмо Остину. (Что-то неуловимо враждебное звучало в его «мисс Сонтаг».) Лишенный изящества уход: я вышла первая + встала перед лифтом, затем последовал он, вошел со мной в лифт + вышел на втором этаже.

Спустившись на первый этаж, я через черный ход вышла на Массачусетс-авеню + пешком пошла домой. Час дня. Я навесила замок на кухонный буфет, заперла чемоданы, воспользовалась туалетом, затем позвонила в «Гарвардское такси», которое прибыло через три минуты. За рулем сидел приятный пожилой водитель. Четверть второго. Мы поехали на юг по Массачусетс-авеню: (1) остановились перед входом в библиотеку Уайденера, чтобы я вернула книгу («Пьесы» [Джона] Гея — издание «Эбби», вместе с нотами); затем (2) на почту, где я отправила оставшиеся посылки, в том числе старую одежду (в Чикаго); затем (3) в контору Брэдли на Брэттл-стрит, где я оставила экземпляр договора аренды + ключи от дома обильно потеющему, суматошному г-ну Элиоту; затем (4) на вокзал Бэк-Бэй. Было уже два, когда мы подъехали к вокзалу, + поезд прибывал через 5 минут + ни одного носильщика. Я слегка запаниковала, и шофер предложил мне донести багаж (это против правил) — он внес вещи в здание вокзала, где по-прежнему не наблюдалось носильщиков + затем вниз на платформу, куда как раз подходил состав. За это все, включая плату за проезд (\$2,15), я дала ему \$4,00 — он слегка приподнял шляпу + пожелал мне доброго пути, кондуктор внес вещи в вагон + я уехала.

5/9/1957

[День, когда СС отправилась на корабле в Англию.]

[После завтрака с другом юности, Питером Хайду, к тому времени — соискателем магистерской степени по гуманитарным дисциплинам в Колумбийском университете.]

Быстрым шагом я вернулась в гостиницу, поднялась наверх, приняла душ, переделалась + закрыла чемоданы. Было 11:00 + спохватившись, я подумала, что на этот раз «отправление в 11:30» — это вполне серьезно (в отличие от отплытия «Ньюфаундленда» из Бостона *[корабль, на котором СС и ФР отправились в Европу в 1951 г. — их единственное совместное путешествие за границу]*). Я вытащила чемоданы к лифту, спешно потребовала счет, выписала чек + села в такси... *[Взбежав по трапу,]* я увидела Якоба *[Якоб Таубес, 1923—1987, социолог религии]* — он сказал, что ждет меня уже час. Я была по-настоящему растрогана — ведь кого *не* растрогают *знаки* внимания. Я расцеловала его + взошла на корабль — он махал мне, пока мы не скрылись из виду.

Оказавшись на палубе, я не испытала никакого желания (ввиду расстроенных чувств и состояния рассеянности) наслаждаться, в обществе зевак и маниакальных фотографов, видами Нью-Йорка и проч. + испытала облегчение, так как пассажиров почти сразу пригласили кланчу...

[СС весьма подробно описывает свое пребывание на борту, но эти дневниковые записи ограничиваются в основном распорядком дня, выдержками из меню и т. п. О прибытии в Великобританию она ничего не пишет. СС возобновляет дневник уже в Лондоне.]

17/9/1957

Проснулась в 9:00. Сходила в туалет, потом снова легла в кровать — дописывать вчерашнее письмо Ф. В 9:30 позвонила Джейн [Дегра] — договорилась выпить с ней кофе в Чэтем-хаус [Королевский

институт международных отношений в Лондоне] около 11:00. Собиралась встать к завтраку, но мне было *слишком* комфортно. Написала письмо Дэвиду о мраморе Элгина...

...Долго шли пешком [с Джейн Дегра и ее коллегой из Чэтем-хаус] — они настояли на этом, так как подыскивали ресторан подешевле — до «Санто-Романо» на Олд-Комптон-стрит. Табльдот за 4/6 [фунты/шиллинги]. Я заказала ромштекс. Ромштекс явился — крошечный + несъедобный. Скучные разговоры. После ланча мы распрощались + я пошла в «Фойлз» [книжный магазин] (это рядом); провела час в отделе философии. Страшный упадок по сравнению с тем, что было 6 лет назад. Ничего не купила.

Подступает тошнота — голова тяжело пульсирует [у *СС* были сильные мигрени примерно до 35 лет]. Пошла налево по Тоттенхем-Корт-роуд; увидела афишу с «Римлянок» и «Горьким рисом» и пошла в кино. Посмотрела большую часть первого и весь второй фильм. В перерыве съела паршивое ванильное мороженое.

Когда я вышла из кино в 6:00, мне стало хуже. Села в автобус (№ 1), доехала до гостиницы, разделась + легла в кровать. Проспала до 9:30. Все еще в кровати включила «Третью программу» + прослушала последнее 2/3 английского перевода *пьесы* Жида по [его роману] «Подземелья Ватикана». Передача закончилась к 10:45 + моя мигрень мчалась во весь опор. Мне следовало принять что-нибудь раньше, но почему-то я отказывалась себе в этом признаться. Один из худших приступов — за следующие три часа я выпила 5 рецептурных таблеток + 3 кодеина, прежде чем мне стало чуточку лучше.

К 2 утра мигрень утихла, но я не спала всю ночь, как обычно. Пару часов занималась итальянским, написала письма Минде Рей, матери + Розы — + карточку Джеймсу Гриффину (в воскресенье я по ошибке взяла его ручку). Пересматривала «Путеводитель по Лондону

Мюрхеда» + обдумывала, куда бы я хотела сходить с Дэвидом. Чтение отнимает много нервной энергии. Около 6 утра начала писать эти строки + теперь попытаюсь уснуть.

[В последнюю неделю сентября и первую неделю октября 1957 г. СС и Джейн Дегра путешествовали по Италии. Во время поездки СС вела подробные заметки, однако в них, преимущественно, говорится о том, что спутницы видели, на каких они ездили поездах, где останавливались и что ели. Ниже приводится лишь одна запись из дневника этого путешествия — описание Флоренции, где СС была впервые.]

Флоренция столь прекрасна, что пронизана шалой нереальностью; красота современных городов состоит, отчасти, в их могуществе, жестокости, безликости, массивности + разнообразии (как Нью-Йорк и Лондон) *на фоне* архитектурных останков великолепного прошлого (так, в известной степени, в Бостоне; в гораздо большей мере — в Лондоне, Париже, Милане), но не такую красоту находишь здесь. Флоренция прекрасна в своей целостности, то есть она целиком погружена в прошлое. Это город-музей, у которого есть настоящее («веспы» с форсированным двигателем, американские кинофильмы, десятки тысяч туристов — в основном американцев + немцев), однако таково величие, насыщенность + эстетическая однородность города, что современные элементы — по крайней мере, итальянские — ничего не нарушают, не портят.

Город не подвергался бомбардировкам во время войны, но множество старых домов + зданий и все старые мосты, за исключением самого знаменитого — Понте Веккьо, были взорваны отступавшими немцами в 1944 г. Сейчас ведется большое строительство, но типично флорентийский стиль (красная черепичная крыша, три или четыре этажа, белые или коричневые оштукатуренные стены, длинные окна с настежь распахиваемыми ставнями) сохраняют + уважают везде.

Погода изумительная, достаточно тепло для хлопчатобумажного платья или рубашки с длинными рукавами (температура не опускается по вечерам, как в Калифорнии), но не жарко. В моей комнате замечательное окно в семь футов длиной: вчера всю ночь я держала ставни полностью открытыми + сегодня сделаю то же самое...

...Сегодня днем меня тронула служба в Санта-Кроче. На западе есть только одна жизнеспособная религия. А протестанство — это очень говорящее название. Оно приобретает значение как протест, отчасти эстетический + отчасти религиозный (в какой мере их можно разделить) против вульгарного, избыточного, по-восточному пышного католичества. И все же без католической церкви протестанство бессмысленно + безвкусно...

[Отдельная страница с пометкой: сентябрь 1957]

невыносимо смотреть на фотографии лица, которое она знала в сладостной истоме и во сне.

[Без указания даты, кроме пометки: 1957 — Оксфорд]

Жизнь — это опосредованное самоубийство.

Этот крошечный конус тепла, мое тело — его выступы (нос, пальцы) мерзнут.

Если говорить о замерзших пальцах...

Частная жизнь, частная жизнь.

Пытаюсь удержать на плаву свои благочестивые мысли, идеалистические фантазии.

Все у[твержде]ния *не* подлежат делению на истинные + ложные. Такое деление — очевидная банальность. Но при этом высветляется значение.

Напряженное самосознание. Воспринимать себя, как другого. Надзирать над собой.

Я ленива, тщеславна, лишена такта. Я смеюсь, когда мне не смешно.

В чем тут секрет — когда внезапно начинаешь писать, находишь голос? Попробовать виски. И еще быть в тепле.

15/10/1957

[СС подробно конспектировала курсы, которые проходила в Оксфорде. В тетради содержатся записи по курсу философии Дж. Л. Остина. В настоящей публикации они опущены. Однако интерес могут представлять разрозненные заметки на внутренней стороне обложки, относящиеся ко времени, когда СС готовилась к переезду в Париж.]

café crème — кофе со сливками после обеда

café au lait — кофе с молоком за завтраком

une fine (брэнди)

un Pernod (порция перно — все равно что стакан колы в Штатах)

сходить в «Копар» (Comité Parisienne), ул. Суффло, 15 (это улица, где Пантеон), там можно получить талоны на обед в студенческих ресторанах, например в международном ресторане «Фойе исраэлит», [ул.] М. Ле Пранс

взять список концертов — целесообразно в «Молодых музыкантах Франции» (студенческая организация) — получить дешевые места на концерты.

узнать, есть ли «студенческий тариф» в кинотеатрах[и] галереях.

•

[Без указания даты, но вероятнее всего — поздняя осень 1957 г.]

[Иероним] Босх

Рисунок Босха в голландском музее: деревья с двумя ушами на стороне ствола, будто прислушивающиеся к лесу, + настил леса с множеством глаз.

Картина говорила на неизвестном языке, но говорила ясно и внятно — содержащиеся в ней эмоции тронули меня до глубины души.

•

А. Э. Хаусман родился 26 марта 1859 г.

2/11/1957

Вчера ближе к вечеру я упала с велосипеда + перелетела через тротуар. Ночью мне приснилось, что в левом боку у меня огромная рана, лилась кровь, я была на ногах, но умирала.

4/11/1957

Попробовать виски. Найти голос. Говорить.

Вместо того чтобы болтать.

•

Разве евреи не исчерпали себя? Я горжусь принадлежностью к евреям. Горжусь *чем?*

•

[Муций] Сцевола — молодой римский патриций, который, не моргнув, держал руку в огне.

Тики — бог полинезийцев и маори, который, по преданию, сотворил первого человека. Отсюда — предок, прародитель; также означает деревянного или каменного идола в облике человека.

Шарлотта Корде (1768—1793) — девушка, убившая Марата (контрреволюционерка).

Хатор — древнеегипетская богиня любви + любовных усад. Часто изображается с головой, рогами или ушами коровы.

Джон Булл — Великобритания

Дядя Сэм — США

Жан Крапо — Франция

Орк — фантастический, покрытый чешуей зверь, дракон, чудовище, названный по имени морского чудища, убитого Роландом в «Неистовом Роланде» Ариосто.

•

случайный
бросовый (о работе, деле)
вздорный
кляузный

28/II/1957

[Отдельная страница, найденная среди бумаг СС.]

«Der Monat»* — Берлин
Евреи > утилитаризм

Суть богемы в зависти — избежать ее могут только подлинные интеллигенты — богема возможна лишь в определенных сообществах — например, Сан-Франциско, Нью-Йорке — и, конечно же, в частных средних школах или «Богемии» — в Чикаго (Чикагском университете) + Блэк-маунтен [колледже] и т. д.

Нравственность наполняет собой опыт, а не наоборот.

Филистеры или
«подмена внутреннего мира культурой»

творческая ошибка
экстравагантный разум — *связи*

нравственность [минус] корысть = преданность, верность
и / или — равнодушные есть поддержка
нет пацифизму — есть место для праведной ненависти

* «Месяц» (нем.).

культ святой блудницы
Достоевский, Ловелас

Любовь = смерть («темная дама», роковая женщина):
Вагнер, Д. Г. Лоуренс

Ответ[Альберту] Швейцеру[на его философию «благоговения перед жизнью»] — если все одинаково ценно — даже муравей — если муравья нельзя убивать, если он так же ценен, как и я, то из этого следует, что я так же ничтожна, как муравей. — Люди неодинаковы, не равноценны — Позволить злу произойти означает помочь злу. — *Есть* место для насилия во имя справедливости

Сообщество — братство — «Как благостно» — средний класс тождественен отсутствию радостей, разрушенным семьям, систематическому обману —

Политика как искусство возможного — «протестное голосование»?

Либо да, либо нет — аристократический иудаизм — либо «один из нас», либо один из гоев[эллинов / неиудеев] — совершенный ты — избранный, элитарный —

29/12/1957, Париж

Сен-Жермен-де-Пре. Совсем не то же, что Гринвич-Виллидж. Начнем с того, что иностранцы (американцы, итальянцы, англичане, южноамериканцы, немцы) в Париже обладают другой ролью + самоощущением, нежели провинциалы (например, юнцы из Чикаго, с Западного побережья, с Юга), приезжающие в Нью-Йорк. Никакого слома национальной идентичности, а также ошибок в идентификации. Один язык. Можно всегда вернуться домой. Кроме того,

большинство обитателей Гринвич-Виллидж — это внутренние, даже муниципальные экспатрианты.

Будни в кафе. После работы, или же пытаюсь сочинять или рисовать, вы приходите в кафе в поисках знакомых. Желательно с кем-то или, по крайней мере, следуя твердой договоренности о встрече... Надлежит посетить несколько кафе — в среднем, четыре за вечер.

Кроме того, в Нью-Йорке (Гринвич-Виллидж) разыгрывается общая для многих комедия принадлежности к евреям. Этого также нет в парижской богеме. Не всё так *Heimlich* [по-домашнему]. В Гринвич-Виллидж итальянцы (та пролетарская основа, на фоне которой упражняются в интеллектуальной + половой виртуозности безродные евреи + провинциалы) колоритны, но вполне безобидны. Здесь — буйные, мародерствующие арабы.

[Без даты, конец 1957 г.: вскоре после приезда в Париж СС заполнила один блокнот краткими характеристиками людей, с которыми она знакомилась, описанием мира, в который вступала. Характеристика Г. не содержит признания о характере их отношений.]

Марк Ойхер — из Детройта — тридцати лет? — носит длинные волосы, ниже плеч, потому что (говорит он) длинные волосы красивы, а мужчинам тоже позволительно быть красивыми — бородат — играет в шахматы и участвует в шахматных турнирах в Гамбурге, Барселоне и т. д. — ест здоровую пищу — в прошлом году, находясь в Риме, вдруг решил, что ему нужен костюм, + заказал для себя шесть шелковых разноцветных тюрбанов + под цвет им шесть шелковых сорочек плюс огромную красную бархатную накидку, как у какого-то мага на карнавале...

Дж. — лет под тридцать, французских и еврейских кровей — есть внебрачный ребенок — принимает наркотики (белый порошок в бутылке) — «Скажи Г., что через три месяца я уезжаю в Израиль» — родители погибли в концлагере, ее спрятали — спасла нееврейская семья — распущенные черные волосы, большие черные глаза, черный свитер, тщедушная. Всегда пьяна...

Герта Хаусманн — немка, художник (но не абстракционист) — ателье в квартале Монпарнас с «chien mechant»* во дворе внизу — у нее друг-венгр по имени Дьорка...

Рикардо Вигон — кубинец; 30 лет; приехал в Париж 8—10 лет назад; 2 года учился в «Синематеке», также писал стихи; два последних года работал переводчиком (с испанского) в ЮНЕСКО. Пережил период истовой религиозности + некоторое время жил в монастыре под Парижем. Пытался вести борьбу со своей гомосексуальностью, затем сдался.

Элиот Стайн — 32 года или около того — из Нью-Йорка — парижский корреспондент «Оперы» (издается в Лондоне) — потребитель культуры с вычурными, банально-фальшивыми вкусами — киноман («любимый кинофильм»: «Кинг-Конг»). Собирает порнографию.

Айрис Оуэнс — из Нью-Йорка, 28 лет, написала 5 порнороманов под псевдонимом Хэрриет Даймлер — глаза толсто подведены черным (какая-то угольная смесь) — была замужем... Была лучшей в своем классе в Барнарде, думала поступать на магистерскую программу в Колумбийский университет + учиться с [Лайонелом] Триллингом. Ее друга зовут Такис (он — греческий скульптор).

Херман — еще один представитель кубинской колонии. Высокий. Жена Асумпсьон и сын пяти лет. Учился в «Синематеке».

* Злая собака (*фр.*).

Сэм Вулфенстайн — сын знаменитого, успешного врача + дилетанта-античника. Старший брат — занимающий большую должность врач в Брукхэвене... В 1948 году воевал в Израиле — был ранен — сильно хромает — так и не получил компенсацию — ненавидит Израиль.

Аллен Гинзберг — отель на улице Жи-ле-Кёр — его любовник Питер [Орловский] с длинными светлыми волосами + заостренными чертами лица.

Г. Прекраснейший цветок американской богемы. Нью-Йорк. Семейные квартиры где-то на семидесятых и восьмидесятых улицах. Отец — делец средней руки (не «специалист»). Тетки-коммунистки. Сама прошла через заигрывание с КП [Коммунистической партией]. Чернокожая горничная. Средняя школа в Нью-Йорке, Нью-Йоркский университет, экспериментальный художественно-претенциозный колледж в Сан-Франциско [где СС и Г. познакомились], квартира в Гринвич-Виллидж. Ранний половой опыт, включая негров. Гомосексуальность. Пишет рассказы. Неразборчивость в бисексуальных связях. Париж. Живет с художником. Отец переезжает в Майами. Поездки в Америку и обратно. Ночная работа, как у многих экспатриантов. Сочинительство иссякает.

•

Неудачники, горе-интеллектуалы (писатели, художники, несостоявшиеся доктора наук). Люди, подобные Сэму Вулфенстайну [математику], с его хромотой, портфелем, пустыми днями, пристрастием к кинофильмам, крохоборством и грязью, с его бесплодным семейным гнездом, откуда он бежит, — ужасают меня.

30/12/1957

Отношения с Г. озадачивают меня. Мне хотелось, чтобы они были непреднамеренными, бездумными, — однако тень ее предположений о сущности «любовной связи» нарушает мое равновесие, вызывает во мне чувство неловкости. Она со своей романтической неудовлетворенностью, я со своей романтической потребностью и тоской... Один неожиданный подарок: она красива. Мне она помнилась [*по времени, проведенном СС в Калифорнии*] как девушка совершенно некрасивая, скорее грубая и непривлекательная. Это совершенно не так. А физическая красота обладает для меня огромной, почти болезненной важностью.

[Без указания даты, конец 1957 г.]

Луна, как желтая клякса на небе, — желтый оттиск на ткани ночи.

•

Заметки о кинофильмах

Вуайеристская интимность камеры.

Теория кино «belle image» — кинофильм как последовательность красивых картинок... по сравнению с фильмом как движущейся, вполне целостной вещи.

Камера, двигаясь по кругу, намеком приглашает нас воспринять одного персонажа + исключить другого; снизу вверх + испытать благоговение перед героем или страх перед негодяем; сверху вниз + испытать презрение или жалость; косой взгляд камеры предупреждает нас о беде; движущийся план справа налево,

оборачивающий вспять «праворукость», о которой говорит Герман Вайль в книге о симметрии, наделяет людей + места чем-то жутким.

Кинофильм — это роман в движении; вероятно, это наименее рационалистичная, наиболее субъективная среда.

31/12/1957

О ведении дневника

Несерьезно воспринимать дневник просто как приемник для частных, тайных мыслей — как наперсника, который глух, нем и безграмотен. В дневнике я не просто выражаю себя более открыто, чем могла бы в личном общении; я создаю себя. Дневник — это локомотив моего самоощущения. В нем я предстаю эмоционально и духовно независимой. Следовательно (увы), в нем не только записываются страницы моей фактической, каждодневной жизни, но и — во многих случаях — ей предлагается альтернатива.

Зачастую возникает противоречие между смыслом наших действий в отношении человека и чувствами, которые мы выражаем к нему же в дневнике. Последнее не означает, что наши поступки неглубоки, и лишь наши сокровенные признания подлинны. Признания (я, конечно, подразумеваю искренние признания) могут быть более поверхностными, чем поступки. Я думаю о том, что прочитала о себе сегодня (когда ходила на бульвар С[ен]-Ж[ермен] за ее почтой) в дневнике Г., — это краткая, несправедливая, немилосердная оценка меня, которая заканчивается словами, что в действительности я ей не нравлюсь, но моя страсть к ней приемлема и удобна. Боже мой, это очень больно, во мне — негодование и унижение. Нам редко становятся известны мысли

других людей о нас (или то, что они сами считают своими мыслями о нас)... Чувствую ли я свою вину в том, что прочитала строки, не предназначенные для моих глаз? Нет. Одна из основных (социальных) функций дневника в том и состоит, чтобы его тайно читали другие — те люди (подобно родителям + любовникам), о которых мы со всей жестокой честностью говорим только в дневниках. Прочтет ли Г. эти строки?

•

Сочинительство. Сочинительство с намерением поучать, повышать нравственные нормы — развращает.

Ничто не мешает мне стать писателем, кроме лени. Хорошим писателем.

Почему важно писать? В первую очередь из эгоизма, полагаю. Мне хочется быть этой персоной, писателем, и дело не в том, что мне необходимо что-то высказать. А впрочем, почему бы и нет? Благодаря строительству своего «я» — например, такому *fait accompli*, как настоящий дневник, — я сумею уверовать, что я (я) имею что-то сказать, что мне есть что сказать.

Мое «я» слишком мало, осторожно, слишком рассудочно. Хорошие писатели — это ревущие эгоисты, порою до глупого. Трезво мыслящие критики, вроде меня, поправляют их — но наше здравомыслие лишь паразитирует на творческих способностях гения.

2/1/1958

Крошечное несчастное «эго», как жилось тебе сегодня? Боюсь, не бог весть как, — ты все изранено и покрыто синяками. Горячие приливы стыда и тому подобное. Нет, она не влюблена в меня, я никогда не питала иллюзий, но думала, что я ей нравлюсь.

•

Сегодня вечером (вчера вечером!) у Поля я и вправду говорила по-французски. Говорила часами! С Полем и его милейшими родителями. Как это здорово!!

•

...Стратегия личности.

Как сделать из своей грусти нечто большее, чем просто скорбную литанию чувству? Как чувствовать себя? Как гореть? Как сделать свою муку метафизической?

Блейк говорит:

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья*.

Мне страшно, я цепенею от супружеских войн — смертельной, мертвящей схватки, что есть противоположность, антитеза острых,

* Строки из стихотворения У. Блейка «Изречения невинности». Пер. С.Я. Маршака.

болезненных войн любовников. Любовники воюют кинжалами и кнутами, мужья и жены — отравленной пастиллой, снотворными таблетками и мокрыми одеялами.

[Нижеследующие страницы взяты из дневника, на обложке которого стоит дата — «декабрь 1957 г.». Однако у меня почти нет сомнений, что записи сделаны в начале 1958 г., хотя и неизвестно, когда именно. Здесь, в едва беллетризованной форме, изложен рассказ о том, как СС приняла решение оставить мужа и как, после непродолжительного пребывания в Оксфорде, она оказалась в Париже. Ведущего персонажа повести зовут Ли, по второму имени самой СС. Мужа Ли зовут Мартин: так звали младшего брата Филиппа Риффа. Примечательно, что прототипом любовника по имени Хэзлитт послужила любовница СС Г., а фигура, символизирующая Ирэн Форнес (ставшую любовницей СС после ее расставания с Г.), — это испанская любовница Хэзлитта, Мария. Здесь воспроизведено вступление СС и первая часть повести. Я ввел в первые пассажи написанную позднее альтернативную версию решения Ли уехать в Европу, хотя в дневнике она следует в самом конце.]

[Предисловие]

Ушло время писать для развлечения других. Я пишу не для того, чтобы развлекать других или себя. Эта книга — инструмент, средство — и должна она быть твердой + формой напоминать инструмент, длинный, толстый, с тупым концом.

Эта тетрадь — не дневник. Это не мнемонический справочник, призванный помочь мне вспомнить, что в тот или иной день я смотрела именно этот фильм Бунюэля, или как меня огорчила Дж., или что Кадис показался мне прекрасным, а Мадрид — нет.

[Текст]

...Она чувствовала, что ей нужно спать все больше. Проснувшись утром, она думала о том, как скоро ей удастся лечь снова — после утренних классов или перед дневным семинаром — и когда она заснет.

Она начала ходить в кино

На шестой год брака Ли решила уехать за границу на год + подала бумаги на получение именной стипендии. План, как обычно, был ехать вместе. Мартин тоже должен был ехать, но в последнюю минуту получил более выгодную преподавательскую ставку на учебный год. Она же получила стипендию. Он умолял ее не ехать, но ей поступило официальное приглашение, и, кроме того, предлогом была ее карьера. Иначе у нее никогда бы не хватило смелости уехать. Были и сцены, и рыдания, а потом внезапно пришло время уезжать. Была бессонная ночь, когда она наконец оставила супружескую постель и пошла спать в детскую, а потом утром Мартин, ребенок и няня уехали в автомобиле, а спустя несколько дней Ли поехала в Нью-Йорк и села на корабль.

[Альтернативная версия решения уехать]

«Мартин, милый, — сказала Ли однажды, входя к нему кабинет, — я хочу уехать на время». На Мартине был банный халат, накинутый на майку, и мятые штаны хлопчатобумажной ткани.

«Уехать куда?» — спросил он, отставив с колен пишущую машинку.

«Ну, отправиться путешествовать — путешествовать по Европе».

«Однако, милая моя, мы об этом уже говорили. В следующем году, когда книга будет закончена, мы оба поищем преподавательскую работу за границей. Все решено».

«Не могу я ждать! — вскричала она. — Вечно в следующем году, все в следующем году, а в результате ничего не происходит. А мы отсиживаем задницу в этой крысиной норе и становимся почтенными гражданами с отвислым брюхом». — Она замолчала, осознав, что имела в виду не «нас» и что этот выпад был абсолютно ничем не спровоцирован.

Она была беспокойной, нежной, слезливой девушкой, когда вышла за него замуж; теперь она была своенравной, слабой, выплакавшей все слезы женщиной, полной преждевременной горечи... как Мартин зависел от нее в своей работе...

[Возвращение к первой версии]

В Нью-Йорке она знала нескольких людей — издателей, университетских преподавателей, общих с Марином знакомых, но ей вовсе не хотелось видеть их теперь, когда она была одна, так что, приехав в город, она никому об этом не сообщила, и никто не пришел провожать ее на корабль. Однако проснулась она поздно и чуть не проспала назначенное на 11 утра отплытие.

[Альтернативная версия отъезда]

...Она испытывала дикое желание ехать в Европу, и все европейские мифы эхом отзывались в ее голове. Растленная Европа, усталая Европа, безнравственная Европа. Та, что ощущала себя не по годам развитой в двадцать четыре года, теперь чувствовала свою тяжеловесную невинность и хотела, чтобы невинность ее похитили.

Я жила в грезе невинности, шептала она, с палубы корабля, из ночи в ночь окидывая взглядом морщинистый, испещренный лунными бликами океан.

Моя невинность вызывает у меня рыдания.

Я — пациент, говорит она. Я врач и пациент одновременно. Но в качестве лекарства я прописываю себе не самопознание. Не станем обманываться, я стремлюсь к максимуму самопознания, но не в нем моя цель. Силы, силы я ищу. Силы не чтобы вынести — такая сила у меня есть, и она сделала меня слабой — но силы, чтобы действовать —

[Возвращение к первой версии]

Вначале она поехала в Англию и провела одинокий, освежающий семестр в университете, общаясь со студентами начальных курсов, немного работая, вновь открывая для себя — словно ей было шестнадцать — радости флирта и одиночества. Однако эта атмосфера была слишком похожа на мир, окружавший ее в Америке, — жесткий карьеризм университетских кругов, велеречивость. Ей надоели болтовня, книги, интеллектуальное «производство», мерная походка профессора.

В декабре она поехала в Париж на каникулы, намереваясь вернуться в Оксфорд через шесть недель, но так и не вернулась, и в Париже у нее случился роман, причем она вступила в связь так же просто и безоговорочно, как просто и бескомпромиссно она отказывалась от собственных сексуальных потребностей на протяжении многих лет. Этот мужчина в Париже был всем, чем не был Мартин: он ее не любил и совершенно не выказывал к ней нежности, физически или словесно. Но она приняла его во имя их занятий любовью, которые отличались неистовством, глубокой чувственностью и не были отмечены слезливой личной привязанностью.

Ах, думалось ей, я сыта по горло вечным растворением и взаимопроникновением двух «я» — включая мое собственное; так щедро и великодушно она отпускала любовнику его безразличие.

Ее парижский любовник — также американец, проживший в Париже уже почти десять лет, — разочаровался в интеллектуальности и теперь стал убежденным «антиинтеллектуалом». Он приехал в Париж, чтобы писать картины, но теперь рисовал очень мало и все же жил в этом мире, и любовницы его были художницами или ваятельницами...

...Хэзлитт постоянно говорил о своей прежней любовнице, художнице-испанке Марии — роскошной, примитивного склада женщине, обладающей колдовской чувственностью. Их связь длилась три года, хотя жили они вместе только периодами. Она оставила его и Париж за три месяца до приезда Джудит [*здесь Ли превращается в Джудит — кстати, это имя носила и младшая сестра СС*], а он все еще был безудержно и слезливо в нее влюблен...

[*Текст внезапно обрывается на середине повествования, после чего следует лишь одна запись.*] сексуализация жизни, в данном случае, взгляд на мир через троп... сексуальная привлекательность, сексуальное приключение, сексуальное фиаско

2/1/1958

Моя эмоциональная жизнь: спор между жадой приватности и потребностью погрузиться в страстные отношения с другим. Обратите внимание, что с Филиппом я не знаю *ни того ни другого*, ни частной жизни, ни страсти. Ни возвышения себя, возможного только посредством приватности и одиночества, ни великолепной, героической, прекрасной утраты себя, сопровождающей страсть.

Вот еще одна причина делать Сами Знаете Что. Но рассудок не подвигнет меня на это, только воля.

3/1/1958

Я пропускаю этот день как слишком болезненный + проблематичный для комментариев. Семь лет — долгий срок, правда, милый? Целая жизнь, это точно. Я отдала тебе свою молодость, слабость, надежды. Я отняла у тебя твою мужественность, твою самоуверенность и силу — но (увы) не твои надежды.

4/1/1958

Вчера вечером смотрела невероятный фильм — «Les Maîtres fous»* — о культе Хаука (1927) в Аккре. Мир как драматическое представление. Образ умершей, богатой церемониями цивилизации глазами фантастического, наивного, *живого* варварства... После этого африканского фильма — шведский «La Nuit des forains»**. Длинная беззвучная череда кадров в начале фильма — одна из самых напряженных + прекрасных в истории кинематографа, лишь немного уступающая по значению одесской лестнице в «Потемкине». Остальной фильм — это, скорее, разрядка напряжения, хотя сделано очень хорошо. Замечательный крупный план лица актера + девушек.

•

* «Безумные учителя» (*фр.*) — документальный фильм Жана Руша.

** «Вечер шутов» (*фр.*) — художественный фильм Ингмара Бергмана.

[О Париже]

Город. Город как лабиринт. (В сельской местности лабиринтов нет.)
Это меня и привлекает, среди прочего.

Город вертикален. Местность (+ пригороды) горизонтальны.

Я «вправляю» себя в город...

Искусство города: знаки, реклама, здания, униформы, представления, в которых не участвуешь.

Город основан на принципе, что времена года (природа) не имеют значения, не должны иметь значения. Отсюда автоматическое кондиционирование воздуха, центральное отопление, такси и т. д. У города нет времен года, но в городе контраст между днем и ночью резче, чем в деревне. Город преодолевает ночь (благодаря искусственному освещению + искусственной общительности людей в барах, ресторанах, на вечеринках), он *использует* ночь — тогда как в деревне ночь остается неиспользованной, это время со знаком минус.

Важное обстоятельство прогресса: с появлением автомобиля, изгнанием животных из города разве можно представить себе города, напитанные вонью конского навоза?

Деревья, растущие из панели. Мертвая природа, очерченная, подстриженная. Игры на асфальте.

Полицейский — проводник в лабиринте настолько же, насколько он защитник общественного порядка.

Пределы общения в городе. Приватность (следует отличать от одиночества) — сугубо городское творение.

Небо, как его видишь в городе, — это негатив. А здания — нет.

•

Долг, ответственность. Эти слова *и в самом деле* что-то значат для меня. Однако, признав, что у меня *есть* обязанности, не должна ли я безжалостно воспринимать их как противоположность своим склонностям? Могу ли я признать, что у меня есть обязанности, не зная, в чем они состоят? Могу ли я распознать обязанности, не выполняя их?

Чтобы понять мир, на него нужно смотреть, выйдя за пределы собственных чувств. В этом естественное различие между пониманием и действием, хотя оно и может быть стерто — как это делает Жид, вводя понятие «*acte gratuit*»*.

Я орошаю свой бесплодный разум книгами.

Непроницаемый беспорядок человеческих отношений.

Г. считает мои добродетели изъяснами [*вначале СС написала «пороки», затем вычеркнула слово.*] (Я недостаточно интересна, чтобы иметь пороки.) Отставив все ее разъяснения, сумятицу и оборонительные приемы, *возможно* ли такое? Например, рассмотрим феномен честности. *Зачем* быть честной? Откуда это сладострастное стремление обнажиться, стать прозрачной? Оно отвратительно, если проистекает из необходимости вызывать *жалость* в других.

Чувство реальности = ощущение, что вещи должны быть такими, какие они есть. (Спиноза, стоики.) Во мне оно обладает терапевтическим свойством, но преждевременно. Я нашла лекарство еще до того, как заболеть.

* Беспричинный поступок (*фр.*).

Цена свободы — несчастье. Я должна исковеркать свою душу, чтобы писать, быть свободной.

•

Номиналистическое отношение к объектам в докубистском искусстве.

Кандинский вряд ли выдерживает сравнение с Клее. (Выставка акварелей + гуашей (1927—1940) Кандинского в прошлую субботу днем, в галерее Мегт, с Г.). Но вот что интересно: предчувствие + ожидание форм XX века: геометрия телевизионных антенн, пусковые площадки ракет, внутренности машин (тоньше, чем у Леже); орбиты спутников + космическое пространство...

•

Кэтрин Хепбёрн — зачесанные назад волосы, тонкая, даже костлявая фигура; строгие наряды, закрытые блузки; решительные манеры; открытая и робкая улыбка. Воплощение феминистского идеала женщины. (Интересно, что она всегда была любимой голливудской актрисой Филиппа.) Если образцовые независимые женщины, образы феминизма, гомосексуальны — Гарбо, Хепбёрн, де Бовуар (так утверждала сегодня Аннетт [Майклсон, кинокритик и филолог]) — умаляет ли это обстоятельство дело феминизма?

•

Г. вернется завтра. Мне необычайно грустно, тошно от мысли о том, что все закончится. Она не писала. Сегодня вечером, в начале «Les Enfants du Paradis»* (я ходила в [кинотеатр] «Бонапарт»): в том месте, где музыка звучит очень громко, обнаженно мелодич-

* «Дети райка» (*фр.*).

ная — я чуть не разрыдалась. Впервые за много месяцев я ощутила способность плакать...

Благодаря музыке мне вспомнилась — в сгущенной форме — вся грусть этой кинокартины. Река неразделенной любви: А любит Б, но Б любит В, а В, увы, любит Г. «Я люблю тебя — говорит Натали Батисту Дебуро, — а ты любишь Гаранс, а Гаранс любит Фредерика». «Отчего ты так говоришь?» — восклицает Батист. «Они живут вместе». «Ах, — отвечает Батист, — если бы все люди, живущие вместе, любили друг друга, земля бы сияла, как солнце!»

Уже предвижу колкость и демарши Г., мою собственную неуклюжесть — идиотские попытки исторгнуть из нее любовь. Удушливые попытки *не* разговаривать, ничего не прояснять; самоубийственность разговоров, вынуждающих ее либо лгать (что она и делает), либо быть честной.

Скажет ли она завтра вечером (уже сегодня вечером!) по телефону, когда я позвоню ей в «Геральд трибьюн» перед театром с Полем, что она устала от поездки + предпочтет пойти прямо домой? Слышу, как говорю ей после краткой паузы (эта ночь просто *не может* быть настолько же гнусной, насколько та первая ночь в одиночестве, ночь на понедельник в Париже), конечно, разумеется, я понимаю... НЕТ, я этого не скажу. Я не стану кротко соглашаться. Если она спросит, не возражаю ли я, — я намереваюсь сказать, что возражаю, что я возражаю категорически...

6/1/1958

Г. вернулась: игры в секс, любовь, дружба, шуточки, меланхолия — все возобновилось. Рассказывает о блядском, блистательном времяпрепровождении в Дублине. Боже мой, она прекрасна! с ней очень

сложно, даже если играть на поле ее двойственности. Эгоистичная, колкая, ироничная, пресыщенная мною, пресыщенная Парижем, пресыщенная самой собой.

На следующие девять ночей мы сняли белый номер с высокими потолками в «[Гранд-] Отель де л'Юнивер», на улице Григория Турского.

•

Прошлым вечером «Генрих IV» Пиранделло в компании Поля + друзей, служащих гражданского ведомства. (Национальный народный театр: Жан Вилар.) Несмотря на то что я разбирала не более половины французского текста + меня тошнило, желудок мучительно сводила тревога от предстоящей в 12:00 встречи с Г., я была вновь — до глубины души — тронута пьесой. Слезливо-сентиментальные размышления Пиранделло об иллюзиях и реальности всегда мне импонировали*. Мне понравилась и яркая, агрессивная постановка; простые арлекиновы костюмы (голубой + зеленый, красный + желтый, красный + голубой, зеленый + желтый у четверых придворных; пурпур для императора); но в меньшей степени игра — за исключением Вилара, который, к слову, стал бы замечательным Ричардом II. Игра актеров во французском театре — это не относится к кинофильмам, где преобладает своего рода международный «реалистический» стиль, — весьма цветиста, экстравагантна. Актер начинает с довольно высокой эмоциональной ноты — и для того, чтобы показать неистовое чувство, он вынужден превзойти исходную эмоциональность, отчего становится несколько истеричным.

Ни одна маска не есть маска в полной мере. Писатели и психологи давно изучают «лицо как маску». Меньше внимания уделяется

* В 1979 г. СС поставила пьесу Л. Пиранделло «Какой ты меня хочешь» в туринском «Театро стабиле». — *Прим. Д.Р.*

«маске как лицу». Иные люди, в этом нет сомнения, носят маску, чтобы скрыть живое, невыносимо мучительное чувство. И все же большинство людей носят маску только для того, чтобы стереть скрытое под ней, стать с собственной маской одним лицом.

Интереснее маски, служащей прикрытием, гримом, — маска как проекция, устремление. Маскируя свое поведение, я не защищаю свою личность — я ее преодолеваю.

•

Днем в субботу долгий полупьяный разговор с Аннетт Майклсон, в основном о браке. Я пыталась обрисовать ей невинность Филиппа и привела пример, как он уговаривал меня лишь ненадолго задержаться в Оксфорде + провести остаток года в Париже. «Поезжай в Париж, это же так весело!» Аннетт сразу все поняла + ответила: «Он не знает, что сам режет себе глотку».

•

Прошлой ночью мне приснился красивый, повзрослевший Дэвид, ему было лет восемь, и я говорила с ним, красноречиво и несдержанно, о собственных эмоциональных тупиках, как некогда говорила со мной мать — когда мне было девять, десять, одиннадцать... Он мне сочувствовал, и я ощущала огромное умиротворение, объясняясь с ним.

Мне очень редко снится Дэвид, и я нечасто о нем думаю. Он лишь несколько раз проникал в мои грезы. Находясь рядом с ним, я обожаю его безраздельно. Когда я уезжаю и знаю, что о нем заботятся должным образом, его образ быстро тускнеет. Из всех людей, которых я любила, он — наименее *ментальный* объект любви, то есть он — самый реальный.

•

Здание Национального народного театра подобно советскому дворцу культуры и отдыха, каким его себе воображаешь. Необъятное, прошлое, из дорогих материалов, с мраморными стенами и небольшими окнами, огромными лестницами и лифтами, фантастически высокими потолками, латунными перилами и гигантскими настенными росписями. Это крупнейший театр в Париже, говорит Поль. После спектакля + прежде чем отправиться на встречу с Г., мы стояли на огромной площади между крыльями дворца Шайо, взирая на Эйфелеву башню, которая располагается прямо по курсу, ничем не загороженная, — черная башня величественных размеров изумительно очерчена на фоне прекрасного ночного неба с его беспокойными белыми облаками и щедрым лунным светом.

7/1/1958

Г. отчужденная, враждебная, погруженная в себя.

Размышления об аде, вызванные визуально превосходным, музыкально посредственным «Дон Жуаном», на котором я была вчера в Опере. Понятие ада и понятие о том, что у вселенной есть помойка, автоматический мусоропровод. Ад представлялся *справедливым* католикам и кальвинистам; *немилосердным* — протестантам более позднего времени. Растворяется ли требование справедливости (суда) в стремлении к милосердию?

Подразумевает ли религиозная телеология понятие загробной жизни, включая ад? Нравственная бухгалтерия требует расплаты по счетам. Некоторые предприятия процветают, иные объявляются банкротами и (или) мошенниками, — и поэтому за все должно быть предусмотрено наказание или награда, так как жизнь *серьезна*.

Довольно просто понять, как добродетели справедливости + искусства + угрызения совести сочетаются с серьезным отношением к жизни; сложнее понять серьезность милосердия, так как слишком часто поведение, которое объективно [sic!] милосердно, происходит из безразличия и неспособности к нравственному негодованию.

Вспоминаю разговор с Гербертом Хартом прошлой весной в Кембридже [Массачусетс] (мы стояли перед книжным магазином Шёнхофа на Массачусетс-авеню после его лекции) о Нюрнбергском процессе, который он прервал словами: «Я и сам не слишком гожусь на роль судьи». Это прозвучало нелепо, непристойно!

Полагаю, это очень по-протестантски — думать, что религия должна быть серьезной, а иначе это не вполне религия. Но есть еще и веселость хасидства, и аскеза + путаница индуистских ритуалов, которые описывает [Э. М.] Форстер.

В моих глазах серьезность — это действительно добродетель, одна из немногих, которую я приемлю экзистенциально и желаю эмоционально. Мне нравится быть веселой и забывчивой, но это имеет значение лишь на фоне императива серьезности.

8/1/1958

Чего мне не хватает [*СС написала «хочется», затем вычеркнула слово*] как писателю — это, во-первых, (1) изобретательности и, во-вторых, (2) непоколебимой воли к осмысленности. Сегодня, как только мы встали, перед вторым завтраком Г. пошла наверх, в свою комнату. Провела вторую половину дня, исследуя Сорбонну + предобеденный сеанс в «Кельте», смотрела «Обезьяньи проделки» [братья Маркс].

Поток (пять!) писем от Филиппа, благочестивых, нежных, сентиментальных — он ждет меня сегодня в «Америкэн экспресс».

9/1/1958

Ф. получил отставку в Брандейском университете, и я не знаю, что думать, как я должна себя чувствовать. Испытывать ли облегчение оттого, что я не с ним + что не нужно его наставлять, увещевать, утешать... Сочувствовать ли мучащей его тревоге... Легкое головокружение от того, как моя жизнь, казавшаяся твердью, уходит у меня из-под ног — все вынуждает меня принимать решения, действовать, оставить его после возвращения.

Кажется, что с Г. сейчас все стало лучше — но ведь *нельзя* знать наверняка, и я сильно заблуждалась раньше, относительно недель, предшествовавших Дублину.

Вчера обед (в «Шарпантье») + «Британник» [Расина] (в [театре] «Старой голубятни») в компании Аннетт Майклсон, которая была более натянутой + искусственной, чем обычно. Г. ей совсем не нравится, и поэтому она не нравится мне. Расин кажется мне более чужим, чем пьесы театра Кабуки, — все эмоции вынесены наружу, математически выверены. Пьеса состоит из серии конфликтов между двумя или, самое большее, тремя персонажами (без шекспировского мусора!); интеллектуальная среда — не диалог и не монолог, а что-то среднее — и наиболее мне неприятное, а именно — тирада. Нет действия, одни только позы.

Маргерит Жамуа, исполнявшая роль Агриппины, смотрелась очень величественно + сценично — своего рода идеальная Эдит Ситуэлл.

Вчера вечером Г. вернулась домой мучительно поздно. Она должна была прийти прямо в комнату, но ее не было до 2:15... Я стояла у окна + смотрела вниз на узкую улочку, на попрошайку, двух кошек, на мерившего улицу шагами мужчину + наконец, стояла в дверях, рядом с кафе-молочной, ожидая кого-то — вслушиваясь в шаги, которые целых полтора часа были не ее шагами.

12/1/1958

Г. только что ушла на работу, а я вернулась в гостиницу, чтобы переодеться перед встречей с Ирвингом Яффом в [кафе] «Морской волк» в 7:30. Г. прекрасна, расслаблена, нежна. Я трясусь от страсти и вожделения и счастлива... боже ж мой, я *счастлива*! Должно быть, с таким израненным сердцем + невостребованным телом не нужно слишком много, чтобы сделать меня счастливой. Но это *не* все, и я несправедлива по отношению к себе самой и к ней, говоря это. Это она, это она, это она.

В пятницу вечером посредственный «Кавалер роз»: я, одна, мчусь на гребне эротической фантазии, на приливной волне знакомой великолепной музыки... После спектакля встретила с Г. в [кафе] «Флора» и выпила с полдюжины порций виски в «Клубе Сен-Жермен» и «Табу». Не окосела, но выпила как раз достаточно, чтобы свыкнуться с посредственным джазом в «Сен-Жермене» и радоваться изумительному сексу в рассветный час — в кровати.

Я решила напиться ближе к вечеру, получив известие из Америки. Выпила в баре на Елисейских полях, прежде чем мы пошли смотреть «Алиби» с [Эрихом] фон Штрогеймом, [Луи] Жуве + Роджером Блинном. Потом пошла под дождем в Оперу, пропустив обед.

В субботу, вчера, мы спали допоздна, поели у грека по соседству, некоторое время ждали Рикардо в «Морском волке», взяли радио + туфли. Г. заказала пару штанов; затем отправилась на коктейль в «[Геральд] трибьюн» + я же провела два незапланированных часа с Ханом (не люблю его) и Моникой (я совсем ее не понимаю). Встретилась с Г. в ее комнате в девять. Прекрасный обед в «Боз-ар». Час, чтобы собрать людей — Паола + Бруно, Хан + Моника — + потом поехали на позднюю, более «серьезную» вечеринку «Трибьюн». Бруно был не-леп и чуть все не испортил. Коренастая, чересчур разодетая блондинка — Хиллари — вроде бы подруга Г., всю ко мне клеилась, что мне очень понравилось. Меня не влекло к ней, но было приятно, скажем так, оказаться дома — чтобы тобой интересовались женщины, а не мужчины... Когда мы уходили, Хан стащил стул... Ох, а с Моникой у меня вышла длинная, душевная беседа о сексе, любви, женщинах, мужчинах, о ее муже, о моей любовнице...

Сегодня спали до 3:00. Отвратительный сэндвич в «Морском волке». Гадкие люди, которые присоединились к нам, — Диего, Ивлин, Лондин. Г. была особенно прелестна вчера вечером, нарядная, идущая на вечеринку в «Трибьюн».

8/2/1958

Пришло время нарушить молчание. Странно, но этот дневник оказался заколдованным, в глубине души я думала, что он предназначен для того, чтобы запечатлеть подлинное счастье, и когда все стало рассыпаться, в день моего рождения, когда мы переехали в «Отель де Пуату», импульс вести дневник иссяк.

Прошедшие события — полный крах моих отношений с Г. — были столь внезапны, что я не могла поверить в их реальность. Вечер среды — «Новые времена» [Чаплина], ее ранний приход, полночь

во «Флоре», поход в «Клуб 55», ее подарки, ожидающие меня в комнате, и в первую очередь ее нежность и то, что она со мной — был прекрасен; я была преисполнена радости — не обманываясь, что она якобы любит меня так же, как я ее, но думая, что в нашей связи есть и для нее толика счастья, что я ей нравлюсь, что нам хорошо вместе. В четверг мы переехали — и вечер четверга, в «Лаперузе» и в театре («Сегодня мы импровизируем» [Луиджи Пиранделло]), стал вечером адских мук, равные которым мне редко доводилось испытывать. Я слепо шагала по лесу боли, мои внутренние очи были стиснуты, я едва удерживалась от рыданий. (В «Лаперузе» я почти что заплакала). Затем пятница, суббота, воскресенье в этой гостинице + все то же самое — я оцепенела, оглушенная болью, как скотина, — а она все время бранила меня за дурное настроение, эгоизм, неуравновешенность, занудливость...

В воскресенье днем прогулка до острова Сен-Луи; в воскресенье вечером — рыщущий, снежно-взбитый, чарующий перелет в Лондон, а затем сумасшедшая неделя приготовлений для возвращения во Францию, во время которой — чувствами — я не была ни здесь (в Париже), ни там, но будто оказалась подвешена в воздухе, все еще отказываясь верить.

В воскресенье вечером — 26 января — я вернулась (перелет показался бесконечным и унылым), дотащила чемоданы до комнаты, была половина второго утра, и нашла Г. в прежнем состоянии, а сама настолько отчаялась, что не сумела заставить себя поцеловать ее. Я жила под печатью проклятия в течение четырех дней перед своим приездом, она чувствовала те же чувства в продолжение четырех, пяти дней (она дала мне понять) после моего возвращения. Никакого секса — и, что еще хуже, та манера, с которой она отстраняется в кровати от всякого моего прикосновения...

С тех пор, а прошло уже тринадцать дней после моего возвращения, мы занимались любовью трижды или четырежды — однажды вечером в прошедший понедельник, очень красиво. И еще один раз с тех пор. Каждый день она работает в своей комнате по адресу бульвар С[ен]-Ж[ермен], 22б.

Сейчас вечер субботы, она обедает с друзьями, хозяин, некто Сидни Лич, ответственен за то, чтобы она получила заказ на перевод, который бы позволил ей оставить «Трибюн». Десять вечера. Встречаюсь с ней в 11:00 в «Морском волке».

Не обедала. Читаю [роман Итало Звево] «Самопознание Дзено», который глубоко меня тронул.

•

Нужно еще раз сказать себе. Все кончено. По-настоящему: не то что Г. разлюбила меня, ведь она никогда меня не любила, но то, что она перестала играть в игру любви. Она не любила, но мы *были* любовниками. Это ушло, иссякло, с тех пор как мы переехали в этот проклятый гостиничный номер, роящийся ее призраками, ее воспоминаниями об Ирэн [Форнес]. Мне тошно оттого, что она стала испытывать ко мне неприязнь и даже не чувствует себя обязанной скрывать это. Она неприкрыто груба, как в тот день, в пятницу, когда она убежала, хлопнув дверью перед моим носом, после ланча в «Боз-ар». Оскорбления, тычки, гримасы. И ни ласкового слова, ни единого объятия или рукопожатия или нежного взгляда. Короче, она считает наши отношения абсурдными, я неприятна ей, она больше не хочет меня. И вправду это абсурдно.

...Крестная мука в последние две недели... Должно быть, я это заслужила. Любовь смехотворна. Чувствую горячие приливы + головокружение; в четверг вечером у меня действительно была лихорадка,

и всю среду я провела в постели — Г. купила и принесла съестного, прежде чем уйти в полдень.

Mon coeur blessé...*

А в четверг днем я была приглашена в ее комнату, в комнату Ирэн (*обе* комнаты — ее и Ирэн), чтобы помочь с редактированием, с переводом. Боже мой, не хочется вспоминать! В тот вечер я иду в страшный снегопад — мне так жарко, так жарко — встречаюсь с Хиллари + Джоном Флинтом + потом с первой ракеткой Монако, а потом наше свидание в 12:30 в «Два мага» — такая слепота + болезнь любви и разорванность, я едва это вынесла.

Вчера было получше, во вторую половину дня с Моникой + Ирвином — я даже немного забылась, вышла из кровавых развалин своей личности в интеллектуальных потугах говорить по-французски. Но зато после! Г. увлеклась самосозерцанием и советами а-ля Сен-Жермен-де-Пре вместе со своей подругой Реджи. Да еще эта неопишуемая «вечеринка» в Пасси с 4 до 6...

Взгляни на вещи трезво, малыш. С тебя хватит...

•

Г. думает, что она декадентка, потому что вступила в связь, не интересующую ее ни физически, ни эмоционально. Насколько же декадентка я сама, если знаю ее истинные чувства и все же хочу ее?

«...они находят... что этот любовник совершил непростительную ошибку, коль скоро он не смог существовать, — и сходят вниз, держа в руках его чучело» («Ночной лес»).

* Мое израненное сердце (*фр.*).

15/2/1958

Не знаю, лучше ли мне, или же я утратила чувствительность. Но есть покой в определенности, даже если это обреченность или неизбежность отказа. Думаю, что мне все-таки лучше. Я смотрю на все под другим углом — вместо того чтобы ожидать всего и отчаиваться всякий раз, как получаешь меньше, я теперь ничего не ожидаю, а иногда, получив совсем немного, испытываю почти что счастье.

•

Отдала Г. «Сочинения» Натаниэля Уэста и начала читать «Жизнь в мечтах Бальзо Снелла», книгу смешную, мучительную и очень изысканную. Закончила «Дзено».

•

Ф. в Нью-Йорке, в бессмысленных поисках работы. Мне все неприятнее писать ему, я перестала писать ежедневно, и днями ношу в кармане полупальто скомканные, незаконченные письма.

Мысль о возвращении к прошлой жизни даже не кажется мне теперь дилеммой. Я не могу, не буду. Я говорю об этом без напряжения.

Бросающая и брошенный, tombeuse и tombé. Как сложно протянуть руку сквозь паутинную занавеску. Все эти годы я не могла этого сделать, мне не хватало решимости.

А сейчас все так просто — я уже по ту сторону, и невозможно вернуться.

Брак подобен безмолвной охоте парами. Мир состоит из пар, у каждой свой домик, каждая блюдет свои узкие интересы + варится

в собственном мире — это самая отвратительная вещь на свете. Нужно избавиться от *исключительности* супружеской любви.

19/2/1958

Вчера Г. сказала нечто удивительное относительно огромной библиотеки Сэма В., а именно что такое собирательство книг подобно «браку из желания спать с супругом».

Верно...

Пользуйтесь библиотеками!

Мы поселились в квартире Вулфенштайна на два месяца — отказываюсь понимать, почему она все-таки хочет жить со мной, учитывая ее чувства и настроения...

...Вчера (ближе к вечеру) я отправилась на свой первый парижский коктейль, который устраивали у Жана Валя [1888–1974, *профессор философии в Сорбонне*], — в обществе мерзкого Алана Блума. Валь вполне соответствовал моим ожиданиям — маленький, худой, птичьего вида старик с жидкими белыми волосами и широким тонким ртом, скорее красивый, таким будет Жан-Луи Барро в 65 лет, но страшно *distract** и неухоженный. Мешковатый черный костюм с тремя большими дырками сзади, через которые просматривалось (белое) исподнее + он только что пришел после вечерней лекции о [Поле] Клоде в Сорбонне. У него высокая красивая жена-туниска (с круглым лицом и гладко зачесанными назад волосами), раза в два младше него, лет 35–40, по моим оценкам, + трое или четверо маленьких детей. Еще там были Джорджо де Сантильяна [*историк науки в Массачусетском технологическом институте*]; два японских художника; ху-

* Рассеянный (*фр.*).

дошавые пожилые дамы в меховых шапках; человек из [журнала] «Preuves»; дети постарше — будто сошедшие с картин Бальтуса, в костюмах для Масленицы; человек, похожий на Жан-Поля Сартра; и множество других лиц, чьи имена ничего мне не говорили. Я беседовала с Валем и де Сантильяной + (неизбежно) с Блумом. Квартира — на улице Пелетье — фантастична: на всех стенах наброски + рисунки + картины, сделанные детьми и друзьями-художниками; темная резная североафриканская мебель; десять тысяч книг; тяжелые скатерти; цветы; картины; игрушки; фрукты — очень живописный беспорядок, подумалось мне.

20/2/1958

О той неробкой еврейской женщине-порнографе, s'appelle [sic]* Хэриет Даймлер: «Она — хипстер. Она на этом не заикливается».

Разум ускользает от меня. Мне нужно застигнуть его сзади, во время речевого акта.

Ночи — это самое худшее. Мука бессонного пребывания подле тела, которое единственно желанно, и неспособность прорваться к нему, навязать ему ответное желание. Бок о бок. Как ложки. Осторожно, не прикасайтесь! Ужасное, ужасное чувство «déjà été»**, ведь я страстно желала Филиппа в первый год замужества.

Больше всего я восстаю против того, что Г. не приемлет меня физически, больше всего на свете. На этой стадии я приняла бы любое отношение, любую оценку меня — даже яростную неприязнь — если бы между нами была теплота в сексе. Но в отсутствие этого не мазохизм ли, *в самом деле*, продолжать жить с ней? Какова цена любви? Мне

* Именуемой (*фр.*).

** Уже бывшего (*фр.*).

совсем не нравится роль, которая мне выпала, не нравится мне и разновидность присущего ей фривольного садизма. Пару раз за последние несколько дней я еле удержалась от того, чтобы сильно встряхнуть ее за плечи. Мне хочется отхлестать ее по щекам — не уничтожить или стереть с лица земли (таков смысл *ее* тычков и нападок), а заставить ее смотреть на меня по-настоящему, если нужно, то с ненавистью, но вынудить ее покончить с глупостью, когда мы живем с отвернутыми друг от друга сердцами и телами...

•

«Не закрыла ли я себе глаза еще и черной створкой ночи, и не вытянула ли руку? И то же девушки — те, кто превращает день в ночь, молодые, наркоманки, распутницы, пьяницы и самые несчастные, вроде любовницы, всю ночь вглядывающейся в темноту в страхе и муке. Эти никогда больше не смогут жить дневной жизнью...»

(«Ночной лес»)

21/2/1958

Вчера вечером (с Полом) — «Кавказский меловой круг» [Брехта] в постановке, несколько напоминающей Пиранделло. Мне понравился эффект стилизации — музыка (барабан, цимбалы, флейта, гитара) с нарочито подчеркнутым действием; блестящие маски в две трети лица, лишь прикрывающие верхнюю губу и тем самым преувеличивающие рот; наклонная сцена и будничные декорации (актеры сами приносят декорации на сцену, как в китайском театре), введение фигуры повествователя и общее очарование удваивания, пьесы в пьесе...

Пиранделло, Брехт, Жене — для всех троих в одинаковой степени, хотя и совершенно по-разному, предмет театра — это театр. Так же как

для живописцев действия тема живописи — это художественный акт. Сравните «Сегодня мы импровизируем» [Пиранделло], «Служанки» [Жене], «Кавказский меловой круг»... Этим для меня интересен Брехт, пусть даже его сюжеты отличаются нарочито фольклорной, детской простотой, и он *намеревается* учить зрителей — о мире, справедливости и т. д.

Новая пьеса Жене, которую он теперь перерабатывает, использует — и вообще посвящена ширмам. Персонажи рисуют на ширмах, прикрепляют к ним предметы, проецируют на них своих тайных персонажей, одновременно вовлекаясь в «реалистичное» действие. Новая, визуальная версия монолога...

Ширма + маска, как классная доска.

Я не люблю дидактические пьесы. Но мне нравятся философские, игровые пьесы.

Психологические пьесы? Это вопрос более сложный. Может быть, правы французы, недолюбливая, в целом, психологические пьесы, психологические романы, психологию — в англо-американской и немецкой манере.

Идеал пьесы — это когда психологическая проницательность полностью вынесена наружу, ср. у Апто: «...Il s'agit donc, pour le théâtre, de créer une métaphysique de la parole, du geste, de l'expression, en vue de l'arracher à son piétinement psychologique et humain»*.

* «Стало быть, речь идет о том, чтобы создать для театра некую метафизику речи, жестов и выражений и в конечном счете вырвать театр из психологического и гуманитарного прозябания» (перевод с фр. С. А. Исаева).

23/2/1958

У Вулфенстайна с меня спало ощущение огромной, невыносимой ноши. Г., которую я люблю, — прекрасна, прекрасна. Сумеет ли она? Будет ли она хоть немного счастлива со мной здесь?.. Мы пришли сюда вчера днем, поели, потом танцевали под пластинку Рикардо [Вигона], а вечером пошли с итальянцами (Терри, Пиа) в «Три фонтана», а потом в «[Кафе де] Турнон». В «Турнон»: пьяная грация Г., она оживленно говорит, смеется, играет в пинбол; Хан; флиртовавший со мной израильтянин; у негра свидание с [пропущено] во вторник...

...Мой честолюбивый замысел — или мое утешение — состоял в том, чтобы *понять* жизнь. (Ошибочная идея о духовности писателя?) Теперь я просто хочу научиться проживать ее. Среди прочего меняучит этому необычайное разрушительное самосознание Г. и осознание ею других людей. Отсюда ее склонность к пресыщению...

Я пыталась сказать это вчера — позавчера? — но, как обычно, потерпела неудачу. Она всегда встречает мои замечания в штыки, выступая против моей, по ее словам, «интеллектуальности». Она полагает, что сама она — антиинтеллектуальна.

«голодная ртом, голодная не желудком...»

23/2/1958

Вечер чтения, прилежного сидения за письмами, уединенности и равновесия.

Днем заходила Джоан Шатлен. Перед ее приходом съездила на метро в «Америкэн экспресс» за почтой. Я не ходила туда две недели — самый большой перерыв за все это время. По мере того как растет моя

необязательность в ответах Филиппу, увеличивается и неохота читать, даже неприязнь к его письмам. Все же сегодняшняя почта содержала приятный сюрприз — он почти наверняка получил должность в Беркли. Насколько же просто мне теперь будет принять решение. Можно обойтись без попыток оправдаться...

Много думаю о Ф. — о его робости, сентиментальности, о его пониженной «витальности», его невинности. Есть такой тип мужчин-девственников, подозреваю, что их много в Англии. Он с такой яростью заботится о своем домашнем святилище, о Дэвиде и обо мне, так мало о ком бы то ни было еще — с тех пор как я сняла заклятие жалости и зависимости, связывавшее его с родителями. Такую жизнь, такой темперамент непросто склеить, когда они раскололись. Ф. склонен к кровотечениям, как физически, так и эмоционально. Он не умрет от такого горя, но и никогда не оправится.

•

Оборонительная позиция призывает, провоцирует другую сторону к нападению. Помни!! Х смотрит на Y с униженной любовью; Y раздражают растущие в нем упреки самому себе, которые он отметаает как незаслуженные; соответственно, Y считает себя обязанным проявлять жестокость по отношению к X.

Садизм, враждебность — это существенно важные элементы любви. Соответственно важно, чтобы любовь была *обменом* актов вражды.

Урок: не жертвовать своим сердцем там, где эту жертву не принимают.

26/2/1958

Козерог [*астрологический знак CC*] предпочитает дружбу прохладной, лишенной страсти любовной связи. Таков, вчера вечером в «Табу», был подарок от Г., поднесенный мне с широкой ухмылкой...

Козерог не хочет ни того ни другого. Он не владеет ни одним, ни другим. Ненавидит и первое, и второе.

Как и к кому это *относится*, Г.? Быть может, к тебе? Во всяком случае, не ко мне.

•

Твоя ненасытность, дорогая Г., это лишь утешительная проекция, в которой тебе представляется твой собственный талант к пресыщению. Никогда не получать того, что хочется, *означает* никогда не хотеть (длительное время) того, что получаешь, — разве что кроме случаев, когда это у тебя отнимают.

26/2/1958

...Вчера вечером в Сорбонне (с Джеффом) прослушала лекцию Симоны де Бовуар о романе (возможен ли он еще). Она стройная и собранная, у нее темные волосы, и она прекрасно выглядит для своих лет, но у нее неприятный голос, слишком высокий тембр + нервическая быстрота, с которой она говорит...

К вечеру читала «Отражения в золотом глазу» Карсон Маккалерс. Гладко, действительно экономно... все «сделано», но меня не мотивируют апатия, кататония и животное сострадание... (в романе, я хочу сказать!)

27/2/1958

Прекрасный концерт сегодня в Сорбонне — Бранденбургский [концерт] № 6, скрипичный концерт Бетховена (Жорж Тессье), 2 арии Моцарта («Dalla sua parte»* + еще одна) + Коронационная месса № 15.

...«Эти лживые и опасные отношения». Более лживые, более опасные для меня, чем для Г. Для меня они реальны. Для нее — всего лишь поддержание видимости отношений, вполне неудовлетворительных, причем она уделяет им не более четверти своего внимания, тем временем тоскуя по Ирэн.

Читаю «Проживая свою жизнь» Эммы Гольдман...

1/3/1958

Низшая точка моих отношений с Г. Фантастически грубое поведение во время нашей близости ночью в четверг — совершенное отчуждение вчера... Понимала ли я, что пошло наперекосяк? Должна задать себе несколько вопросов и т. д., и т. д. Я убежала, рыдая, в 4:00, зашла в метро — нырнула в кино («Гранд-отель», Гарбо, Кроуфорд); оттуда в «Морской волк» на встречу с Моникой, там был и Хан; обед в «Гаудеамусе», пьяна от сливовицы, перестала слышать, в буквальном смысле; снова на Елисейские поля на другой фильм («Témoін à charge» [«Свидетель обвинения»]) — все еще не слышала и не воспринимала ничего; вошла в метро в полночь с Ханом + Моникой, + затем глупо, бесстыдно выбежала на площадь Согласия, чтобы взять такси до «Морского волка», где я обещала быть — надеюсь, что она тоже там будет, зная, что она не придет...

* «Мир и покой твой я охраняю» (*ит.*).

Хватит делать из этого дневника хронологию моей связи с Г.! В образе отражается образ образа... Довольно и того — точнее, слишком много и того, — что я люблю ее, что я наслаждаюсь, созерцая ее, что иногда, пусть и крайне редко, мы занимаемся любовью и что... Однако повествование о всех падениях и взлетах, в некотором смысле, искажает их, и я ввожу себя в заблуждение, начиная думать, что все это реально, что все может быть реально. Хватит играть в эту игру или пытаться в нее играть. Подсчитывать очки — ошибка...

...Мыладим (когда мы ладим), только если она или мы оба пьяны. Так, должно быть, она была пьяна в то раннее воскресное утро, три недели назад, когда она + я и Паула + Джерри вернулись сюда и легли в кровать, и она ударила меня по лицу и расцарапала мне спину и кричала, что ненавидит меня + мне она была отвратительна, а я всхлипывала и пыталась ударить ее и не могла этого сделать... А потом в течение пяти дней все было нормально, и мы снова были любовницами, впервые после того декабрьского дня в комнате Видала, — однако к концу недели, ко времени вечеринки 8 марта все кончилось. Синяк у меня на лице побледнел и наконец исчез так же, как интимная теплота между нами... исчезло редкостное перекрестие моего и ее воображения. Нечто вспыхнуло вновь на следующий день, на вечеринке у Мари и Пьера, а затем погасло совсем.

•

...Вчера вечером невероятный фильм в «Синематеке», «Глупые жены» Штрогейма. Донжуанские мотивы — великолепный сластолюбец Штрогейм, его военно-сексуальные наряды и садистские замашки. Непристойность не признается за приемлемую тему в американских фильмах — а этот человек был ассистентом [Д.В.] Гриффита!

15/4/1958

После двух недель в Испании (Мадрид, Севилья, Кадис, Танжер) я вернулась в Париж... Почему я не взяла с собой этот дневник? Потому что знала, что Г. берет свой, и мне представилась гротескная картина, как мы с ней живем в одном номере и пишем друг у друга на глазах — созидавая свое частное «я», расцвечивая свой частный ад...

Дела обстояли лучше + хуже, чем я ожидала — Мы не ссорились (если не считать одного нелепого дня в Севилье: она была со мной днем, а после мое лицо выдало меня, мое отчаяние + ощущение, что меня отвергли, а она восприняла это как то, что отвергли ее) и не были близки по-настоящему... Я не могла избавиться от мысли, что она несчастлива, что Испания и испанский язык напоминают ей о жизни с Ирэн. Мы были вежливы друг с другом и очень разъединены...

...Коррида в Севилье, как меня чуть не вывернуло наизнанку, когда первый бык упал на песок. Вторник в Мадриде, как картины Босха и музыка фламенко всю ночь кипели у меня в голове... На солдатах во время шествий в Севилье каски сродни нацистским.

У меня болит левая пятка, истерзанная новой обувью, которую я купила за день до отъезда, — закусовая близ Каррера-Сан-Иеронимо — кошмарный вагон третьего класса в поезде до Севильи с 6 грязными, скабрёзными испанскими «vitelloni»* («Норман Мейлер», «Клерк», «Кларк Гейбл», «Толстый дружок», мерзкий тип с «bota» [бурдюком для вина] на противоположной скамье у окна) — стою на мосту Триана днем в субботу в ожидании «расо» [*деревянная фигура, выносимая во время пасхального шествия*], которая так и не появилась, — все время чувство голода, может быть из-за тревоги и сомнений, а стоило ли мне приезжать, и оживления + грусти + удовольствия, все вместе, — беспокойная сумятица чувств...

* Маленькими сынками (*ит.*). По названию фильма Ф. Феллини 1953 г.

Покупка кроссовок под вечер в среду в Мадриде — запах ладана и воздушной кукурузы во время процессий.

Кадис — самый красивый город из всех, что я видела в Испании, — центр очень чистый и современный, и тишина прекрасной, печальной бедности вдоль мола. Город элегантных, но скромных площадей, множества узких пешеходных улиц, детей и моряков, и моря, и солнца.

— Наши прогулки вдоль мола и следовавшие за нами босоногие дети.

— Полнотелый молодой официант в ресторане (наш первый вечер в Кадисе), который просил Г. о свидании.

— Поездка в конном экипаже до гостиницы.

Автобусная поездка из Кадиса в Альхесирас, когда Г. сообщила мне прозвище («пап» от *palpo* [осьминог]), которым Ирэн + она называли друг друга, — потом рассердилась на меня + на себя, за то, что поделилась интимной подробностью.

Креветки в кафе на набережной Альхесираса...

Г. досадует, потому что меня взволновал вид Гибралтара с корабля.

...Пара лесбиянок в Танжере — Сэнди, худая, светловолосая, университетского вида «хозяйка» и Мэри, большой нос и груди, португалка.

...Коричневый кожаный бумажник с золотым тиснением, [который] Г. купила на рынке Сокко — пьем чай с мятой + слушаем трех арабских музыкантов, сидящих на корточках в центре кафе, что в султанском дворце.

Запахи Севильи — ладан, воздушная кукуруза, жасмин и «чуррос».

20/4/1958

Банальность и доминирование — написала я однажды в Университете Коннектикута [*СС преподавала там за несколько лет до написания этих строк*] и была права...

Аристократизм чувствительности, а также аристократизм интеллекта. Мне совсем, совсем не нравится, когда со мной обращаются как с плебейкой!

Нужно обладать достаточно обширным «я», чтобы поддерживать свою чувственность. Если б я была чувствительна (т. е. показывала, что понимаю настроение Г., знаю, что она обо мне думает), я *никогда* не посмела бы ее обнять...

Влюбленность — тонкое, острое, незабываемое ощущение единственности другого. Нет никого, кто танцует, как она, грустит, как она, красноречива, как она, глупа и вульгарна, как она...

Меня утомляет присутствие Барбары. Я люблю Г. слишком страстно, моя любовь к ней слишком сексуальна, чтобы не испытывать неприязни — все больше и больше — к этим трем сестрам, к дылде-актриске, хотя *присутствие* Барбары и отвлекает Г. +, возможно, делает ее более терпеливой со мной.

26/4/1958

Я больна, меня лихорадит, я теряю себя. Эта страсть — болезнь! Только я успею подумать, что взяла себя в руки, что выздоравливаю, как она восстает и дает мне поддых... Мне *казалось*, что я в меньшей степени влюблена в Г.; поистине эта связь растлевает меня, а ее непрекращающиеся нападки на мою самость — будь то вкусы в оде (вспоминаю

тот день в Севилье, прогулку вниз по Сьерпес, когда я выпила миндальный коктейль, а она заявила, что у меня «неизошренный вкус»), взгляды на искусство, мнения о людях или сексуальные потребности — оскорбляют мою любовь. Я говорю себе, что она уничтожает мою любовь к ней враждебностью и пошлостью, что следует только допустить разрыв, и я сразу почувствую грустную свободу. Но это не так...

27/4/1958

Прочитала «Вешние воды» Хемингуэя; «Обломова» [Ивана Гончарова]; «De Profundis» [Оскара Уайльда].

«Любой суд есть суд над чьей-либо жизнью, и любой приговор — это смертный приговор» (Уайльд).

31/5/1958

Трудно описать чувства, которые охватили меня, когда я увидела знак — «Дахау, 7 км»... мы мчались по автобану в Мюнхен в машине голландца-антисемита!

•

Пассивная активность, активная пассивность.

Я обращаюсь к Г.: «Тебе, скорее всего, наскучила *ты сама*. Невозможно строить жизнь вокруг эмоционального и сексуального туризма. Человеку нужно призвание...»

Туризм, в сущности, это пассивная активность. Вы вводите себя в некую обстановку — ожидая почувствовать волнение, интерес, или развлечься. Вы ничего не привносите в ситуацию, окружающая вас обстановка заряжена сама по себе.

Туризм и скука.

1/6/1958

Мюнхен.

Небо, мощенное булыжными облаками.

Поэзия развалин.

Широкие, пустые, асфальтовые улицы; безымянные новые здания кремового цвета; американские солдаты с толстыми шеями и толстыми жопами рыщут по улицам в длинных автомобилях пастельных цветов.

Фрауэнкирхе с двумя башнями, что смотрятся как женская грудь.

4/6/1958

Какая разница между участием здравомыслящего человека в мире сплошных безумцев и участием человека, который безумен, тогда как все вокруг здоровы?

Никакой.

Их участь одинакова. Безумие и здравомыслие тождественны — в изоляции.

25/6/1958

[Этой записи сопутствует набросок автопортрета в лежащей позе.]

... Не искать в абстрактных картинах формы, сцены, которые на них можно различить. То есть созерцать картину в буквальном, а не пластическом ключе. Правда, в таком случае о них нечего или мало есть что сказать...

4/7/1958

Прочитала после возвращения из Германии: [Альберто] Моравиа, «Полуденный призрак» + Фолкнер, «Святылище». Перечитала чудесную «Меланкту» [Гертруды] Стайн.

•

Заметки о Брехте: совершенный реализм в игре, захватывающее дух правдоподобие в костюмах, жестах, прическах, мебели (например, в сцене с гитлерюгендом в «Страхе и отчаянии» [в Третьем рейхе]) прическа матери действительно соответствует моде 1935 года, а отец читает подлинный экземпляр «Фолькишер Беобахтер» [нацистская газета] того времени). Однако реализм обрамлен, заключен в нечто большее, так же как актеры играют на помосте, установленном на сцене, своего рода малой сцене, стоящей на большой.

13/7/1958

Афины

У каждого человека своя тайна.

То, как человек танцует под музыку бузуки, выражает его тайну. Он молится про себя. Он умиляет собственную тайну, он переносится в незримые пределы, он испытывает катарсис.

Танцующий будто в дурмане. Он играет на грани равновесия. Он — змея, извивающаяся кольцами. Он — птица; он вращает руками так, будто это крылья. Он — зверь; он опускается на четвереньки.

Танцующий хлопает себя по ляжке или щиплет себя, чтобы удержать власть над состоянием одержимости.

Пока один танцует, остальные смотрят. Каждый танцует в одиночку. Зрители шипят, чтобы отогнать нечистых духов. Когда танец закончится, они, может быть, выпьют за здоровье танцора; они не аплодируют, так как это не представление.

•

Певица бузуки, небольшого роста женщина с большой головой и короткими руками, и голосом — не то ведьминским, не то детским, что плачет, и молит, и ликует, и скулит...

Пробовать новый город — все равно что пробовать новое вино.

[Отдельный листок бумаги, датированный «1958»]

Незаконная любовь — самая совершенная.

Тесная связь между паранойей + чувствительностью.

«Терапевтическая апатия» [маркиза де] Сада.

Нью-Йорк: вся чувственность превращается в сладострастность.

14/7/1958

...Жизнь с Г. означает тотальную войну против моей личности — моих чувств, моего разума, всего, кроме моей внешности, которую не критикуют, а презирают.

Но мне, думаю, это полезно, и неважно, что критика исходит от человека, которого я люблю. За годы жизни с Филиппом я разбаловалась. Я привыкла к его вялому преклонению передо мной, перестала быть жесткой с собой и считала свои изъязны достойными любви, коль скоро их любили. Однако это правда — как с гневом утверждает Г. — я не слишком восприимчива к другим людям, к их мыслям и чувствам, хотя и уверена, что мне присущи сострадание и интуиция. Мои собственные чувства притупились, особенно что касается обоняния. Возможно, это было необходимо, это обращение вовнутрь и омертвление моих чувств, моей остроты. Иначе я бы не выжила. Чтобы сохранить рассудок, я стала несколько более флегматичной. Теперь мне нужно подвергнуть риску свое здравомыслие, вновь обнажить дремлющие нервы.

Кроме того, я переняла у Филиппа множество расхолаживающих привычек. Я научилась быть нерешительной. Я научилась говорить повторами, повторять одно и то же наблюдение или предложение (потому что он не слушает, потому что ничего не выполняется, если об этом не говорить много раз, потому что его однократное согласие на что бы то ни было не воспринимается им как обязательное).

Филипп в высшей степени невнимателен в отношении мыслей и чувств людей, находящихся в его присутствии (вспомнить только фиаско на собеседовании с [профессором Фрэнком] Мануэлем в Брандейсе 6 лет назад), в отношении того, что их заботит и т. д. Я также стала менее чувствительной — несмотря на все «вскрытия» в машине после вечеринок, собеседований и конференций, когда я пыталась научить его быть более внимательным к окружающим.

Наконец, Ф. привил мне свою идею любви — представление о том, что один человек может *владеть* другим, что я могу быть продолжением его личности, а он — моей, ну а Дэвид — продолжением нас обоих. Любовь, которая обнимает, пожирает другого, режет сухожилия воли. Любовь как жертвоприношение собственной личности.

•

У меня томные жесты, например то, как я расчесываю волосы, неспешность походки, — Г. права, хотя и не права в том, что ненавидит меня за это.

•

Помни. Мое невежество *не [дважды подчеркнуто в дневнике]* очаровательно.

Лучше знать названия цветов, чем по-девичьи признаваться в том, что я ничего не знаю о природе.

Лучше иметь развитое чувство направления, чем описывать, насколько часто я теряюсь.

Эти признания звучат как похвальба, но хвалиться тут нечем.

Лучше быть знающей, чем невинной. Я больше не девочка.

Лучше быть решительной, волевой, нежели вежливой, уступчивой, полагающейся на выбор другого.

Признавать свои ошибки, когда вас обманули или использовали, — это роскошь, которая бывает доступна крайне редко. Может создаться впечатление, что люди вам сочувствуют; в действительности они немного вас презирают. Слабость заразна, и сильные люди обособленно сторонятся слабых.

•

Ф. шлет мне письма, полные ненависти, отчаяния и самодовольной уверенности в своей правоте. Он говорит о моем преступлении, моей шалости, моей глупости, моем сибаритстве. Он рассказывает мне, как страдает Дэвид, рыдающий, одинокий, как я вынуждаю его страдать.

Никогда не прощу ему муки Дэвида и то, что из-за его сцен мой малыш весь этот год страдал больше, чем это было необходимо. Но я не чувствую за собой вины, я думаю, что эти раны Дэвида не слишком серьезны. Малыш, хороший мой мальчик, прости меня! Я все возьму тебе, ты будешь со мной рядом и я сделаю тебя счастливым — но правильным образом, не узурпируя тебя, не сходя с ума из-за каждого твоего шага, не пытаюсь жить в тебе по уполномочию.

Филипп низок. Между нами будет война не на жизнь, а на смерть — за Дэвида. Я это приняла и не поддамся жалости, потому что на кону его жизнь или моя.

Его письма — это вой боли и жалости к себе. Мольба, сводящаяся к угрозе; та же угроза звучала в словах старой еврейской матери (матери его и Марти [младший брат Филиппа Риффа]), обращенных

к сыну или дочери, которых она держала в плену: «Оставь меня — или женись на этой шиксе [Мартин Рифф женился на католичке] — и у меня будет инфаркт, или же я убью себя». Ф. пишет: «Ты — не ты. Ты — это мы...» Засим следует каталог его несчастий и недугов — рыдания, бессонница, колит. «Я умру до сорока лет».

Вот именно! Вернувшись к нему, я перестану быть собой. Вряд ли можно было выразиться точнее. Наш брак — это череда актов саможжения, его во мне, меня в нем, нас обоих в Дэвиде. Наш брак, брак, институт семьи, который «объективен, справедлив, естественен, неизбежен».

16/7/1958

Дельфы

Фантастические горы и розоватые утесы, море, лениво лежащее в долине, будто на дне огромной чашки, запах сосен, серые мраморные колонны, лежащие на боку, словно бревна, наполовину утопленные в землю, стрекот цикад, колокольчики и крики ослов (их подложная мука), эхом отскакивающие от скал, смутные усатые мужчины, жаркое солнце, серебристо-зеленые переливы олив, высаженных на террасах холмов, улыбчивые старухи...

Мне кажется, что я смогу жить без Г., в конце концов...

17/7/1958

Афины

Афины послужили бы отличным фоном для повести о путешествующих иностранцах. Здесь много ладных, привлекательных декораций.

Пухлые афинские гомосексуалисты-американцы, пыльные улицы с вечной стройкой, по ночам группы музыкантов бузуки в садиках у таверн, тарелки густого йогурта с нарезанными помидорами и зеленым горошком, смоляное вино, огромные такси-«кадиллаки», мужчины среднего возраста, гуляющие или сидящие в парках, перебирая янтарные четки, продавцы жареной кукурузы, расположившиеся на перекрестках улиц подле своих жаровен, греческие матросы в тесных белых штанах и широких черных кушаках, клубничные закаты над афинскими холмами, как они видны с Акрополя, старики на улицах, сидящие у весов и предлагающие взвесить вас за одну драхму...

[Без указания даты, но запись, бесспорно, сделана во время путешествия СС и Г. в Грецию в июле 1958 г.]

В репертуаре нашего брака не осталось незадействованных (больших) эмоциональных жестов — лишь сужающиеся кольца неудовлетворенности + зависимость друг от друга.

1959

[Безуказания даты, но почти наверняка — начало 1959 г.]

Безобразность Нью-Йорка. И все-таки мне здесь нравится, даже «Комментарий» [журнал, в котором СС начала служить редактором и для которого писала статьи и рецензии]. В Нью-Йорке чувственность в полной мере оборачивается сексуальностью — так как органам чувств не на что реагировать, здесь нет ни красивой реки, ни домов, ни людей. Ужасные запахи улицы и грязь... Ничего кроме еды (и то далеко не всегда) и неистовства в постели.

•

Приспосабливаться к городу или вынудить город полнее соответствовать тебе самому.

3/4/1959

Читаю «Преступление и наказание» и «Мильтона» Блейка. Хочу читать Аполлинера.

[В нижеследующей записи без указания даты, безусловно относящейся к весне 1959 г., говорится об Элиоте Коэне, первом редакторе журнала «Комментарий», где СС начала работать после переезда в Нью-Йорк в январе того же года. К концу жизни, и в период, когда в журнале работала СС, Коэн начал сходиться сума.]

вся жизнь управляется страстью к манипулированию. На все смотрел в терминах власти и влияния. «Элиот обладал критическим умом. Он разбирался в людях. Ему *нравилось* окружать себя цельными людьми, использовать их». [*Источник цитаты неизвестен, но не исключено, что это слова Мартина Гринберга, коллеги СС по «Комментарию».*]

«наш занедуживший король-рыбак»

жена работала в «Маунт-Синай»*; сын Том — на телевизионной студии

Западная 85-я улица, д. 1. Вест-Сайд

его антикоммунизм в пятидесятых годах; коммунизм — в тридцатых

родился в Мобиле, штат Алабама

открыл [критика Лайонела] Триллинга

Боб Варшоу [писатель, кинокритик в «Комментарии»], умирая на больничной койке, говорил о нем с Мартином [Гринбергом?], не навидел его

•

Изобилие есть красота (Блейк)

* Крупный исследовательский и больничный центр в Нью-Йорке.

12/4/1959

Я в плохой форме. Выписываю слова; пишу медленно, изучая собственный почерк — выглядит нормально. Две водки с мартини в компании Марти Гринберга. Голова тяжелая. От курения горечь во рту. Тони и тип с творческим лицом ([публицист] Майк Харрингтон) болтают о Стэнфорд-Бине. Клейст замечателен. Ницше, Ницше...

12/6/1959

Хороший оргазм и плохой оргазм.

Оргазмы бывают всех размеров: большие, средние, маленькие.

Женский оргазм глубже мужского. «Это знает каждый». [*Фраза в кавычках, источник не указан.*] Некоторые мужчины никогда не испытывали оргазма; семяизвержение вызывает в них ооченелость.

Когда ебешь ты, и когда ебут тебя. Более глубокое переживание — дальше улетаешь — когда ебут тебя. То же относительно положения сверху и снизу. Годами И[рен] не испытывала оргазма находясь снизу, потому что (?) она не могла принять мысль о том, что целиком отдается, что ее «имеют».

Девка, олицетворяющая «чистую мужественность», никогда не позволит партнерше до себя дотронуться.

[Без указания даты, но почти наверняка — начало лета 1959 г.]

Подразделения римской армии

Центурия — 100 человек

Манипула — 200 человек

Когорта — 600 человек

Легион — 6 когорт (6000 человек)

•

«Je suis la plaie et le couteau!

...Et la victime et le bourreau»*.

Бодлер

«J'ai fait des gestes blancs parmi les solitudes»**.

Аполлинер

«Идею Дома — “Дома, сладостного дома” — следует уничтожить
одновременно с идеей Улицы».

Пит Мондриан

«Будь проклята эта взаимозадолженность смертных... Желал бы
я быть вольным, как ветер: и вот глядите — имя мое значится во
всех долговых книгах мира»***.

Мелвилл

* «Я рана — и кинжал /<...> Я жертва — и палач» (*фр.*). Строки из стихотворения Ш. Бодлера «Гэутонтиморуменос».

** «Мне — в одиночестве сплетенье белых жестов» (*фр.*). Строка из стихотворения Г. Аполлинера «Мерлин и старуха».

*** Г. Мелвилл, «Моби Дик», cviiii.

[Без указания даты, но, вероятнее всего, начало лета 1959 г.]

результаты подавления собственной агрессии

- (А) вера в то, что мужчинам дозволено, а женщинам — нет, [ведет к] страху перед мужчинами; династия хрупких, ранимых, рыдающих женщин
- (Б) гнев на проявление физической агрессии, потому что моя мать слаба *физически* (это к ней не относится — *au contraire!*)

Носить штаны (затрапезный вид) означает быть ребенком, а не взрослым (+ мужественность)

Если я ребенок, у меня меньше сил — я более уязвима, я в большей степени жертва

[Без указания даты, но, вероятнее всего, осень 1959 г.]

ЕВРЕИ иврит: хаф (ложка); маш хе (напиток) — существительное; яда (познать — в половом смысле) — глагол, т. е. совокупляться

Антисемитские меры Латеранского собора 1215 г.

Изгнание из Англии — 1290 г.

У псалмопевца есть «общник» (спутник, молящийся вместе с ним, больше чем просто друг), пс. 119:63.

Год 1519-й [так!] (1958—1959)

Рош а-Шана
Йом Кипур

Ханука
Пурим
Песах

Тедди Рузвельт был большой юдофил; поэтому все германские евреи — республиканцы

Варшавское гетто — 19 апреля 1943 г. (еврейская Пасха)

Для образованного еврея в сегодняшней Америке отторжение христианства — это необходимое условие для выбора иудаизма

Воздействие иудаизма на мой характер, мои вкусы, мои интеллектуальные воззрения, на само строение моей личности

Непрекращающиеся попытки оправдать свое еврейство

Евреи, эмигрировавшие в Индию из иракских общин Багдада, Мосула, + Басры в XIX в.

Малахия клеймит многоженство

«Гистадрут» — Израильская генеральная федерация труда

Эфиопия заняла место Ирака как один из основных поставщиков мяса в Израиль

В Израиле пять образовательных учреждений университетского уровня

1. Еврейский университет в Иерусалиме
2. Технион в Хайфе
3. Университет им. Бар-Илана в Бней-Браке

4. Тель-Авивский муниципальный университет

5. Институт им. Вейцмана в Реховоте

Алия = иммиграция в Израиль

Шестиконечная звезда именуется «Маген Давид» — щит царя Давида

Значение ладино* в современном испанском!

•

просмотреть:

Дэвид И. Гроссфогель, «Сценическое самосознание в современной французской драме» (изд. Колумбийского университета, 1958). Адамов, Ионеско, Аполлинер и др.

романы:

Джон Барт, «Конец пути» (изд. «Даблдей», 1958)

Стэнли Берн, «Тела + континенты» (в «Первой книге нового повествования», 1959)

•

Гарольд Розенберг, «Традиция нового» («Горизонт-пресс», 1959)

* Язык евреев-сефардов, относящийся к иберо-романской подгруппе романских языков.

Литературные агенты (Нью-Йорк)

Дж. Ф. Мак-Криндл

Джон Шефнер

Тони Штрасман (Джеймс Перди)

Кандида Донадио (Альфред [*Честер (1928—1971), американский писатель-эксперименталист, автор романа «Изысканный труп». СС познакомилась с ним через Ирэн Форнес*])

[*Без указания даты, также осень 1959 г.*]

Мир Франсуазы Саган: несколько парижан (большинство из них имеют отношение к искусству) формируют круг безответной сексуальной одержимости.

[*Нижеследующие записи не содержат указания даты, но тетрадь почти наверняка заполнена осенью 1959 г.*]

Мис ван дер Роз: «Меньше — значит больше».

Джейн Остин: «Я пишу о любви + деньгах. О чем же еще писать?»

Кафка: «После прохождения некой точки вернуться уже невозможно. До этой точки и нужно дойти».

•

Антибританские настроения Ионеско делают бессмысленной такую постановку «Лысой певицы», где действие переносится в гостиную американского пригородного дома.

•

Стиль [журнала] «Нью-Йоркер»:

Крупнобуржуазная тональность текста, отороченного разговорным словом. Производит впечатление насмешливого джентльменства — образованного дилетанта — ни проницательности, ни глубоких чувств.

Моя мать улучшила манеры, потеряв аппетит.

[Без даты, осень 1959 г.]

Результат самосознания: зал и актер — одно и то же. Я проживаю жизнь, как спектакль для самой себя, для наставления самой себя. Я проживаю свою жизнь, но не живу в ней. Инстинкт скряжничества в человеческих отношениях...

Сентябрь 1959 г. [без уточняющей датировки]

1. Будь последовательна.
2. Не говори о нем с другими (например, не рассказывай смешных вещей) в его присутствии. (Не смущай его.)
3. Не хвали его за вещи, которые нельзя назвать безусловно положительными.

4. Не упрекай его строго, если он совершил проступок, делая то, что ему разрешили делать.
5. Ежедневная рутина: еда, домашнее задание, ванна, чистка зубов, спальня, сказка, сон.
6. Не позволяй ему всецело завладевать тобой, когда ты в обществе других.
7. Всегда говори благожелательно о его попе. (Ни гримас, ни вздохов, ни нетерпения и т. д.)
8. Не разочаровывай его в детских фантазиях.
9. Растолкуй ему, что существует мир взрослых, до которого ему нет дела.
10. Не предполагай, что ему не нравится то же, что не нравится тебе (ванна, мытье головы).

Октябрь 1959 [*безуточняющей датировки*]

Я не благочестива (pious), но плодovита (co-pious).

19/11/1959

Переживание оргазма изменило мою жизнь. Я освобождена, но не так нужно говорить об этом. Вот что важнее: он сузил меня, закрыл иные возможности, очертил и выделил все альтернативы. Я более не безбрежна, т. е. — ничто.

Сексуальность как парадигма. Раньше моя сексуальность была горизонтальной — бесконечной линией, которая может дробиться бесконечно. Теперь она вертикальна; вверх и через край — или ничего.

•

Оргазм ведет к сосредоточению. Я с вожделением хочу писать. Наступление оргазма — это не спасение, а, скорее, рождение моего «я». Я не могу писать, пока не найду своего «я». Я могла бы стать только таким писателем, который обнажает себя... Писать означает тратить себя, ставить себя на кон. Но до сих пор мне даже не нравилось звучание моего имени. Чтобы писать, я должна любить свое имя. Писатель влюблен в себя... и творит книги из этой встречи и этого неистовства.

20/11/1959

Я никогда не была и на толику так требовательна к другим, как к И. Я ревную ее к каждому, кого она видит, я испытываю боль каждый раз, когда она уходит. Но не тогда, когда ухожу я, а она остается, и я знаю, что она там, дома. Моя любовь стремится объять ее целиком, поглотить ее. Моя любовь эгоистична.

Индуистская мифология:

4 принципиальные идеи // воплощенные в 4 «лицах»

Творение — Брахма

Сохранение — Вишну

Уничтожение — Шива

Обновление — Кришна

Шелли, вслед за *Джоном Франком Ньютоном* (Шелли познакомился с ним в 1812 г.), толковал Платона как орфического поэта, раскрывающего в своих диалогах орфическую схему спасения (эзотерическая неоплатоническая интерпретация Платона).

Демогоргон в «Освобожденном Прометее» Шелли говорит: «Глубокая истина безобразна». Сама поэзия — это «купол из многоцветного стекла», «пятнающий белое сияние Вечности».

Ср. «Воспоминания о Шелли» [Томаса Лава] Пикока.

Орфическая диета (также Пифагор): не есть животную плоть (очищение)

Орфизм произошел из индуизма??

Ср. замечания Шелли о взглядах Платона на поэзию в «Защите поэзии» (написанной в ответ на иронические выпады Пикока в «Четырех веках поэзии»).

•

Георг Кристоф Лихтенберг, «Записная книжка»: «По мере того как развиваются народы, совершенствуются их боги».

•

Кант: нравственность = право

•

«тощий» не значит «скудный»

«обнаруживаться» не значит «происходить»

•

«Писать — значит существовать, быть самим собой» (де Гурмон)

21/12/1959

Сегодня вечером она [Ирэн Форнес] после работы встречалась с Инес в «Сан-Ремо», там была Энн Моррисет [журналист и драматург]. После пошли в бар «Кедр». Она вернулась домой в полночь; я спала... Она легла в кровать, пересказала мне разговоры, в 2 утра попросила меня выключить свет и пошла спать. Я была парализована, я онемела и распухла от слез. Я курила, а она спала.

24/12/1959

Вчера вечером телефонный звонок Якоба [Таубеса (1923—1987)] относительно его разговора с Маркузе в прошлую среду.

У меня есть враг — Филипп.

Мое желание [*СС написала «потребность», затем вычеркнула слово.*] писать связано с моей гомосексуальностью. Идентичность нужна мне как оружие, чтобы противостоять направленному на меня оружию общества.

Это не оправдывает мою гомосексуальность. Но это дает мне — я так думаю — разрешение.

Я только теперь начинаю осознавать, насколько я повинна в своих наклонностях. С Г. я думала, что это меня не волнует, но я лгала себе. Я убеждала других (например, Аннетт [Майклсон]), что мой порок — Г. и что если б не она, я не была бы лесбиянкой или же эта сторона моей натуры проявлялась в меньшей степени.

Я связываю свой страх и чувство вины с Филиппом, с его болтовней на каждом углу, с перспективой еще одного суда об опекунстве

следующим летом. А может быть, он лишь усугубляет эти переживания. Зачем же тогда я продолжаю этот обман с Якобом [Таубесом]?

Лесбийские наклонности делают меня более уязвимой. Они увеличивают мое желание спрятаться, быть невидимой — но я и так всегда его ощущала.

28/12/1959

...До сих пор мне казалось, что единственные люди, которых я могу глубоко чувствовать или по-настоящему любить, — это своего рода двойники или разновидности моего несчастного «я». (Мои интеллектуальные и сексуальные чувства всегда были кровосмесительными.) Теперь же я знаю + люблю человека, который не похож на меня — т. е. она не еврейка, не интеллектуалка нью-йоркского типа, — и не испытываю никакой скованности. Я вполне осознаю «инаковость» И., а также отсутствие биографической или иной общности между нами, но для меня это огромное облегчение.

1960

[Датировано январем 1960 г.]

Cogito ergo est*

3/1/1960

Из воспоминаний Горького о Толстом, Чехове и Андрееве:

«Ницше где-то сказал: “Все писатели всегда лакеи какой-нибудь морали”, Стриндберг — не лакей. Я — лакей, и служу у барыни, которой не верю, не уважаю ее. Да и знаю ли я ее? Пожалуй, нет. Видите, какое дело-то. Очень тяжело и грустно мне, Антон Павлович. А так как и вам не весело живется — не буду говорить об этих тяжелых оковах души».

11/1/1960

Я накрыла положительной пеленой свои негативные чувства...

...Кольридж как философ «Я — Ты»...

...Октава ее грудей.

Стендаль о поведении в обществе или искусстве (?): «Произведите впечатление, затем быстро удалитесь».

Он мне нравится. И я хотела бы любить его. (Или: он мне не нравится. Но мне хотелось бы испытывать к нему приязнь.) Так я дарю ему

* Мыслит, значит существует (лат.).

это чувство. Я подразумеваю, что это дар и одновременно отставка. Однако теперь он верит, что я люблю его. Он пытается обналичить мой чек, а его отказываются принимать.

Я всего лишь хотела быть любезной. Теперь же я превратилась в мошенницу, и он нависает надо мной, гнетет меня.

Мне слишком стыдно признаться ему в том, что чек не обеспечен, что его следует порвать и выбросить. (Я рассчитывала, что он не станет пытаться его обналичить!)

Он требует, чтобы я расплатилась. Я опускаю стальной занавес: перестая отвечать на его звонки и читать письма, перехожу на другую сторону улицы, заведя его.

•

Я: Знаешь, почему тебе кажется, что остаться в живых так сложно? Ты едешь без бензина.

С: Как? А честность — это бензин?

Я: Нет, честность — это запах бензина.

•

Образ, предложенный И.: я ношу нейлоновую кожу. Для того чтобы содержать ее в порядке, требуется много времени + усилий; кроме того, она не слишком мне по размеру, но я боюсь соскрести ее, так как не думаю, что скрывающаяся под ней человеческая кожа может все это вынести.

Мне страшно, говорю я. Я боюсь, что, если подниму веко, это изменит мою жизнь, вынудит меня отказаться от многих вещей. Я не хочу знать о своих подлинных мыслях, если это означает, что я вынуждена

буду «оставить преподавание, отправить Дэвида в сиротский приют, а Ирэн — в “Белую лошадь”». Но И. отвечает: «По правде, все не слишком важно». Я начинаю плакать.

«Лучше обижать людей, чем не быть целостной».

Верить своей коже.

•

Наследие матери:

А. «Лги мне, я слаба» — так она внушила нам, что честность тождественна жестокости. Таким был лейтмотив (снова!) прошедшего августа, когда Джудит восстала против матери, одновременно пребывая в депрессии + я нападала на Джудит за ее честность с матерью, в присутствии их обеих, + мать сказала: «Вот именно».

Б. Ее неспособность причинять боль: сообщать дурные вести, резать по живому — делать то, что делать необходимо. Она звала Розы + уходила в другую комнату, пока все не затихало.

«уходить в другую комнату»:

— мой уход вниз по лестнице [*в доме, где СС жила с Филиппом Риффом по адресу Чонси-стрит, 29, Кембридж, шт. Массачусетс*] в комнату Дэвида + Розы, где я легла на кровать, зажав уши, пока Филипп говорил с доктором о результатах «кроличьего теста»* (лето 1954-го).

* Предполагается один из первых тестов на беременность, разработанный в 1927 г. Б. Цондеком и З. Ашхаймом.

— как я вынудила И. позвонить Г. (+ сама пошла в гостиную, пока она говорила по телефону) тем субботним вечером, когда я пришла с Дэвидом на Томпсон-стрит.

Что ни говори, но моя жизнь, мои поступки показывают, что я не любила истину, не желала истины.

•

Якоб [Таубес]: замечательная работа [Гершома] Шолема о Лурианской каббале. Он видит в ней отклик на великую испанскую катастрофу, а также богословскую схватку с идеей Изгнания, отчуждения.

Сегодня в богословии или литературе отсутствует должное осознание великих событий нашего времени. За шесть миллионов долг не уплачен, из Катастрофы невозможно вывести Государство Израиль, которое позволяет Бен-Гуриону играть в политические игры.

•

И. говорит, что гнусность Г. — это не честность; это гнусность. Человек честный честен всегда, а не только в тех случаях, когда может себе это позволить. Г. раскованна и несдержанна в выражении гнусных чувств. Но она не честна.

13/1/1960

...Может потребоваться пять лет, прежде чем я пойму, почему мне не нравится отвечать на телефонные звонки...

...Так много уровней, на которых я понимаю суть телефонного узла...

...Да еще современный язык, с его простецким словарем самоанализа, помогает мне жить на поверхности себя самой. Можно сказать, что

я робкая; или невротичка; или чувствительна к варварскому нарушению приватности, отождествляемому с телефоном. (Такова теория Вульфа Шпитцера, которую он развивал в доме Хелен Линд вечером третьего дня, когда я поставила перед ними эту задачку.) Отмечаю недостойный внимания «пси-анализ», вроде утверждений: «Моя мать заставляла меня пользоваться телефоном, когда мне было два года» или «Черные телефонные аппараты — это сексуальные символы» и т. д.

•

Прочитать диалог Юстина Мученика с Трифоном-иудеем — II в. от Р. Х. (христианство против иудаизма).

Перечитываю «Анну Каренину».

В течение нескольких столетий до Р.Х. некоторые из греческих храмов служили убежищами, где эмоционально пошатнувшиеся люди могли восстановить душевное равновесие в тихой + спокойной обстановке («терапия средой»).

14/1/1960

Сегодня (по существу, уже вчера, сейчас 1 час ночи) я заглянула по ту сторону Канта. Замечательные семинары, последние в семестре. Я испытываю большую нежность к этим ребятам, их человек двенадцать.

1. Кант исходит из верной предпосылки, воспринимая в качестве парадигмы нравственной ситуации состояние конфликта или неопределенности. В частности, конфликт между наклонностями + чувством долга.

Здесь он в центре проблемы: сравните с Аристотелем, который

занимается нравственной философией, пытаясь сообщить нам формулу характера добродетельного человека и типы поведения, ему приличествующие. (Рассматривает, скорее, типы поведения, а не конкретные решения данного человека.)

2. Посему категорический императив бесполезен.

3. Исцелить, сделать целым.

21/1/1960

Я редко думаю — разве что когда говорю. Вот почему я говорю так много.

По этой же причине я не пишу.

•

Альфред [Честер] утверждает, что я необычайно бестактна. — Но это не потому, что я недобрая, не потому, что мне хочется обижать людей. В действительности мне очень тяжело быть недоброй — ранить людей. (*Икс*) Дело, скорее всего, в том, что я безгласна, бесчувственна. Это говорила Г., Джудит, теперь — Альфред. И. не говорит этого, так как не знает, насколько я безгласна; она думает, что я отдаю себе отчет в своих поступках, что я просто жестокая.

Икс: ощущение связанности, принуждения со стороны другого. Но вы не в силах освободиться, вы хотите, чтобы вас освободил этот другой. Отсюда стервозность *икс-типа* в долговременных отношениях, хотя в краткосрочной перспективе *икс* отождествляем с теплотой + покладистостью.

Икс в романе на одну ночь или в телефонном разговоре: неспособность сказать «нет».

Икс связан с чувством стыда. *Икс* = позыв стать таким, каким хочет тебя видеть другой.

•

Вдохновение приходит ко мне в виде мучительной тревоги.

[*Дальше в тетради, среди чистых страниц, обнаружился клочок бумаги со словами:*] Блейк: жизнь + «тонкая пелена плоти на кровати желания».

[*Без даты, но, вероятнее всего, вторая половина января 1960 г.*]

Купить:

Дж. У. Аллен, «История политической мысли в XVI веке» («Метьюэн», 3-е изд., 1951)

Г. Н. Кларк, «Семнадцатый век» (изд. Оксфордского университета, 1931)

Дж. М. Тревельян, «Блиндхайм: Англия при королеве Анне» («Лонгмен», 1931)

И. М. Тильяр, «Елизаветинская картина мира» («Чатто», 1948)

У. У. Фаулер, «Религиозный опыт римлян» (1911)

Дени де Ружмон, «Любовь и Западный мир» [*Последнее название в списке зачеркнуто, возможно, после того, как книга была куплена.*]

Р. Брифф, «Матери»

Кальвин, «Институты христианской религии» (в 2-х тт.)

Э. Д. Уайт, «История войны науки с богословием в христианском мире» (в 2-х тт., 1896)

М. Мюррей, «Культеведьм в Западной Европе»

Б. Малиновский, «Секс и подавление в обществе дикарей»
Вестермарк, «Происхождение и развитие нравственных идей»
(в 2-х тт.)

Хобхаус, «Мораль в процессе эволюции»

Андерс Нигрен, «Агапе и эрос»

Карл Барт, «Церковная догматика» (в 3-х тт.)

Макс Вебер, «Иудаизм в древности» (изд. «Фри пресс»)
[*Название зачеркнуто, возможно, после покупки книги.*]

М. Левенталь, «Евреи в Германии» (1936)

Теодор Гастер, «Феспис: ритуал, миф и драма на Древнем Ближнем Востоке»

Марголис и Маркс, «История еврейского народа»

Герт и Миллз, «От Макса Вебера» [*Название зачеркнуто, возможно, после покупки книги.*]

Шодем, «Еврейский мистицизм» [*также вычеркнуто из списка.*]

[Без указания даты; вероятнее всего, конец января 1960 г.]

Американизмы: держать в курсе; чуящий; упакованный

Сленг: шизануться; трахаться

[Без указания даты; вероятнее всего, конец января 1960 г.]

Ей бы хотелось думать, что я не существую. Я, сказала она мне вчера, олицетворяю для нее латынь, иностранщину, хороший вкус, сексуальную искушенность, необразованный ум (это неверно, так как, согласно словарю, образование — это развитие характера + мыслительных способностей наряду с систематическим обучением).

Сегодня, после того как я вынудила ее частично обнажить шарикоподшипник, таящий власть над подобными вещами, она меня оттолкнула. Я зову ее + она приходит + начинает любить меня. Мне так безумно этого хочется, но как мне убедить себя, обманом, будто ей тоже когда-то этого хотелось, — я и не стала себя обманывать. Ирэн объяснила, что ей никогда и не хотелось этого больше, чем теперь. Доказательство, оргазм. Но разве Ирэн не знала, что не она дала мне его? Что это я вырвала его у нее? Вот как я обманула себя — воспользовавшись в качестве доказательства тем фактом, что она никогда мне его не давала. Она никогда его не давала, + она никогда не давала его мне, я брала его сама. Пока она не решила запретить мне его любой ценой. Случайность ли, что решение это пришлось на окончательный разрыв с Г.? Когда это случилось, она впервые оказалась со мной лицом к лицу, + а потом пришла в ярость от моего присутствия, от вторжения.

[Без указания даты, конец января 1960 г.]

prolepsis — предчувствие, предвосхищение

proicide — убийство своего потомка, особенно до или вскоре после рождения (от *лат.* proles — потомок)

prolix — пространный, многословный, нудный

sedulous — усердный, настойчивый, усидчивый, кропотливый
мятеж (неудача) по сравнению с революцией (успех)

•

«Прошлое и настоящее», № 15 (апрель 1959 г.): Норман Бирнбаум,
«Цвинглианская революция в Цюрихе»

•

мифическое / героическое

•

прочитать: Буш, «Наука и [английская] поэзия»; Вордсворт, «Прогулка»: в книге IV проводится связь между греческим политеизмом и религией природы.

Английский научно-фантастический роман 1880 г. «Флатландия» [роман Э. Эббота] (изд. «Дувр»).

•

Лион — столица французского Сопротивления во время немецкой оккупации.

•

В молодости Вламинк профессионально занимался велосипедными гонками

•

1919 — сентябрьский выпуск «Еврея» (под ред. Мартина Бубера): эссе Дэвида Баумгардта о Йом Кипуре

•

Дж. П. Стерн, «Лихтенберг» (изд. Университета Индианы)

Т. Адорно, «Аспекты философии Гегеля» (Франкфурт-на-Майне, 1957)

Для Д.: Пантеоновское издание «Сказок братьев Grimm» (Н.-Й., 1944) с вступлением Джозефа Кэмпбелла

•

[Круг чтения для курса по социологии религии, который СС должна была вести в весеннем семестре 1960 г. вместе с Якобом Таубесом]

- 1) Послания ап. Павла
- 2) Линдси и т. д.: дух / харизма и закон / институты
- 3) «Христианство и христианский мир» (С[ёрен] К[ьеркегор])
- 4) Сом + Вебер

•

29/1/1960

Вонючее общежитие души

Важно стать *менее* интересным. Меньше говорить, больше повторять, экономить мысли для сочинительства.

•

удовольствие от трагедии состоит в самоубийстве по доверенности

[Без указания даты; вероятнее всего, конец января 1960 г.]

Серия рассказов (а-ля «Рассказы о браке» Стриндберга).

- 1 искупительный брак
- 2 война полов
- 3 второй брак
- 4 нарушение классовых границ
- 5 донжуанство
- 6 брак, разрушенный вследствие гомосексуальной связи одного из супругов
- 7 письмо моему мужу (отушедшей жены)

Заметки о браке

Брак + вся семейная жизнь — это дисциплина, зачастую уподобляемая (в восточном православии) монашеству. И в том, и в другом случае происходит сглаживание острых углов личности, как у камушков, столетиями омываемых одними волнами, стирающих друг друга в гольши.

[Без указания даты, вероятнее всего — конец января 1960 г.; после странного и вполне академичного по духу рассуждения о пороке и добродетели, опущенного в настоящей публикации, СС записывает нижеследующий парафраз цитаты из Ницше]

Не будьте добрыми. Доброта — не добродетель. Она вредна для людей, к которым вы добры. Это все равно что относиться к ним, как к низшим и т. д.

•

Элегантное зло Оксфорда

Тема Готорна: изоляция и сопричастие

Йейтс, Брехт, Лорка

Канон, репертуар

Экзистенциалистская тема поиска подлинной идентичности

Рамон Сендер был (во время Гражданской войны [в Испании]) издателем блистательной либеральной мадридской газеты «Эль-Соль».

•

...Лицо главного героя в немом кино — акцент на глаза; теперь — на рот.

Нет теперь прежних кадров крупным планом — лица, всматривающегося в зрительный зал, искушающего, молящего и т. п. [Теперь] на экране один персонаж смотрит на другого

И.: благодаря живописи я начала понимать ценность деструктивности

•

столько же уровней секса, сколько уровней интеллекта

[*Без указания даты; вероятнее всего, начало февраля 1960 г.*]

случайный (adventitious) [*В дневнике слово заключено в рамку.*]

Не люблю писателей, которые не замечают странности, вошедшей в современную жизнь с появлением Бомбы.

50-е

Сол Беллоу: «Оги Марч» — беззаветное принятие американского образа жизни; склонная к самопоучению фигура, вышедшая из американской толпы

Ральф Эллисон

Болдуин

[Герберт] Гоулд

Альгрэн

Маламуд

Примирение с реальностью американского опыта

В прошлом году:

Томас Бергер, «Сумасшедший в Берлине» — роман

Альфред Гросман, «Акробат признается» — оглушительно знакомый, по-ястребиному зоркий взгляд на мелочи жизни еврейского среднего класса, пародия на американский литературный или телевизионный стиль

Грейс Пейли, «Мелкие неприятности у мужчин» — рассказы

Филип Рот, «Прощай, Коламбус» — рассказы

Столичные писатели

Еврейские

Взбалмошная поэтическая проза

50-е: Сол Беллоу

4/2/1960

Платонический взгляд на Канта правилен. Я поняла это сегодня утром во время своей лекции о Декарте в [колледже] С[ары] [Лоуренс].

Истина как соответствие фактам означает, что модель истины подносится как *информация*.

Истинно, что:

«На улице дождь».

«Кабул — столица Афганистана».

+ эти утверждения верны, потому что так *есть*, Кабул *есть* столица Афганистана. Самоанализ никогда не позволит вам вывести эти постулаты.

А что насчет:

« $2 + 2 = 4$ »

«Непозволительно причинять страдания детям».

7/2/1960

И. утверждает, что в *икс* кроется причина того, что я не в состоянии говорить с двумя людьми одновременно (всегда сосредоточиваюсь на одном) и что я вытесняю из разговора посторонних — даже безобидных чужаков, например официантов, — когда нахожусь в обществе другого...

...*Икс* порождается моим чувством, что всякий человек, с которым я нахожусь, должен быть всецело моим.

Так с каждым человеком я предаю всех остальных. Потом я испытываю чувство вины, мои счета снова спутаны...

...Моя мать никогда на сердилась на меня, только обижалась. (Слава богу, я сама не поступаю так с Дэвидом.) И. говорит, что так же вела себя ее мать, хотя и в менее выраженной форме. Мать Г. вечно пребывала в состоянии громкой, истерической ярости — возможно, поэтому *она* не испытывает *икс*.

Я ощущала *икс* в Чикаго. Поэтому в общежитии я не отвечала на звонки в дверь, + у меня был код, который я сообщила только Шелдон и Е.

У меня развились *икс-отношения* с колледжем Св. Анны [Оксфорд].

В отношении Филиппа у меня не было *икс*. Потому что я старалась максимально полно удовлетворять его желания, потому что я не обсуждала его ни с кем, потому что он *был* № 1.

[Без указания даты; вероятно, середина февраля 1960 г.]

«Творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых».
«Федр», 245*

[Без указания даты; вероятно, середина февраля 1960 г.]

Завихрения в голове — длящиеся целый день разговоры с отсутствующей любовницей, импульсы, фантазии.

18/2/1960

По большому счету мы с И. больше не общаемся. Вот мы уже утомлены, мы знаем, что все сказано или, по крайней мере, что слов больше, чем дел (что наши поступки в долгу у нашей болтовни). Осадок неприязни накапливается, и кажется, что отведенный взгляд — это признак хороших манер.

Помню, когда мне впервые пришлось испытать это с Ф., примерно через два месяца после замужества. Первая ссора стала шоком

* Перевод А.Н. Егунова.

(в «Мидуэй Дрексел» — из-за того, что я бросила грязные носки в шкаф; помню, как я рыдала, читая, спустя неделю или чуть позже, о ссорах героев в «Прекрасных и проклятых»). Все стало хуже, когда мы перестали мириться. Поссорившись, мы бывали подавлены и молчаливы, не разговаривали друг с другом; потом один из нас прерывал молчание, чтобы объяснить, попросить прощения или возобновить обвинительные речи; ссора прекращалась, когда мы, отбросив обиду, сожалели о случившемся, плакали, любили друг друга. Но потом началось другое — мы ссорились, + ссоры затягивались. День или два длилось тягостное молчание — или даже всего лишь вечер, — а затем, незаметно, рутина + будничные обязанности (течение жизни, полностью разделенной на двоих, т. е. покупка продуктов + смена постельного белья и поиск парной туфли) побуждали нас говорить, проявлять дружелюбие, и вот механизм смазан, но ссора не отменена, а только притушена, по обоюдному согласию.

То же произошло между И. и мной. Не потому, что мы любим друг друга меньше (?), но потому, что каждая из нас воспринимает пределы другой более плотными, более смутными.

Сколько можно жаловаться на одно и то же?

•

Прочитав, две недели назад, недавние записи в дневнике И., я ощутила то же, что чувствовала, когда читала дневник Г. Дело не в том, что обо мне высказываются резко и с разочарованием. Встревал меня, скорее, образ меня самой, читающей ее записи, вечно выравнивающей стрелку своего компаса по тому, что думают обо мне другие.

•

(Таубес)

Аристотель и Гегель:

Гегель совместим с христианством, Аристотель — нет.

У Гегеля предусмотрена возможность изменения («Скачки»); у Аристотеля — естественный рост, возрастающая человечность, достижение природной цели. У Гегеля присутствуют *время, свобода, история* — ничего этого нет у Аристотеля. Гегель типичен для *современной* философии.

•

прочитать:

Ортега-и-Гассет, «Этюды о любви» («Меридиан»)

в первой части — критика книги Стендаля о любви (доктрина кристаллизации), эгоизм, «интеллектуальный анализ» — очевидно, что Стендаль никогда не любил.

вторая часть: леди Гамильтон. Что такого было в этой скрытной женщине? Отчего ее любило столько знаменитых мужчин?

19/2/1960

(И.)

Под словами «быть пассивной» подразумеваются две вещи. Подвергаться воздействию. Не реагировать. Это совершенно разные понятия. В первом случае можно быть «активной» (?)

Альфред утверждает, что годы, которые он провел сексуально активным, таили обман. Чувствует, что в сексуальном плане он ослаб, что его член стал менее чувствительным. Так же как все его тело.

Кто получает больше удовольствия, большой палец или рот? Рот. Почему?

9:30 [вечер]

И. ушла час назад. Уже через мгновение после ее ухода (а я с грохотом захлопнула за ней дверь) и до настоящей минуты я озадаченно размышляла, почему не сказала ей: «Не уходи, прошу тебя» (на это она не могла согласиться) или «Прошу тебя остаться, нам надо поговорить» (Дэвид как раз готовился ко сну). Но я не сказала ничего подобного. Во мне был только лишь огромный гнев на нее — гнев, который можно испытать к человеку, только что заявившему, что он собирается причинить вам чудовищную боль.

Кроме того, я спешно подыскивала себе оправдания — я еще болею, у меня тяжелая депрессия + меня немного пугают выделения, Дэвид тоже болен + он находился в соседней комнате, в любую минуту мог позвонить телефон. Но это все неважно. Сложно принять то, что И. подвержена ошибкам, неуравновешенна, вкратце (как глупо это звучит), — несовершенна... То, что она моя «бедная девочка», так же как я — ее, как все девочки друг для друга.

Причина, по которой мне редко [*написано вместо зачеркнутого «никогда»*] удастся утешить ее, когда она подавлена, и никогда не удастся ее умиротворить, если она гневается на меня, состоит в том, что я исхожу из предпосылки о ее заведомой правоте. А если она права, ей *надлежит* быть сильнее.

Если она сердится на меня, то все, что я знаю [*зачеркнуто «чувствую»*], — это мысль о собственном проступке + она меня наказывает. Кто посмеет упрашивать или задабривать человека, отмеряющего заслуженную кару?

Кроме того, мысль о том, что она когда-либо скажет нечто, скрывающее ее подлинные намерения, или что мне нужно истолковывать то, что она говорит, пытаться понять ее — вполне чужда ее образу в моем восприятии.

Может быть, отчасти поэтому мне было так больно прочитать в ее заметках, что с самого начала она порою подвергала сомнению свою любовь ко мне.

Вряд ли мне делает честь то, что я *никогда* не подвергала сомнению ее любовь, что я думала, будто это ниспосланное чудо.

Мне *следовало* подвергнуть ее сомнению. Но мне хотелось одного — решать и действовать. Я всегда слишком поспешно заявляю о своих чувствах и упражняю их.

...Вспоминаю, как в первую неделю я все спрашивала ее (хотя в действительности не сомневалась в ответе), любит ли она меня и как она меня любит, будто ее чувство с самого начала служило эталоном для нас обеих. Любопытно, но так это, в известном смысле, и было.

Когда она уходила в прошлый раз — в ноябре, — я думала, что у меня случится инфаркт. Теперь я исписываю страницу каракулями. Предел обретается в бесчувственности, вызванной трехмесячной схваткой между нами.

Я сказала ей сегодня вечером, что она вечно ставит меня в положение извиняющейся.

Она посоветовала мне почитать руководство по сексу.

Так сложно избавиться от мысли, что она не должна [*«сердиться на меня» — вычеркнуто*] ощущать себя обиженной, потому что *она* сильнее! Как будто она совершала огромную ошибку + воспринимала меня как равную.

•

12:00

И., должно быть, думает сейчас, стоит ли ей возвращаться домой (в этот дом, который она никогда не называла домом). Может быть, она уже решила не возвращаться.

В наших отношениях так много патовых ситуаций: эта квартира, наш общий дом; секс; Дэвид; работа.

Почему я не попросила ее отказаться от квартиры в центре? Почему она не стала искать квартиру побольше? Почему мы не сходили туда + не забрали ее вещи? Наши разговоры об этом и даже мысленные попытки принять соответствующее решение напоминают мне о том, как Ф. и я часто говорили о необходимости двойной контрацепции + о возобновлении половой жизни. Этого не случилось — мы ничего не *сделали* ради этого, пустые разговоры. Следовало бы догадаться.

...Насколько настоящее обескураживает, настолько реально прошлое. С какой свежестью И. сохранила в памяти наше прошлое, столько подробностей, которые забыла я, хотя и я помню немало. В каждой семье есть один историк отношений: у нас с Ф. хранителем была я; с И. — помнит она...

[Без указания даты, февраль 1960 г.]

В Америке существует культ популярности — желание всем нравиться, даже тем людям, которые не нравятся тебе

[Без указания даты, февраль 1960 г.]

Икс, вот бедствие.

Икс — это когда вы ощущаете себя объектом, а не субъектом. Когда вы стремитесь сделать другим приятное или произвести на них впечатление, говоря слова, которые им хочется слышать, или эпатировать их, или похваливаясь + называя громкие имена, или стараясь быть «классным».

Америка — это страна, в исключительной степени ориентированная на *икс*. *Икс* можно ограничить правилами классового + полового поведения, каковые в Америке определены более смутно.

Бестактность, нескромность — в отношении как себя самого, так и других (два этих качества часто сопутствуют друг другу), — это классический симптом *икс*. Вечером третьего дня Альфред указал на это в «Белой лошади». (Это первый случай, когда И. и я говорили об *икс* с посторонним.) В этом смысле Альфред похож на меня. В Альфреде целые глыбы *икс*!

Сколько раз я говорила людям, что Перл Казин была «главной» любовницей Дилана Томаса? Что Норман Мейлер устраивает оргии? Что [Ф. О.] Матхессен — гомосексуалист? Все это, конечно, общеизвестно, но кто я, черт возьми, такая, чтобы болтать о сексуальных наклонностях других?

Сколько раз я поносила себя за эту привычку, которая в оскорбительности лишь немного уступает привычке бросаться именами (сколько раз я говорила об Аллене Гинзберге в прошлом году, в редакции «Комментария»?) Да еще моя привычка критиковать людей, если меня провоцирует на это собеседник. Например, критика Якоба [Таубеса] в разговорах с Мартином Гринбергом, с Хелен Линд [*социолог и социальный философ, 1896—1982*] (в более мягком ключе, но это потому, что она задала такой тон), с Мортоном Уайтом много лет назад и т. д.

Я всегда предавала людей друг другу. Неудивительно, что я всегда с такой надменностью и осмотрительностью использую слово «друг»!

•

Люди, обладающие гордостью [*в рукописи последнее слово обведено рамкой*], не возбуждают в нас *икс*. Они ни о чем нас не просят. Мы не думаем о том, как бы их не обидеть. Они с самого начала ставят себя вне нашей убогой игры.

Гордость — тайное оружие против *икс*. Гордость, *икс-цид*.

...Если не считать анализа, насмешливости и т. д., то как мне излечиться от *икс*?

И. говорит, что полезен самоанализ. Коль скоро именно мой разум увлек меня в яму, то и вытаскивать себя из нее мне предстоит посредством разума.

Однако подлинный результат состоит в перемене чувства. Точнее, в новых взаимоотношениях между чувствами и разумом.

Источник икс: я не знаю собственных чувств.

Я не знаю своих подлинных чувств и поэтому ожидаю, чтобы о них мне рассказали другие (другой). Затем этот другой человек говорит, какими, согласно его желанию, должны быть мои чувства. Меня это устраивает, так как я в любом случае не знаю, каковы мои чувства, я люблю угождать и тому подобное.

•

Впервые я осознала, что не знаю собственных чувств, в Париже, вследствие разногласий с Г. относительно кинофильмов:

«Канал» [Анджея Вайды] (мне понравился, ей — нет)

«Лето с Моникой» [Ингмара Бергмана] (мне не понравился, ей — да)

«Белые ночи» [Висконти] — относительно персонажа Марии Шелл, к которой она и Аннетт [Майклсон] испытывали отвращение

Нет, я не ждала, пока о фильме выскажутся остальные. Я незамедлительно высказывала свое мнение, когда меня спрашивали. Но потом, услышав мнение Г. + Хана («Канал»), Г. и Сэма («Моника»), Г. и Аннетт («Белые ночи»), я понимала, что они правы + а я — нет, и попросту не находила веских доводов в защиту своего мнения.

•

Как узнать о своих чувствах?

Не уверена, что сейчас мне известно хоть одно из них. Я слишком занята, подпирая и собирая их вместе.

•

Вспоминаю, как меня поразило (+ вызвало чувство собственного превосходства), когда однажды в Париже Г. сказала, что не знает, была ли она когда-либо влюблена. Я не могла понять, о чем она говорит. Я сказала, что со мной такого никогда не происходило. Конечно, нет. Так как для меня влюбленность равнозначна решению: я влюблена + мне нужно держаться за это чувство, то есть я всегда хорошо осведомлена.

•

Не знаю, каковы мои подлинные чувства. Вот почему меня так интересует философия морали; она говорит мне, каким надлежит быть моим чувствам (или, по меньшей мере, обращает меня к ним). Зачем тревожиться о просеивании сырой руды, рассуждаю я, если вы знаете, как напрямую получить высококачественный металл?

...Почему я не знаю своих чувств? Неужели я не слушаю? Или я выключена? Неужто у каждого человека нет естественных реакций на *все* вокруг? (Ф., бывало, приводил меня в ярость, потому что не реагировал на очень многое — ему было все равно, на каком стуле сидеть, на какой фильм пойти, что заказать из меню.)

...Почему нас не трогает, когда другие относятся к нам *по-иксовски*? Так, не презираю ли я преждевременно лысеющего молодого человека в факультетской столовой, испускающего *икс* во все стороны? Не презирала ли я Якоба [Таубеса] за попытки быть очаровательным, за то, что в прошлый четверг вечером он сказал Альфреду и Ирэн, что он, мол, однажды попытается побыть «голубым»?

Помню, как страстно я восхищалась Наумом Глетцером — тем, как он, во время той или иной факультетской вечеринки в Брандейсе, мог сказать, что уйдет, к примеру, в десять вечера и, ровно в десять поднявшись с места, уходил, даже если кто-то возражал. Впрочем, обычно никто не возражал, хотя бы потому, что у него был вид человека, который делает то, что ему хочется, который намеревается поступить так, а не иначе, *которого совсем не тревожит соблазн поступить иначе.*

В этом секрет. Тогда никто и не сможет вас соблазнить.

Вспоминаю, как Ф. + я обсуждали манеру Наума уходить с вечеринок и как однажды, в доме у Наума, я сказала хозяину, что восхищаюсь этим его качеством. Он лишь слегка улыбнулся в ответ, не сказав ни слова.

Так прекрасен и лишен *икс-чувства* был он с нами, хотя, по-видимому, так исполнен *икс* в отношениях с администрацией Брандейса.

[Без указания даты, но, несомненно, февраль 1960 г. В это время СС подробно записывала события каждого дня. Ниже приводится несколько характерных выдержек.]

Суббота:

Проснулась в 7

Музей [современного искусства] в 10:30

И. пришла в 1:00, кофе + ланч: [фильм] «Неприятности в раю»

4:30 — 5:00 кофе с И.; разговор; она со мной в такси, когда я еду за Дэвидом на 118-ю улицу

Высадили И. на 79-й улице — она идет встречаться с Альфредом Честером

Я кормлю Д. + кладу его в кровать. Звонил А. — уговаривал меня пойти на вечеринку

Читаю «Лиснер» — звонили Дж., Г. — выхожу в 9:30

Такси на 14-ю улицу — покупаю билеты на фильм [авангардистского кинорежиссера] Кеннета Энгера и вечеринку Пиранделло — удаляюсь — Таймс-сквер

Фильм с Бардо — дома в 4:00 [утра]

Воскресенье:

Проснулась в 7:00 — ярость

Позвонила А[льфреду] в 9:00

Джек забрал нас в 9:15

Завтрак в «Рамплмейер»

Прогулка по Центральному парку

Отель «Пьер» с Джеком + Анной + 2 друзьями (Джек и Г.)

На такси к Альфреду

Ланч с И. + А. в «Бочче»

Дневной спектакль отменили — И. и я отправились в «Коммонс»

Наш разговор

Мы вернулись к Альфреду в 6:45.

И. звонит по телефону Энн — мы все спускаемся, И., А. + Дэвид + я идем в «Пиццу у Фрэнка»

Встречаемся с И. в 8:00 на Хадсон-стрит — идем в кино в «Театр Карнеги-холл»

10:30 — такси домой, укладываю Дэвида спать — И. голодна — секс — молчание — сон

Воскресенье [*спустя неделю*]:

Депрессия, вялость

Приняла бензедрин в 5:00

Такси до Вашингтон-сквер в 6:00 на встречу с А.

Обед в «Пицце у Фрэнка»

После обеда кофе в «Реджжо» [кафе в Гринвич-Виллидж]

Среда:

Я устала

Городской колледж Нью-Йорка — занятия успешные

Позвонила И. в 11:00 — сказать, что вернусь домой в полдень

Такси домой

Я ложусь с ней в кровать — мы занимаемся сексом — я не могу кончить — она говорит, что удивляется тому, что до сих пор хранит мне верность

Она приходит в Городской колледж Нью-Йорка в 3:15 (я опоздала)

Мы возвращаемся на такси, едим в кубинском ресторане —

«Ассошиэйтед» [супермаркет]

Д. ждет меня

Я иду к Перл Казин — ее нет — приходит Перл + И. идет в кино — мы встречаемся в израильском кафе в 12:30

Секс — я не могу кончить

Вторник:

Истощение

Дэвида нет дома

И. встала — я рыдаю: она говорит, что у нее обед с Энн Моррисетт [писательницей и драматургом] — глаза у нее пустые, ни намек на *икс*, она наполняет ванну водой — меня распирает, я тихо вою,

рыдаю, выхожу, иду до машины Хелен Линд, припаркованной на 72-й улице, и плачу —

Доезжаю до [колледжа] С[ары] Л[оуренс]

Еще одна лекция об истине

Я позвонила И. в студию в 12:00 — [встреча со] студентом (Микаэлем Келленбергом) в 12:45

Лекция Тейлора в 1:00

Я одолжила \$10 у Питера Рида

2 коллоквиума (2—4) о Сартре, дурной вере, *иис*

Такси, поезд, такси домой

Горечь + снова обида — Дэвид возвращается спустя минуту — я звоню И., чтобы она шла домой, — она говорит, что скоро придет, — я пытаюсь уснуть, Дэвид читает в кровати — И. звонит в дверь в 6:30 — Д. + я идем вниз — касса в «Ассошиэйтед» — сэндвичи

Такси до «Маргариты» — А. ведет Д. вверх

Семинар Якоба [Таубеса] о Гегеле (7:10)

Такси на 100-ю улицу — И. говорит со своей матерью — грязные шутки — гуава + сыр

Такси домой

Дэвид — в кровать

Я переодеваюсь в брюки

Такси до катка. — А. там нет

«Коффи милл» — разговор о философии + мое «вожделение»

Такси домой

Я занимаюсь любовью с И., ей не хочется, сама с собой

21/2/1960

Я сказала И. вчера вечером, что чем меньше я занимаюсь сексом, тем меньше мне этого хочется. (Как невероятно то, что произошло с нами обеими.) Правда ли это. Или же дело в том, что, когда у меня возникает внутренний запрет на секс и я отказываюсь от него, мне не хочется возобновлять его, по крайней мере некоторое время.

[Без указания даты; вероятнее всего, весна 1960 г.]

...Я никогда не осознавала, насколько у меня плохая осанка. Так было всегда; я никогда не держалась прямо, если не считать поры беременности.

Дело не только в том, что у меня покатые плечи + сутулая спина, но и в том, что голова у меня «вылезает вперед».

Такая осанка развилась, когда я пыталась плавать «естественно». Я держала голову слишком глубоко в воде, и если я просто поворачивала голову, рот мой по-прежнему находился под водой, и я не могла

дышать. Чтобы сделать вдох, мне приходилось выгибать назад шею + поднимать голову + что и погубило мой кроль.

•

Чарлз Ингл, «Последние воды» (изд. «Липпинкот») — роман

•

«Блэквел»

Брод-стрит

Оксфорд

«Абердин»

13-я ул. + 4-е авеню. Скидка 25% на новые книги

59-я + Мэдисон

«Гандан» — фр[анцузская] периодика

•

Прочитать:

Кьеркегор о концепции иронии (этому посвящена его диссертация, 1841)

Дьердь Кепеш, «Новые горизонты в искусстве и науке» (Чикаго, П. Теобальд, 1956)

Э. Геллнер, «Слова и вещи» (1959) 21 / [цена: двадцать один шиллинг]

Д. Крук, «Три традиции морального мышления» (1959) 30/

Гатри, «Орфей и древнегреческая религия: исследование орфического течения»

Пауль Тиллих, «Теология культуры» (Оксфорд, 1959)

Гюнтер Андерс, «Кафка» 10 / 6

[*Вычеркнуто в дневнике, возможно, после покупки книги*] Ганс Йонас,
«Гностицизм» («Бикон», 1958)

Д'Арси [Вентворт] Томпсон, «О росте и форме» (1952)

25/2/1960

Пока мы сидим и беседуем на кухне, И. кладет руку на мою правую грудь. (Я рассказываю ей о Науме Глетцере.) Я умолкаю, улыбаюсь + говорю, что это меня отвлекает. *Икс*, говорит она. Ты чувствуешь себя обязанной отреагировать. А иначе продолжила бы говорить.

Присущее мне мышление библиотекаря: неспособность что-либо выбросить, мнение, что все предметы (особенно с начертанными на них словами) «интересны» + достойны хранения.

- копирование слов (например, на французском)
- вырезки из английских еженедельников
- удовольствие от покупки и упорядочивания книг

28/2/1960

«Зоологическая история» Альби содержит мучительную разработку темы *икс*. Мужчина (Питер) сидит на скамейке в парке и читает. Приходит Джерри + говорит: мне хочется с вами поговорить — если только вы не предпочитаете читать книгу. Что ж, Питер как раз хочет читать, но говорит — «Нет, ну что вы» + откладывает книгу.

Икс-ситуации:

- (а) Я села к накрытому для ланча столу с Айкеном, Уиллисом Дони и др., хотя мне следовало заехать за Джойс Карр (с Ф.) в 10:00 и отвезти ее в аэропорт
- (б) Тот вечер в Париже («Монокль» и т. д.) с Аланом Блумом
- (в) То, что я позволила Генри Попкину поцеловать себя

29/2/1960

Снова мысли об *икс*:

Икс — вот причина того, что я лгу по привычке. Моя ложь — это то, что хотят слышать от меня другие, так мне кажется.

Я испытываю *икс-чувство* к [колледжу] Сары Лоуренс, так же как в прошлом году испытывала его в отношении «Комментария». Почему? Потому что я чувствую, что не выполнила своих обязательств. Я была непунктуальной, часто неподготовленной и т. д.

Впрочем, обратите внимание: это правда. Я пропустила занятие в прошлый четверг. Я не выполняю своих обязательств. Я никогда не готовлюсь к вторичным лекциям. В четверг я всегда прихожу после полудня, хотя контракт предписывает мне являться в 10:00. Правда, мне это сходит с рук, но мое отношение к самому месту становится испорченным, инфицированным.

Может быть, людям, склонным испытывать *икс*, вообще *свойственна* безответственность?

Не в том ли дело, что я не различаю полутонов между рабочим следованием принципу ответственности и страусиной

безответственностью? Все или ничего — принцип, верностью которому я так горжусь в своей любовной жизни!

Все, что я презираю в себе, суть проявления *икс*: нравственная трусость, обман, несдержанность в отношении себя + других, при творство, пассивность.

И. говорит, что не может понять, как человек способен подписать контракт, связать себя обязательством — например, работой — на год. Я сказала, что не понимаю, как человеку удастся оставить то или иное занятие, выпутаться.

•

И. говорит, что я не удовлетворяю ее «на первом уровне». (Там, где располагаются еда, секс, интеллект — но не романтичность.) Она сказала, что Г. тоже ее не удовлетворяла. Вот Мег — другое дело; с ее стороны было слабостью любить человека, которого она не могла уважать.

И. говорит, что надо мной властвует мой собственный семейный образ — я как дочь своей матери.

•

Икс — это «дурная вера» Сартра.

7/3/1960

Следует отличать «истину в себе» от «истины для нас». Истинно, что, во-первых, шел снег, и, во-вторых, Арон Нолан добавил молока в чашку кофе, которую принес мне. Однако истина для нас,

например отношения между И. и мной, это не инвентарь событий, слов и поступков. Это — интерпретация, *прозрение*.

...Существуют степени «истины для нас».

Какой тонкий инструмент — язык.

8/3/1960

Через Бензедрина, неизбежно просачивающееся влияние Ирэн, д-р Пурушотам [*индийский ученый, приглашенный Якобом Таубесом читать лекции в Колумбийском университете*]

Лекции об этике Спинозы на прошлой неделе и сегодня утром, длительное (еще с октября месяца) размышление о Канте, вчерашняя мысль о разнице между «истиной в себе» и «истиной для нас».

9/3/1960

Сон в ночь на четверг об актере Келти:

В тот день я прочитала имя Джерома Келти на театральной полосе «Всемирного телеграфа» [*нью-йоркская газета того времени*].

В Городском колледже Нью-Йорка у меня есть студент Килти, который говорит мне, что его фамилия произносится — Келти. (Я думаю об этом *во сне*.)

И. говорит, что его зовут мистер Гилти*.

Я расползаюсь во все стороны, хотя и лежу в своем кресле.

* Игра слов, от *англ.* guilty — виноватый.

Мои ноги в проходе.

Потом, после окончания спектакля, я нахожу под сиденьем несколько носков.

12/3/1960

Путь к преодолению *икс* — это ощущать себя (быть) активной, а не пассивной. Я испытываю мучительную тревогу, когда раздается телефонный звонок — следовательно, я не подхожу к телефону или прошу кого-нибудь ответить. Выход не в том, чтобы заставлять себя брать трубку. Нужно самой звонить по телефону.

И. — хамка: эпизод со стаканом на кухне сегодня вечером. Я испытала к ней ненависть.

В прошедшие выходные чаша переполнилась, и потекла рекой ярость + неприязнь. Такой поток сложно остановить. Вчера ночью в мигренозном полусне я сказала: «Я ненавижу твой разум». Это неправда. Я ненавижу ее.

Пассивность прошедших трех месяцев нарушена. Но теперь во мне пространство холода + ярости.

И. отходит, зыбится. Для того ли, чтобы «лишить меня реакции»? Ни извинений, ни оправданий. Только одно: «Я сделала это — так мне захотелось».

Нет такой вещи, как искушение. Искушение — это желание, похотливое устремление подобно всем остальным, разве что о нем мы сожалеем постфактум + хотим повернуть его вспять (или же знаем заранее, что пожалеем о случившемся). Так что не принимаются слова: «Я не

хотела этого делать. Меня попутало + я не могла устоять». Честно сказать только одно: «Я поступила так-то и так-то. Прости меня за это».

Терзаться от обиды — быть пассивной; гневаться — быть активной.

Источник депрессии — подавляемый гнев. (И. говорит, что ее отец, человек бешеного нрава, никогда не испытывал депрессии.)

14/3/1960

Эта неделя — со времени нашей двухдневной разлуки — не принесла ничего. И все же мне кажется, что я не вправе отчаиваться или тем более жаловаться И. Я перед ней в долгу; я должна ей год терпения. Это звучит гадко и отдает *икс*, но это не так — покуда я чувствую себя сильной, любящей и желающей отдавать.

Самую мучительную боль мне причиняет непрестанная эмоциональная бухгалтерия И., то, что она дает оценки нашему прошлому году вместе — она чувствовала себя несчастной, все закончилось провалом. И точка.

Вчера вечером мне подумалось (обед в «Пицце у Фрэнка» с Дэвидом + И. + Альфредом), что я ее потеряла. Как листовку, промелькнувшую перед глазами на Таймс-сквер. Мне хотелось сказать ей об этом. (Многое из того, что произошло в прошлые выходные, пока ускользает от понимания, или я не смею этого понимать.) Я сказала ей сегодня утром. Она промолчала в ответ.

Она меня разлюбила. Она не повернута ко мне лицом, глаза у нее пустые, ей все безразлично.

Мне следовало поверить своим инстинктам в прошлое воскресенье, когда мы вернулись к Альфреду из «Коммонс». (Она лежала на кровати А., пытаясь дозвониться до Энн Моррисетт.)

Может, спросить ее, не хочется ли ей снова побыть одной? Она этого хочет. Но, думается, она не захочет возвращаться. Она хочет, чтобы ее отпустили. В прошлую пятницу я ее отпустила. Потом в воскресенье я исполнила свой номер, и мы воссоединились. Но в действительности это зависело от меня в меньшей степени, чем мне тогда казалось.

20/3/1960

Я верю в дробную нравственность.

Отказ от покупки немецкого автомобиля — это жест солидарности, акт уважения, монумент памяти.

Филипп не любит истину. Думать для него — это защищать собственную волю, свои нравственные отклики на внешние события. Сначала он выстраивает заключения, затем придумывает подпирющие их аргументы. Мышление — это утверждающая сама себя воля, и никаких сюрпризов.

Бен Нельсон [историк и социолог] сказал как-то в феврале: Филиппу не интересна истина.

Разве он не говорил: меня интересует смысл, а не истина.

•

В глазах И. любить кого-то означает разоблачать его. Для меня любить человека означает подпирать его, поддерживать его даже во лжи.

Воля. То обстоятельство, что я наделяю волю самостоятельным бытием, рассекает мою приверженность истине. Насколько я уважаю свою волю (когда моя воля + понимание противостоят друг другу), настолько же я отрицаю свой разум.

А они конфликтуют так часто! Такова основная поза моей жизни, мое основополагающее кантианство.

Неудивительно, что мой разум молчалив + медлителен. По правде, я не верю в свой разум.

Идея воли часто закрывает собой провал между моими словами (я говорю то, что не имею в виду, — или же говорю, не продумав свои чувства) и чувствами.

Так, я пожелала свой брак.

Я пожелала опеку над Дэвидом.

Я пожелала Ирэн.

Замысел: уничтожить волю.

6/5/1960

Банальное замечание В[итгенштейна] в письме Малкольму отражается многократным эхом. Когда такое говорит *он*!

И. ставит мне на вид, что я позволяю — поощряю? — Дэвиду иметь мнение обо всем на свете. (Рыба в Бостоне вкуснее, чем в Сан-Франциско, не следует опускать шторы и проч.)

Мне надоело иметь мнения, мне до смерти надоели разговоры.

8/8/1960

Я должна помочь И. писать. А если при этом я и сама буду писать, то это прекратит бесплодное времяпрепровождение, когда я просто сижу и глазею на нее и умоляю ее снова полюбить меня.

•

Любить больно. Будто дала позволение освежевать себя, зная, что тот, другой, может в любую минуту удалиться с твоей кожей.

14/8/1960

[*Прописными буквами в рукописи:*] МНЕ НЕ СЛЕДУЕТ ДАЖЕ ПЫТАТЬСЯ ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ, ЕСЛИ Я УСТАЛА. МНЕ НУЖНО ВСЕГДА ПОНИМАТЬ, ЧТО В ЭТУ МИНУТУ Я УСТАВШАЯ. НО Я ЭТОГО НЕ ЗНАЮ. Я ЛГУ САМОЙ СЕБЕ. Я НЕ ЗНАЮ СВОИХ ПОДЛИННЫХ ЧУВСТВ.

[*Позже СС приписала*] (До сих пор?)

(1) [Пьеса Ибсена] «Гедда Габлер»: подобно тому как И. отождествляет себя с классическим типом женщины-жертвы ([как в фильме Д. У. Гриффита] «Сломанные побеги»), так я всегда отождествляла себя с леди-стервой, катящейся к самоуничтожению.

Кинозвезды, которые мне нравились: Бетт Дэвис, Джоан Кроуфорд, Кэтрин Хепбёрн, Арлетти, Ида Лупино, Валери Хобсон — особенно в детстве.

Прежде всего эта женщина — леди. Она высокого роста, темноволосая, гордая. Она нервная, беспокойная, разочаровавшаяся во всем, снедаемая скукой. У нее злой язык, и она использует мужчин.

В действительности Гедда [Габлер] — очень пассивная. Она хочет оказаться в ловушке. Она вычеркивает все возможности, и те исчезают. Она стягивает сеть со всех углов, а потом затягивает у себя на шее удавку.

Она молода, поэтому она ждет, пока постареет. Она может выйти замуж, поэтому она ожидает брака. У нее наклонности самоубийцы, поэтому она ждет, пока покончит с собой.

Ее императорские замашки — маскарад.

(2) Гедда — женщина глубоко традиционная. Ее ужасает мысль о скандале. Вся ее кажущаяся неординарность — курение, револьверы — происходит из ее восприятия того, что она может позволить себе как *леди* (как дочь своего отца и т. д.).

•

Гедда хочет, чтобы ей беспрестанно давали основания (поощрения) для жизни. Сама она такие основания найти не может. Всех, кто не дает ей оснований для жизни, она презирает. Презрение — это ее обычное отношение к другим, но ее презрение к самой себе еще острее.

Презрение к себе и тщета. Отстраненность + традиционность.

20/12/1960

Прочитать «Эпитафию маленькому победителю» [роман бразильского писателя Машаду де Ассиса], [*много лет спустя СС написала предисловие к переизданию романа на английском*]; перечитать «Глазами Запада» [Конрада] + Анри де Монтерлана.

Завершить роман [*СС работает над своим первым романом, «Благодетель», главного героя которого зовут Ипполит — «И.» в настоящей дневниковой записи*] буквой из И.? Посвящение?

3/3/1961

Джексон Поллок:

«Мне интересно выражать, а не иллюстрировать свои эмоции».

«Я забросил свою первую картину на стекле, потому что потерял связь с картиной».

«Я стремлюсь к тому, чтобы не улучшать самого себя на картине, у которой собственная жизнь».

•

Актерская студия

Западная 44-я ул., 432

(белое здание)

между 9 + 10 авеню

1-й этаж

•

Источник *икс*:

человек не слишком мне нравится

может быть, мне никто никогда не нравился

Мигрень:

1. «Я такая хорошая, а мне больно»
2. «Мне больно, так что утешьте меня»

развивается после того, как без жалоб *перенес* некое разочарование, неприятности

Мои подавленные чувства просачиваются наружу... медленно

В форме неприязни и недовольства

Длительная утечка недовольства

Тем не менее без сильного чувства, готового в любую минуту подпитать мою неприязнь, эта последняя лишена хребта. Она принимает форму обращения к другому человеку с *просьбой* расчистить конюшни

Во мне сражаются две фундаментальные потребности:

потребность в одобрении со стороны других

страх других

Мои упреки — это всегда *противодействие*, а не действие. Это упреки, обращенные к другому, в ответ на упреки в мой адрес!

Я дарю другим такую свободу, в которой отказываю себе. Свободу выражать свои мысли, быть тем, кто они есть (потому что они «не

могут по-другому»). Единственные вещи, на которые я позволяю себе сердиться, — это:

предательство и обман

отказ помочь мне

14/4/1961

Я — нехороший человек.

Говори это 20 раз на дню.

Я — нехороший человек. Простите, так вышло.

Упреки их не ранят.

23/4/1961

Еще того лучше.

Скажи: «Кто ты, черт побери, такой?»

23/4/1961

Проблема эмоций — это, в сущности, проблема дренажа.

Эмоциональная жизнь — это сложная ассенизационная система.

Нужно срать ежедневно, или система закупоривается.

Необходимо 28 лет дростания, чтобы перебороть 28 лет запора.

Эмоциональный запор послужил источником «панцирного характера» рейха.

С чего начать? Психоанализ гласит: с инвентаризации дерьма. Оно тает под неотрывным и, в конечном счете, юмористическим взглядом.

•

Дренаж посредством крика? Устраивать разнос? Ломать вещи? Это последнее — излюбленная фантазия Сьюзен Таубес. Но это не срабатывает, если объект *осознается* как символический.

Моя проблема как писателя состоит в том, чтобы не быть полностью вне действия (как с фрау Андерс) или внутри с Ипполитом. [*Подразумеваются персонажи романа СС «Благодетель».*]

•

Относительно Кассирера, т. II [*Эрнст Кассирер — немецкий философ и историк философии, бежал из Германии в США. В рассматриваемое время преподавал в Колумбийском университете*]: пространство восприятия (подразумеваемое в мифологическом мышлении) по сравнению с метрическим пространством науки.

Пространство восприятия — это пространство содержания, обнимающее фундаментальные различия между левым + правым, верхом + низом. Метрическое пространство — чистое, бесцветное, равномерное, лишенное акцентов, пустое.

В современности искажение чувствительности вызвано тем, что мы по-прежнему ощущаем пространство через восприятие, но перестали верить в достоверность нашего восприятия — опыта.

Не существует примитивного мышления (относительно пространства, времени, инфекций и т. д.), которое можно было бы назвать отличным от современного (научного, рационального) способа понимания.

«Примитивный» способ смотреть, испытывать — это и есть человеческий, естественный способ.

Научный способ искусственен — это порождение абстракции. Мы не верим в него, то есть не испытываем его.

Только теперь нас учат / понуждают поверить, что естественный способ опытного познания + восприятия — это *обман*, а искусственный способ [который не дан нам в переживаниях] — верен. Из этого происходит своеобразная шизофрения чувства.

Наука как форма отчуждения чувствования.

[Одна из тетрадей за 1961 г. содержит только список просмотренных кинофильмов. Промежуток между просмотрами ни разу не превышает четырех дней; в записках помечен один, а нередко два или даже три просмотренных за день фильма. Ниже приведена характерная выборка из этих записей, обнимающая период с 25 марта по 16 апреля.]

25 марта, Музей [современного искусства]

[Гомон] «Семь смертных грехов и Священное писание»
(ок. 1900)

Бен Уилсон, «На запад от закона» (ок. 1927) [в главных ролях] Бен Уилсон, Нева Гербер

Ламберт Хилльер, «Колыбель мужества» (1920)

Уильям С. Харт, «Преступление в Сан-Франциско»; «Руки вверх» [в главной роли] Раймон Гриффит

26 марта, «Эмбасси»

Джон Хьюстон, «Неприкаянные» (1961), автор сценария: Артур Миллер, [в ролях] Мэрилин Монро (Рослин), Кларк Гейбл (Гей), Эли Валлах, Монтгомери Клифт, Тельма Риттер

27 марта, «Мэнор Лэтам»

Йозеф фон Штернберг, «Марокко» (1930), Марлен Дитрих, Гэри Купер, Адольф Менжу

29 марта, «Нью-Йоркер»

Уильям Уэллман, «Враг общества» (1931), Джеймс Кэгни (Том Пауэрс), Эдвард Вудс (Мэтт Дойл), Джин Харлоу (Гвен), Джоан Блонделл (Мэми), Дональд Кук (брат Тома), Лесли Фентон (Натан «Гвозди»)

Стэнли Кубрик, «Тропы славы» (1957), Кирк Дуглас (полковник Дакс), Адольф Менжу (генерал —), Джордж Макреди (генерал —), Ральф Микер (№ 1), Тимоти Кэри (№ 2), Уэйн Моррис (сержант), Эмиль Мейер (священник)

31 марта, «Нью-Йоркер»

Ингмар Бергман, «Улыбки летней ночи» (1955), Улла Якобссон,
Эва Дальбек, Гуннар Бьёрнstrand

Г.В. Пабст, «Последний акт» (1956)

1 апреля, Музей [современного искусства]

Линн Ф. Рейнолдс, «Всадники полынных прерий» [1926], Том
Микс (Ласситер), Уорнер Оланд

3 апреля, «Нью-Йоркер»

Рене Клер, «Большие маневры» (1956), Мишель Морган, Жерар
Филип, Брижит Бардо

[«Уорнер Бразерс»] Ховард Хоукс, «Глубокий сон» (1946), Богарт,
Бэколл

4 апреля, «Нью-Йоркер»

Жак Беккер, «Золотая каска» (1952), Клод Доффен, Симона Синьоре,
Серж Реджани

Майкл Кёртис, «Касабланка» (1942), Ингрид Бергман, Хамфри
Богарт (Рик), Пол Хенрейд, Клод Рейнс, Конрад Фейдт (майор
Штрассер), Сидни Гринстрит, Петер Лорре

5 апреля, «Аполло»

[Жан Бойер] «Нормандская дыра», Брижит Бардо, Бурвиль

Мауро Болоньини, «Влюбленные», Антонелла Луальди, Франко
Интерленги

6 апреля, Музей [современного искусства]

Фридрих Эрмлер, «Обломок империи» (1929), Людмила Семенова,
Яков Гудкин

7 апреля, «Нью-Йоркер»

Лоуренс Оливье, «Генрих V» (1944), Оливье, Эймлер, Дженн,
Ашерсон, Ньютон

Рене Клер, «Призрак едет на запад» (1936), Роберт Донат, Джин
Паркер, Юджин Пэллет

10 апреля, «Нью-Йоркер»

Мервин Лерой, «Я — беглый каторжник» (1932), Пол Муни
(Джеймс Аллен), Гленда Фаррелл, Эдвард Эллис, Престон Фостер,
Хелен Винсон, Ноэль Фрэнсис

[«Уорнер Бразерс»] Джон Хьюстон, «Мальтийский сокол» (194[1]),
Хамфри Богарт, Мэри Астор, Сидни Гринстрит, Петер Лорре

12 апреля, «Синема 16»

Майкл Блэквуд, «Бродвейский экспресс» (18 минут)

Ричард Престон, «Черно-белый бурлеск» (3 минуты)

Дэвид Майерс, «Спроси меня, не говори мне» (22 минуты)

Теренс Макартни-Филгейт, «Конец пути» (30 минут) — Канада

Ральф Хиршорн, «Конец лета» (12 минут)

13 апреля, «Бликер-стрит»

Г. В. Пабст, «Трехгрошовая опера» (1956), Рудольф Форстер (Маки Мессер), Карола Негер (Полли), Фриц Расп (г-н Пичум), Валеска Герт (г-жа Пичум), Лотте Ленья (Дженни)

, «Пау-вау»

14 апреля, «Архив»

«Отчет Гриффита» (Университет Южной Калифорнии)

Престон Стёрджес, «Неверно ваш» (1948), Рекс Гаррисон, Линда Дарнелл, Руди Вали

15 апреля, Гуманитарное общество Колумбийского университета

В. Пудовкин, «Буря над Азией» («Потомок Чингисхана» [1928]),
Инкижинов

16 апреля, «Бикман»

Микеланджело Антониони, «Приключение» (1960), Моника Витти (Клавдия), Габриэле Ферцетти (Сандро), Леа Массари (Анна), Доминик Бланшар (Джулия), Джеймс Эдамс (Коррадо), Ренцо Риччи (отец Анны), Эсмеральда Русполи (Патриция), Лелио Луттацци (Раймондо), Дороти де Поллайоло (Глория Перкинс), Джованни Петруччи (молодой князь)

1/5/1961

Я прошу Ирэн об отстраненности (достаточной для того, чтобы она была мне врачом) и одновременно о совершенной открытости и любви.

Два этих требования противоречат друг другу.

•

Ненависть к критике — это неизбежная реакция человека, не осознающего ответственности за собственные поступки. Такой человек считает все свои поступки вынужденными; они не исходят от него самого. Конечно же, в таком случае всякая критика представляется несправедливой, необоснованной.

Май 1961 [безуказания даты]

Книга — это стена. Я скрываюсь за ней, так что меня никто не видит и я никого не вижу.

Кинокартина — тоже стена. Только за этой стеной я сижу вместе с другими. При этом кинокартина не так универсальна в культурном смысле, как книга, — каковая есть стена, крепость, которую можно превратить и в патроны, чтобы позже стрелять по тем, кто сидит по ту сторону.

•

Жизнь города: жизнь в *комнатах*, где человек сидит или лежит. Личное пространство диктуется расположением мебели. Находясь в гостиной, с другим человеком, можно заниматься только одним (если не любовью — что есть удел спальни): сидеть и беседовать. Жизнь в гостиной навязывает нам разговоры и сужает способность к игре и созерцанию.

Г. заключает: лучше не иметь мебели

II/6/1961

Прочитать «Площадку скольжения» Гэвина Ламберта и «Свет в августе» Фолкнера. Две разновидности пошлого сочинительства

12/6/1961

По поводу «Опасных связей» [Роже] Вадима: совершенная ясность сознания всегда подразумевает активность, то есть управление,

пребывание у руля; пассивность, ощущение беспомощности происходит от трусости перед лицом собственных чувств — значит, от страха последствий

пример: лето 1951 года, не иду в «Амэкско» из страха наткнуться на Г. в присутствии Ф. Я хотела ее видеть, но ежилась от мысли, что Ф. увидит, какая она непривлекательная и мужеподобная (как помнилось мне)!

Мне не хватало смелости любить Г. или отвергнуть Ф. Я страшилась их обоих. «Только по очереди, не все вместе».

(Это справедливо и сегодня, *hélas + mea culpa**)

Эта трусость, беспамятство перед лицом собственных чувств и есть причина того, почему я предаю тех, кого люблю, отказываясь выражать свои чувства

•

Незамутненность, прозрачность = активность, нежелание быть «хорошей», то есть нежелание нравиться каждому

•

Я гноюсь страхами, что мне «не позволят делать то, что мне хочется».

Оттого, что желание мое несильно, я страшусь риска; мне требуется одобрение

Я все еще не знаю, как быть одной, — например, как просидеть одной в кафе в течение часа. (Сейчас я одна и чувствую себя сильной,

* Увы. Моя вина (*фр., лат.*).

ожидая Бобби на улице Комартен. Однако это чувство полноты посещает меня так редко)

Чтобы писать, мне нужна ясность сознания, одиночество, пусть даже И. находится в одной со мной комнате

•

Мои романы [так!] не существуют в моей голове как идеи. Я поняла это, строя планы, делая пометки для них. Они обретают жизнь только в процессе нанесения на бумагу; до того я пуста. Так же как невозможно провести скачки в голове — нужно дождаться выстрела

[Можно предположить, что нижеследующая дневниковая запись без даты, относящаяся к весне—лету 1961 г., содержит заметки СС о романе, оставшемся только в ее планах.]

donnée:

(1) Женщина типа Гедды Габлер	(INTERDIT)
(2) Икс (женщина)	«le Jour de relâche»*
(3) Развалины бывшего дома как музей	«Опасные связи»
(a) elle se veut être lucide**	

Любовник-японец

- (б) elle se veut être sensuoux*** [так!]

сделать Лакло по-английски

* «День отдыха» (фр.).

** Она хочет казаться проницательной (фр.).

*** Она хочет казаться чувственной (фр.).

ни то ни другое

(а) Лаврентийское рапсодическое открытие

(б) Секс (промискуитет) как восстание

классно

[Без указания даты; вероятно, примерно в то же время, что и предыдущая запись.]

Бёрк

принцип повторяющейся формы: постоянное поддержание принципа в новом обличье

•

9 июня

«Вандом», авеню Оперы: Ежи Кавалерович, «Мать Иоанна от ангелов» (1961); «Синематека»: Эрих фон Штрогейм, «Глупые жены»

10 июня

«Голливуд», ул. Комартен: Роже Вадим, «Опасные связи» (1960), Жанна Моро, Жерар Филип, Аннетт Вадим

12 июня

«Студия л'Этуаль», авеню Ваграм: Кэндзи Мидзогути, «Жизнь Ох-ру, куртизанки»

[Еще одна запись, относящаяся к этому периоду.]

Дуарте — португальский король-философ II века?

•

Таргум = перевод Библии на арамейский язык

Талмуд = энциклопедический труд, содержащий обсуждение + толкование иудейского закона согласно Библии и Мишне

Собственно правовые установления именуются *галаха*, не относящиеся к праву — *агада*

Как вавилонский, так и палестинский Талмуд сообщают сведения об общественной жизни евреев со II в. до н. э. по V в. н. э....

•

Хорхе Луис Борхес, «Лабиринт»

•

[Нижеследующая запись относится к встрече с двумя издателями, предположительно в связи с романом «Благодетель».]

Рэндом-хаус

ПЛ 1-2600

Джейсон Эпстайн

Джо Фокс

Среда, 3:30

Букетик лаванды на корсаже

•

КУПИТЬ

Мишель Лейрис, «Возраст мужчины» [*Зачеркнуто, вероятно, после того, как СС купила книгу.*]

Жорж Батай, «История эротизма»

Роберт Майклз, «Сексуальная этика»

Торанс, «Доктрина человека у Кальвина» (Латтерворт)

Гарнак, «Распространение христианства [в первые три века]»

Брукс Адамс, «Теория социальных революций»

Жан Валь, «Защита и расширение философии»

«Спасение в поэтах: Клодель» (Париж, 1959) 292 с.

Гуссерль (Париж, 1959) 2 тома

«Посмертное произведение Гуссерля: Кризис» (Париж, 1959) 17 с.

•

Р. Кайуа, «Поэтическое искусство» (Париж, 1958) 202 с. 2-е изд.

10/8/1961

[Августовский дневник был написан во время путешествия СС в Афины и на остров Гидра в августе 1961 г. Рукопись содержит несколько набросков (краткое описание персонажей; сюжет; несколько больших фрагментов) к сочинению, которое в настоящем дневнике именуется «Откровения Ипполита», а впоследствии стало первым романом СС — «Благодетель».]

несчастливое самодовольство Б. Б.

•

Почему я так презираю себя в своих снах?

Боюсь, что я никогда не пользовалась своим телом. (Мои сны говорят мне об этом...)

13/8/1961

Дэвид никогда не выражает дружелюбия в отношении взрослого человека, если только тот не заговорил с ним первым.

Когда взрослые заговаривают с Дэвидом, я нередко отвечаю за него!!

•

Я никогда не понимала аскетизма. Мне всегда казалось, что он происходит от недостатка чувственности, недостатка жизненных сил. До сих пор я не осознавала, что существует форма аскезы — состоящая в упрощении своих потребностей и стремлении к более активному их удовлетворению, — которая как раз тождественна развитой форме чувственности. Единственный тип чувственности, который был мне понятен, подразумевает любовь к роскоши + комфорту

•

Для того чтобы писать, вы должны позволить себе быть человеком, которым не хотите быть (из всех людей, которые вы есть)

Роль ученых в американской экономике (зависящей от приготовлений к войне) подобна роли кутюрье в мире моды — устанавливать нормы устаревания, чтобы можно было уничтожить *[пропущено]* последних лет.

•

Сочинительство — это прекрасное действие. Оно означает создание чего-то, что принесет людям наслаждение в будущем

16/8/1961

[В контексте дневника две нижеследующие фразы, вероятнее всего, относятся к Ирэн Форнес, хотя это не указано явно.]

Вульгарна, как моя мать. Влюблена во власть, деньги, успех, славу.

•

Когда вещь сломалась или неисправна, мне редко приходит в голову ее починить. Обычно, даже не задумываясь об этом, я пытаюсь пользоваться или смотреть на вещь так, чтобы не замечать изъяна или не приводить в действие неисправную часть.

Ирэн — моя прямая противоположность: возьмем, например, ее реакцию на пишущую машинку (с искривленной [клавишей] «?» и лентой, разматывающейся только в одном направлении), которой я пользовалась всю неделю, а она — только со вчерашнего дня. Напечатав одну строчку, она принялась чинить машинку — и сделала это. Она зафиксировала катушку кусочком бумаги, нашла причину двойного пробела. Я бы все делала вручную —

•

Я знакомлюсь с людьми, обмениваясь с ними карточками. Вы откуда? А вы знаете такого-то и такого-то? («голубого», если человек — «голубой», писателя, если человек — писатель, преподавателя, если мой собеседник — преподаватель и т. д.). Позже следует: вы читали — ? вы видели — ?

23/8/1961

И. сказала, что это ее первый полный оргазм за много месяцев, а потом я все испортила.

Она уплывает, пресытившись, ее терпение на пределе.

Вспоминаю ее предложение третьего дня, что по возвращении в Нью-Йорк она снимет комнату, что мы будем «часто» видеться.

Если у тебя опухоль, то нужна операция, сказала она. Я разрыдалась. Она взяла меня за руку. Но я знаю, что скоро она предложит то же самое.

Я сказала ей сегодня: «Я люблю тебя». Она ответила: «Какое это имеет отношение к делу?»

Сегодня вечером (пока она была в порту) я провела час мастурбируя + изучая свою пизду с помощью зеркала. Я рассказала ей об этом, когда она вернулась. «Что-нибудь обнаружила?» — спросила она. «Нет», — ответила я.

•

ПРЕДВИДЕНИЕ

Не будьте беспечны, когда происходит что-то хорошее. Не нужно думать, что последующие события окажутся столь же благоприятны.

•

Оторвавшись от чтения и отложив книгу, вы помечаете страницу, чтобы продолжить читать с того самого места, где вы остановились. Подобным образом, если вы занимаетесь любовью и вдруг останавливаете себя (чтобы помочиться, снять одежду), нужно с точностью установить, где вы находились, чтобы спустя минуту начать с того же места. А еще необходимо внимательно следить за тем, чтобы все работало, потому что иногда — даже после кратчайшего перерыва — все приходится начинать сначала.

•

И.: Секс — это гипноз. Монотонное поддержание ритма. (Хотя не всякий ритм сексуален.) Ритм на нескольких последовательных скоростях.

•

Прошлое — не меньший сон.

•

Образ: симфонический оркестр без дирижера, фирма без директора, сон без отца

24/8/1961

Никогда не говорить о:

1. Филиппе
2. Моем детстве, школах и т. д.
3. Матери

с Ирэн.

(Приберечь это для клоаки аналитика + о ней [*подразумевается Диана Кемени, психоаналитик, к которой СС начала ходить предыдущей весной*])
не говорить также)

•

И. сказала пару дней назад: «Для меня секс всегда был равнозначен религии».

•

В сексе нет места для вежливости. Вежливость (не деликатность) неразличима по полу.

[*Без указания даты кроме пометки: «Август»*]

[Ранний роман Стендаля] «Арманс» более дискурсивен, но и более стремителен; он менее визуален, менее драматичен, чем более поздние романы XIX в.

Н.В. Мысль мадам де Мальвер о том, что само упоминание о туберкулезе Арманса ускорит течение болезни (гл. 1) — будто «слова воспаляют чувства» — как в «Пармской обители» [Стендаля] (Сансеверино в экипаже).

•

рассказ.

Двое одного пола, причем тезки

Один снедаем завистью (> и презрением) к другому

Зеркальное отображение двух жизней: детство, товарищество, развод, работа, уход с работы, психоаналитик

12/9/1961

[*Приписка на полях: «Поезд Прага—Париж»*]

1. Обойтись без *общих* утверждений о моем собственном характере, вкусах, принципах, вроде: «Я никогда...» или «Я бы не стала...»

То, что отложилось во мне с детства — именно как принципы, а не наклонности или вкусы, — я формулирую следующим образом.

Например: «Я бы не стала вести Дэвида на занятие» или «Я *никогда* не одалживала Г. денег».

Вкусы, черты характера не подлежат обобщениям сами по себе, но всегда проявляются в конкретных ситуациях. Негодование не приходит тогда, когда его не ждешь.

Негодование — верный признак неладного —

Вы не станете говорить: «Я *никогда* не пью кофе с молоком!»

Негодование, общее утверждение должно свидетельствовать обо всех *усилиях*, потребовавшихся для поддержания в человеке того или иного отношения к чему-то. Дело не в том, что некое действие *всегда* противно наклонностям человека (хотя в большинстве случаев это именно так), но, по меньшей мере, в том, что такое отношение к данному действию не растворилось, что его «несут» — как долг, обязанность, что его выполняют как правило. Вы негодуете, когда понимаете, что не все разделяют ваше правило + ваше усилие становится менее ценным, потому что не все его сделали.

2. О деньгах: [запись обрывается]

3. Поддержание чистоты — проблема связана с сексом. Я чувствую себя «готовой для секса» после ванны, но секса не следует; поэтому я с неохотой принимаю ванну — и страшусь ощущения собственной плоти, которое ванна всегда во мне вызывает. (Воспоминание: душ — то, что я сказала Денни, отправляясь на вечеринку в Ниэр-Норт-Сайд [Чикаго] вместе с ней — когда меня попросили уйти).

Притча о смертельной болезни:

Три недели назад ее можно было вылечить двумя таблетками аспирина; две недели назад хватило бы пенициллина; на прошлой неделе — кислородной палатки; на этой неделе — ампутации; на следующей неделе пациент умрет. Глупец тот доктор, кто предложил пенициллин на прошлой неделе! Не правда ли, что он не только не предложил лекарства, но и ускорил течение болезни?

14—15/9/1961

1. Не повторяться
2. Не пытаться быть забавной
3. Меньше улыбаться, меньше говорить. Напротив, и это самое важное, улыбаться только со значением и верить в то, что я говорю + говорить только то, во что я верю
4. Пришить пуговицы (+ зашить себе рот)
5. Попытаться починить неисправные вещи
6. Ежедневно принимать ванну и мыть волосы каждые десять дней. То же для Д.
7. Подумать о том, почему я грызу ногти в кино
8. Не пытаться насмехаться над людьми, не быть вкрадчивой, не подвергать критике взгляды других и т. д. (все это пошло и суетно)

9. Учиться бережливости (та простота, с которой я трачу деньги, ставит меня в зависимость от необходимости зарабатывать столько денег)

[Без даты в записной книжке]

И. права. Я должна от всего отказаться, или у меня желчь будет вместо крови и кожа вместо плоти.

Неважно. Думай о смерти. Не пытайся «выглядеть». Я слишком снисходительна к себе самой: мне ничего не известно о воле.

Думай: «Неважно».

Думай о Блэйке. Он никогда не улыбался попусту, ради других.

Я не владею собой. Я не должна стремиться к владению кем-либо еще; это безнадежно, ведь я так неуклюжа.

Не улыбайся так часто, сиди прямо, принимай ванну каждый день и, самое главное, *не произноси их*, все эти фразы, что вот-вот сорвутся с летайпной ленты языка.

«Не тоскуй» и т. д.

Я должна [зайти] даже *далее*, чем место, где нахожусь теперь, хотя и путь сюда был для меня очень тяжелым.

Опасайся всего, что произносишь часто.

Например, девочка-француженка в поезде:

Она: А вон моя сестра (указывает на сестру, круглое лицо подростка, спит в несуразной позе)

И.: Вот как, это твоя сестра?

Она: Да. Мы не похожи друг на друга, ведь правда?

Подумать только, сколько тысяч раз она, верно, произносила эти слова и какие за ними скрываются чувства — отвердевшие, крепкие, по-лучающие подтверждение каждый раз, как она говорит эту фразу.

[Далее, через много страниц записной книжки, следует запись от 15 сентября 1961 г. с пометкой en avion]*

Мысль о смерти и соизмерение будничных дел с мыслью о том, что я могу умереть сегодня.

Все планы подвергнуты осмеянию.

«Постой... я не закончила...»

Секс — это не затея (в отличие от сочинения книги, карьерного роста, воспитания ребенка). Секс занимает собой каждый день. Здесь нет обещаний, целей, ничего не откладывается. Это не накопление.

Секс — единственное благо, в котором смерть не в силах нас обмануть, после того как мы начали жить половой жизнью. Умереть после года полового счастья не более грустно, чем умереть после тридцати лет наслаждения.

Иными словами, только повторяющиеся действия лишены горького привкуса смерти.

* В самолете (*фр.*).

[Возможно, что нижеследующая запись без даты внесена в тетрадь шестью годами позже (невозможно разобрать дату — 1961 или 1967).]

Несколько лет назад я осознала, что от чтения меня тошнит, что я похожа на алкоголика, у которого жуткое похмелье после каждой попойки. После проведенных в книжном магазине часа или двух я ощущаю онемение, беспокойство, подавленность. Но я не знаю почему. И не могу держаться от книг подальше.

кроме того, это отражается в потребности спать после запойного чтения (особенно если я читала несколько книг одновременно); (раньше я пыталась вывернуть такое желание наизнанку, не понимая, что я чувствую, и читала жадно, держа несколько книг на прикроватном столике — *для того чтобы уснуть*).

Причина, по которой большинство вещей начинают выглядеть лучше после того, как их купили и вынесли из магазина — даже по пути домой, в автобусе, — состоит в том, что их уже начали любить.

(пластиковая кукла, которую девочка-француженка везла в своей сумке в поезде)

«Я люблю людей, которые обнаруживают свои чувства».

ouverte, aimable, spontanée*

Английскому недостает теплоты не в смысле добра, а в смысле плоти.

* Открытая, дружелюбная, внезапная (*фр.*).

[Без даты]

Камю:

Всякий раз, когда человек (когда я) сдаюсь перед своей суетностью, всякий раз, когда человек думает и живет ради того, чтобы «выглядеть», он совершает предательство... Не следует отдавать себя другим — кроме тех, кого любишь. Так как в последнем случае вы вручаете себя не для того, чтобы выглядеть, а только для того, чтобы отдавать. В человеке гораздо больше мощи, если он «выглядит» только тогда, когда должен. Учитывая это, необходимо уметь хранить свою тайну. Я страдал от одиночества, но ради того, чтобы сохранить свою тайну, я поборол муки одиночества. И сегодня я не знаю большей славы, чем жизнь в одиночестве и безвестности.

Писать — мое сокровенное счастье!

Принять мир и наслаждаться им — но лишь в обнаженности.

•

Фонд Генри Беламанна = [премия вручается] ежегодно

Эдит М. Сансом

Директор

Конери-стрит, 1534

Новый Орлеан

Фонд Хантингтона Хартфорда

Рустик-каньон Роуд, 200

Пасифик палисейдс

Калифорния

Стипендии за писательское творчество

Мемориальный трест Юджина Ф. Секстона

\$2500 Без фиксированной даты

На адрес: «Харпер энд бразерс»

49-я Восточная ул., 33

Фонд Джеймса Меррилла

•

купить (в «Ла Юн»)[книжный магазин в Париже]

Мишель Лейрис, «Одержимость и ее театральные аспекты у эфипов Гондэра», 1958

«Человек», «Тетради по этнологии, географии и лингвистике» — новая серия — № 1 в издании Высшей практической школы (6-я секция) и Национального центра научных исследований (Леви-Строс и т. д.).

Издательство Плон

Ул. Гарансьер, 8

Париж, 6-й округ

А. Шефнер, «Прототеатр», изд. «Полифония»

(Париж I, 1947—1948), с. 7—14

А. Жанмэр, «Дионис, история культа Вакха»

(Париж: Пайо, 1951)

•

Ложная эlegantность: «плохо себя чувствовать»

Переход на середине фразы от нарядного «некто» к более удобному «он».

•

19/9/1961

Со мной творится нечто странное. Вчера я пыталась прочитать книжный каталог + не смогла + выбросила. — Я начинаю отличать хорошее от дурного!

То, что существуют тайны (а не только степени неопределенности): вот чего не понимает пуританский дух.

Например, «Сен-Дивин» Жене.

Желание спать в одежде связано с тем, что я не мылась. Вот когда мне хочется спать в одежде.

Похудеть: перемена лица.

Мы празднуем изменения в нашем характере, меняя свою внешность.

Почему этого не делает Г.?

Почему невозможно быть истово верующим христианином и т. д., то есть невозможно верить, что та или иная религия и *есть* носитель истины. Это означало бы, в буквальном смысле, отказывать в гуманизме другим цивилизациям. [*За этим следует незаконченное, вычеркнутое предложение.*] Стоит вам выйти за границы собственной цивилизации, как вы...

[Без даты в дневнике]

послать за книгами:

«Исследования левизны» Куба и т. д.

Том I, № 3

85 центов

Аб. ящик 2121

Медисон-стрит, 5, Висконсин

Книжный магазин «Бонапарт»

Театр, кинофильмы

«Антонен Арто и театр нашего времени» в журнале «Тетради
труппы Рено-Барро»

Кеннет Энгер, «Голливудский Вавилон»

•

Pourquoi aurais-je tué cette femme?

Почему бы я стал убивать эту женщину?

•

М[ать]

«Я достигла стадии, когда...»

«За годы я стала...»

«Посмотрим фактам в лицо...»

Висконти, Форд
Театр де Пари
Ул. Бланш, 15, 8:30

Выставка Гойи
Галерея Гавеа
Ул. Бозэция, 45
Париж VIII
10:00—12:30
14:00—19:00

3/12/1961

Начинаю осознавать «мертвые участки» чувства — говорю, ничего не чувствуя. (Это в корне отличается от отвращения, которое я испытывала к себе самой, когда говорила о том, чего не знала.)

•

Писатель должен объединять в себе четверых людей:

- 1) Псих, одержимый
- 2) Идиот
- 3) Стилист
- 4) Критик

1-й поставляет материал; 2-й выпускает его наружу; 3-й есть вкус; 4-й — разум.

В великом писателе сосуществуют все четыре личины — но хорошим писателем можно стать и тогда, если в вас присутствуют только 1-я и 2-я; они — самые важные.

9/12/1961

Страх старости происходит из осознания того, что человек живет не той жизнью, какой хотел бы. Этот страх тождественен проклятию в адрес настоящего.

1962

[Две следующие записи не содержат указания даты, но, вероятнее всего, относятся к январю или февралю 1962 г.]

Усмешка [романиста и критика] Мэри Маккарти — седина — немодный красный + костюм с синим узором. Сплетни как в дамском клубе. Она и есть [ее роман] «Группа». Она нежна со своим мужем.

•

Я пишу, чтобы очертить свои пределы — акт самосозидания — часть процесса становления — В диалоге с собой, с писателями живыми и мертвыми, которыми я восхищаюсь, с идеальными читателями...

Потому что это приносит мне удовольствие («деятельность»).

Не уверена, что я знаю, какой цели служит мой труд.

Личное спасение — «Письма молодому поэту» Рильке.

7/1/1962

«Проблема цены» для евреев —

Выживание как величайшая ценность, заслуги отождествляются со страданиями, что суть средство.

Христиане целиком заимствуют у евреев (ср. у [св.] Павла) идею ценности страдания. (Но не цель выживания!) Однако отличие в том, что христиане в действительности не прожили эту идею, они не верили в нее — за исключением ранних мучеников и нескольких иноков. Ничто в их

опыте не соответствует этому понятию (тогда как евреи пережили преследования, погромы, антисемитизм и т. д.). Евреи не говорят об этом, а проживают это.

Как если бы ребенок был рожден от аристократических родителей, которые были кузенами, и родители родителей были кузенами, + так на протяжении 40 поколений, + у этого ребенка лейкемия + по шесть пальцев на руках + сифилис. Кто-то говорит ему: «Я думаю, у тебя это оттого, что твои родители были кузенами», + он говорит кому-то еще: «Он просто завидует тому, что я аристократ».

Дух = ясность / безмятежность.

Евреи больше говорят о своих «правах» (нежели о том, чего они хотят).

Неделя с 12 февраля 1962

1. ФОРМАЛЬНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ («пожалуйста», «спасибо», «простите» и т. д.)

Способ не отдавать себя другому человеку.

У Дэвида уже так много от моей церемонно-робкой манеры общения с другими

В. Я говорю «прости», если сделала неуклюжее движение во время секса

С. Я говорю — «Ты меня обидел» — если меня ранили, отвергли и т. д.

Представления матери о китайской семье —

Она всегда жаловалась на отсутствие именно что «УВАЖЕНИЯ» — со стороны отца, Джудит, меня — не на то, что мы ее обижаем или не любим. Мы «оскорбляли» ее

инструмент моей общей *уклончивости*, неспособности быть прямой, заявлять о своих желаниях

как-то я сказала И.: «Я предпочту вежливость честности».

2. ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ СГОВОРЧИВОСТЬ уступчивость

Так что до скрывающегося под уступчивостью упрямства дело не доходит

Объясняет до 80% моей печально известной склонности флиртовать, соблазнять

Я очень гордая — мне так же сложно выразить чувство унижения, как и когда-то гнев > все, что я могу, это отправиться спать

Ср. суд 14 февраля [*когда в суде Манхэттена рассматривалось дело о передаче опеки над Дэвидом Риффом Филиппу Риффу. В результате суда права ФР общаться с ребенком были урезаны. «Лестер», о котором говорится в данной записи, — это Лестер Мигдал, адвокат СС.*]

Я не признаю, что чувствую себя униженной в обществе Лестера, расстроенной оттого, что он, должно быть, испытывает ко мне неприязнь, оттого, что он был холоден со мной по телефону —

Я защищаюсь, сознательно и преждевременно принижая себя. Превзойти отторжение со стороны другого посредством отторжения (презрения) самой себя + сделать это первой + больше. Таким образом я лишаю реакцию ее силы

3. испортить хорошее (естественное, ненамеренное) разговорами:

А. Например, хвалить Д[эвида] всегда (это так редко случается!), когда он очарователен, когда он смеется, вспоминает слова песен

В. Например, объяснять ему ситуацию, *когда* он ее проживает — забивать ему голову фактами

В воскресенье, когда Эрнст мастерил бумажного лебедя, я сказала ему[Дэвиду], что это японская штука, называется оригами...

4. НИКОГДА НЕ ТРЕБОВАТЬ СЧЕТОВ

например, деньги — моя идея (от м[атери]) о том, что они вульгарны

деньги приходят «откуда-то»

я не зарабатываю их, не заслуживаю их. Не может быть справедливого платежа (то есть всякий платеж более *или* менее несправедлив), и один платеж, по существу, не отличается от любого другого

•

О вещах, которые я узнаю о самой себе:

- 1) *Я не обобщаю* — я ступаю шажками — и не пытаюсь исказить сокровенные значения, каковы и производят несколько разл[ичных] типов поведения. Каждая фраза И. — это откровение
- 2) Я должна отличать *ценности* от *позиций*

Невротическая адаптация производит / цепляется за значение, за идеал, который служит ей пропитанием

например, «так хорошо, что больно» > Величайший Еврей-страдалец

Я все еще *ценю* свою мать (Джоан Кроуфорд, дама и т. д.), хотя и понимаю, насколько она неправа, неадекватна...

Утратив невротичность, потеряю ли я бóльшую часть своего очарования?

То, чем я восхищаюсь / чему пытаюсь подражать в Монике Витти ([исполнительнице главной роли в фильме Антониони] «Приключение»), противоположно качествам, которыми я восхищаюсь в Жюльене Сореле [герое романа Стендаля «Красное и черное»].

•

Опыты + упражнения

1. жевание
2. осязание поверхностей, предметов
3. следить за плечами (опускать их)
4. не скрещивать ноги
5. дышать глубже
6. не трогать свое лицо так часто

7. принимать ванну *каждый* день (с этим за последние шесть месяцев уже большой прогресс)
8. посмотреть во вторник вечером «высокомерие — раздражительность — депрессия». Это Якоб [Таубес]. Он заменяет Ф[илиппа] + семинар. Преподавание для меня — это интеллектуальное рукоблудие

3/3/1962

Догмы, которые преподавала мне мать:

- формальная вежливость («пожалуйста», «спасибо», «извините», «прошу прощения», «можно ли мне»)
- всякое распределение внимания вероломно
- «китайская семья»

Для своей матери я не была ребенком — я была ее подданной (подданной, спутницей, подругой, консортом. Я пожертвовала своим детством — своей честностью, — чтобы доставить ей удовольствие). Моя привычка «утаивать» — в силу которой вся моя деятельность и личности кажутся мне несколько нереальными — тождественна моей лояльности в отношении моей матери. Мой интеллектуализм усиливает это качество и служит инструментом отделения меня от моих собственных чувств, в которых я упражняюсь в служении своей матери.

Я думала, что корень этого в страхе — в страхе вырасти, как если бы я, повзрослев, отказалась от единственной уважительной причины, по которой меня не бросают, не перестают обо мне заботиться.

Мне думалось, что именно поэтому я не могу с постоянством (в большей или меньшей степени) отдаваться сексу, работе, материнству и т. д. Ибо это означало бы назвать себя взрослой.

Но, говоря по правде, я никогда и не была ребенком!

Причина, по которой я не хороша в постели (причина того, что в сексе я «не въезжаю»), состоит в том, что *я не вижу себя* человеком, способным удовлетворить другого сексуально. Я не вижу себя раскрепощенной.

Я вижу себя «человеком, который пытается». Я пытаюсь доставить удовольствие, но, конечно, у меня ничего не получается.

Я сама источник своего несчастья, потому что другому ясно, что я стараюсь. За словами: «Я такая хорошая, что мне от этого больно» кроется: «Я пытаюсь быть хорошей. Вы что, не видите, как это тяжело? Будьте со мной терпеливы».

От этого — от стремления к неудаче (только не в сексе) — мои таланты несут мне разочарование. Таким образом, я склонна принижать свои успехи (стипендии, роман, карьеру). В моих глазах они становятся нереальными. Я ощущаю, что хожу в маске, притворяюсь.

•

Моя хваленая невлюбчивость и узость дружеского круга означают: «Гляди, я не изменяла часто. Только когда чувство было всеохватывающим. Но никогда из-за простых чувств, никогда из-за чувства, ради которого я не готова была бы пожертвовать жизнью».

Моя вынужденная моногамия — это:

- 1) копирование моих отношений с собственной матерью — не могу предать, или ты меня оставишь.

Страх

- 2) ты потерял бы для меня важность, если бы я была тебе неверна.

Воля

Гордость [к] упрямство [к] страх

5/3/1962

Я подчиняю секс чувству — в самом акте любви.

Я страшусь безличности секса: я хочу, чтобы со мной говорили, держали меня и т. д.

Травма Г.

№ 1: секс как жесткость, низость. Это меня испугало.

Американское представление о сексе как об учащенном дыхании (страсть). Они показывают, а не делают. Им кажется, что относительно ровное дыхание = меньшей страсти, холодности. (И.)

Кратчайший путь: не называйте секс сексом. Называйте его исследованием (не опытом, не демонстрацией любви) тела другого человека. С каждым разом вы учитесь чему-то новому.

Большинство американцев начинают заниматься любовью так, как если бы собирались выпрыгнуть из окна с закрытыми глазами.

Секс как познавательный акт стал бы, в практическом ключе, полезной для меня установкой, он помог бы мне держать глаза открытыми, воздевать голову — ср. с фантазией И. о проведении или, чаще, претерпевании врачебного осмотра — где задача состоит в том, чтобы как можно дольше *не* показывать сексуальное возбуждение. (Отсутствие сокращений тазовых мышц, учащенного дыхания, слов и т. д.)

Чтобы устранить неравновесность, мне нужно сделать секс познавательным + познание чувственным.

Сьюзен Таубес: секс священен. Рационализация умышленного невежества. (Не оскверняйте тайну подсматриванием.)

3/9/1962

Я сижу на траве у реки. Дэвид играет в мяч с пуэрториканским мальчиком и мужчиной.

Одна, одна, одна. Манекен чреовещателя без чреовещателя. Уставший мозг и душевная боль. Где мир, где центр?

Там, где я лежу, семь разновидностей трав

[Рисунок трав]

одуванчики, белки, желтые цветочки, собачье дерьмо

— я хотела бы мочь быть одной, так чтобы одиночество было пищей, а не только ожиданием.

Ипполит говорит: «Блажен разум, могущий занять себя чем-то помимо предметов собственной неудовлетворенности».

Прошлой ночью мне пригрезился Нат[ан] Глейзер [*в описываемое время Глейзер был коллегой СС в редакции журнала «Комментарий»*]. Он пришел одолжить у меня черное вечернее платье, очень красивое платье, чтобы его подружка могла пойти в нем на вечеринку. Я попыталась помочь ему найти его. Он лег на простую кровать + я села рядом и принялась гладить его по лицу. Кожа его была белой, если не считать участков черной, мшистой бороды. Я спросила, почему у него такое белое лицо + сказала, что ему нужно больше бывать на солнце. Я хотела, чтобы он любил меня, но он не стал.

Энн угнетает меня, Джоан — нет.

Я жду, пока Дэвид вырастет, с таким же нетерпением, как некогда ждала, пока сама закончу школу и повзрослею. Только на этот раз пролетит моя жизнь! Три срока, которые я отсидела: детство, брак, детство моего ребенка.

Я должна изменить свою жизнь, чтобы проживать, а не дожидаться ее. Может быть, мне следует отказаться от Дэвида.

7/9/1962

[*В тетради эта запись следует после записи, датированной 15 сентября 1962 г.*]

Все герои Фрейда — это герои подавления (Моисей, Достоевский, Леонардо); именно так он понимает героичное. Работа — это забава. «Эго» против рыхлого тела. Вот почему он импонирует Филиппу. Мне всегда задают вопрос (вот Энн спросила на неделе), как человек, интересующийся Фрейдом, мог вести себя так, как Филипп. Похоже, никто не читал Фрейда. Конечно, Фрейд с блеском разбирался в мотивах — чего не скажешь о профессоре Риффе, — но он (Фрейд) был

великим рыцарем саморазрушающей «героической» воли. Созданный им психоанализ — это наука снисхождения к телу, к инстинктам, к природной жизни — в лучшем случае.

12/9/1962

Преждевременная сговорчивость, уступчивость, так что до скрывающегося под ней упрямства дело не доходит, объясняет до 80% моей печально известной склонности флиртовать, соблазнять

15/9/1962, 1:15 ночи

Я уверена, что в эту самую минуту И. находится с кем-то в постели. Мои внутренности обжигает кипятком.

Мучительная тревога прошлой ночью, мне казалось, что у меня развивается пневмония. Мексиканский ресторан + Мехико. И. пишет в своем вчерашнем, безумном и претенциозном письме: «Мне нечем дышать».

Разодрала желтое платье.

•

Женская сексуальность: два типа, отвечающий + начинающий. Весь секс одновременно активен (динамо-машина внутри тебя) + пассивен (капитуляция).

Опасливые мысли, что подумают люди, — а не природный темперамент — вынуждают большинство женщин полагаться на то, что их захотят, прежде чем они захотят сами.

Любовь как вовлечение, вовлекаться. Я должна этому противостоять. Должно чувствоваться напряжение в ладони, как говорит учитель танцев. Хромой не получает сигналов.

Пытайся думать о разлуке [с Ирэн] как о таком напряжении. Так чтобы я могла получать и посылать — сигналы... Чтобы отсекал альтернативы: «Отчаяние — меня отвергли» или «В пизду ее».

В современном обществе каждый должен выбирать то, что его «кормит» [*слова «заниматься тем» вычеркнуты*] — тело должно обеднять разум + наоборот. Если только человеку с самого начала не сопутствовали везение или ум — но это не мой случай. На что израсходовать свои жизненные силы? На книги или на секс, на честолубие или любовь, тревогу или чувственность? Совмещать невозможно. Даже и не следует думать о внешнем случае, который позволит мне под конец все вернуть.

Нечто пошлое, отвратительное, малодушное, проникнутое ненавистью к жизни, снобистское в чувствованиях Генри Джеймса + Пруста. Блеск денег, грязь секса.

Можно быть либо внешним (Гомер, Толстой), либо внутренним (Кафка) писателем. Мир или безумие. Гомер + Толстой предпочитают фигуративизм — они изображают мир с величественным милосердием, воздерживаясь от суждений. Или же необходимо откупорить свое безумие. Первое — гораздо выше. Я могу быть писателем только второго рода.

20/9/1962

Разум — это шлюха.

Для меня чтение — это тайный запас, накопление, задел на будущее, латание дыр в настоящем. Секс и еда — это занятия совершенно иного рода, удовольствия сами по себе, служащие настоящему, а не прошлому или будущему. Я ничего от них не жду, даже памяти.

Память — это тест. То, что человек хочет запомнить, — во время совершения действия или переживания — извращено.

Сочинительство — это другое дело, оно свободно от подобных ограничений. Оно испускает. Выплачивает долг памяти.

Эротические фантазии о потере автономности:

рабыня
врачебный осмотр
шлюха
изнасилование

[Без даты, осень 1962 г.]

...Терзаема призраками нерожденных младенцев, чьи зачатки с надеждой развивались в ее утробе, месяц за месяцем, только для того, чтобы остаться пятнами на гигиенических салфетках + быть бесцеремонно спущены в туалет.

[Без даты, осень 1962 г.]

Книги

Ориген, «Против Цельса»

Причард, «Древние ближневосточные тексты»

Морган, «Путь индуиста»

Хейзинга, «Осень средневековья»

Нортрон Фрай, «Анатомия критицизма»

Корнфорд, «Неписаная философия»

Джейн Харрисон, «Фемида»

Джордж Томсон, «Исследования древнегреческого общества»
(Западная 13-я улица, коммунистический книжный [*здесь, предположительно, куплена книга*])

Ж. Ле Бра, «Этюды по [религиозной] социологии» (Париж: ПЮФ)

Мюррей, «Политические последствия реформации»

Гиббон, «История упадка и падения [Римской империи]»

Тиллих, «Толк[ование] истории»

16/10/1962

[*Отдельный лист, найденный среди бумаг СС*]

Сентиментальность. Инерция эмоций. Они не легкие, не плавающие. Я сентиментальна. Я цепляюсь за свои эмоциональные состояния. Или это они цепляются за меня?

Хотела бы я думать, что И. просто принимает меня как данность. Невероятный отказ от интимности в ее письмах, редкие штрихи снисходительной нежности.

Ни одного «я скучаю по тебе», ни слова изнутри.

Однако я не могу объяснить это ничем, кроме как полным распадом, безболезненным таянием всякого чувства ко мне. Все черты подведены. *Tiemmi, tiemmi** [Данте, «Чистилице», Песнь XXXI].

Мне казалось, что ключом владеет И., и только она. Что вся моя сексуальность привязана к ней. Теперь я знаю, что, в техническом смысле, это не так. Тем не менее я не верю в реальность кого-либо еще.

Я не верю, что она вернется ко мне. Уходящие никогда не возвращаются.

— Как же я лгу в своих письмах к ней! Мне хочется, чтобы она верила в то, что я безмятежна и исполнена надежды, — мое последнее колдовство в надежде вернуть ее.

* Держи меня, держи меня (*ит.*).

26/3/1963

Возлюби *истину* больше, чем стремление к *благу*.

Вопроси: высвечивает ли этот человек во мне нечто благое? Но не вопрошай: красив ли этот человек, добр ли он, ценен ли?

[Ниже следующие записи датированы апрелем 1963 г., сделаны в Пуэрто-Рико и состоят из десяти вырванных из блокнота и скрепленных друг с другом листов]

Взгляд — это оружие. Я боюсь (стыжусь?) использовать свое оружие.

«Женщинам-романистам не хватает исполнительской мощи» (сказал накануне вечером [профессор английской словесности Колумбийского университета] Стивен Маркус) — у них иное отношение к собственному «эго». Торжество эмоциональности.

Ненавижу быть одной, потому что в одиночестве я чувствую себя десятилетним ребенком. (Робкой, неуверенной в себе, неловкой, охваченной сомнениями о позволительности того или иного действия.) Когда я в обществе другого человека, я заимствую у этого другого статус взрослого + самоуверенность.

Здесь, в гостинице, нынче утром: — как мне справиться по телефону, который час; разрешается ли брать полотенца из ванной на пляж; можно ли обналичить собственный банковский чек и т. д.

Два сновидения вчера ночью:

— мужчина (мой муж — безумец?) пытается убить себя — отворяет трубы — заливают дом водой (бетонные блоки) — я бегу с ребенком на пригорок, хочу спастись — он следует за нами, обманывает меня, уводит ребенка вниз, где они оба погибают.

— студент изобличает меня (относительно [*пропущено*] и т. д.) в классе. (Г-н Молл Уолл?) Не могу понять, почему он так меня ненавидит. Ни один человек в классе не встал на мою сторону. Все начинается, когда он играет на гармонике (очень красиво) — я начинаю говорить, приказываю ему остановиться, но он не слушает. Я сержусь + иду к нему + забираю гармонику. Возвращаюсь на свое место. Он вытаскивает еще одну гармонику. Я говорю, что поставлю ему двойку. Затем начинает говорить он.

В другом классе (К[олумбия]-К[олледж]) тоже мятеж. Я говорю нечто умеренно критическое об Америке — внезапно все студенты достают квадратные листочки бумаги + поджигают их. (Аудитория небольшого размера.) Полная тишина. Я останавливаюсь. Затем понимаю, что это декларация, знак, заговор. Все они (четыре пятых, говорю я позже) — члены студенческой фашистской организации. Я приговорена.

Остаток сна проходит в присутственных местах, где я ожидаю декана, чтобы объясниться. Нахожу Фрисса. Затем он превращается в старуху — он (она) занят, должен идти домой, но остается со мной, пока я жду. Я объясняю, насколько я изумлена. За все годы преподавания такого не случалось ни разу — а тут дважды за один день. Я решаю, что соглашусь... когда мне было шестнадцать, но ничего больше.

•

Не могу понять, почему я отправилась в эту поездку, разве только в надежде, что пребывание в несчастье несет благо — будто я могла бы истощить бо́льшую часть своего несчастья + так чтобы осталось одно удовольствие. Мрачное уныние и растерянность были во мне каждую минуту, и ничто не могло развлечь меня. Как болезнь. Не перестаю жалеть о том, что не взяла с собой Дэвида.

Одна из ужасных вещей в отношениях между И. + мной — это непрекращающееся словесное сведение счетов. Каждый разговор — свежая рана: оправдание + противоположное оправдание; объяснение + противоположное объяснение. Вот, например, мои пристрастия в кинематографе — свежая рана, свежая обида.

Девиз Соичиро Хонды, главы всемирно известной компании по производству мотоциклов: «Скорость — право человека».

Мечта о безумии: утратить способность вступать в контакт с другими. Освобождение и отпущение посредством безумия.

Оглушенность + сонливость с тех пор, как я здесь, — более суток. Вот «подлинная я», безжизненная. Та, от которой я пытаюсь спастись в обществе других людей. Слизень. Та, что спит, а проснувшись, постоянно испытывает чувство голода. Та, что не любит мыться или плавать и не умеет танцевать. Та, что ходит в кино. Та, что грызет ногти. Зовите ее Сью.

Две взаимоисключающие вещи, которые высветила во мне К. [*по-друга и, в течение некоторого времени, любовница СС*]: жизнелюбие в контрасте с отсутствием такового; страх того, что недостаток жизненных сил заразен. Оба чувства отвратительны (каждое зависит, питается другим).

Почему я не пытаюсь держать под контролем отношения с И.? То есть почему я не делаю этого осознанно? Не скрывать или уклоняться, а просто улучшить наши отношения. Я даже не пытаюсь! Вместо этого я пускаю все в свободное плавание и даже провоцирую разговоры, которые нас злят. «Как Альфред? О чем вы с ним говорили?» и т. д. После четырех лет связи мне следовало бы знать, где заложены мины. А я и знаю. Но я ленива и склонна к саморазрушению.

Отвращение, которое я питаю к манипулированию, к восприятию себя в роли человека, осознанно осуществляющего контроль, — вот источник *икс*. *Икс* = желание поместить себя под защиту другого. В качестве авансового платежа за эту защиту я предлагаю свою дружелюбную беспомощность.

Работа = пребывание в миру

Любить, быть любимым = ценить мир (но не быть в миру)

Нелюбимый, нелюбящий = считающий мир безвкусным, неодушевленным

Любить — значит дорожить, предпочитать нечто в наивысшей степени. Но это не состояние бытия

•

[*СС записывает кириллицей фамилии Ленина и Сталина, не сопровождая их комментариями.*]

•

[Нижеследующие записи — без указания даты за исключением пометки «Вечер воскресенья» — бесспорно относятся к пуэрториканскому дневнику.]

Тоска по Ирэн в последние два дня — из чего она соткана? Из чувства утраты; разочарования; злости? Из этого? И если из этого, только ли из этого? Я ощущаю ее непроницаемость — я не в силах ее ухватить. Она уклоняется, избегает меня — но мне по-прежнему ее не хватает. Ее суждения обо мне подобны шипу, наконецнику стрелы, крючку. Я корчусь. Я хочу вырваться + хочу, чтобы она втянула меня в себя, всё вместе.

Во-первых, следует сохранять спокойствие. История с Альфредом отравляет воздух, потому что я позволяю этому случиться. Если бы я могла быть щедрой (+ не столь взыскательной), мне было бы все равно — потому ли, что Ирэн была бы мне безразлична или, наоборот, небезразлична.

Так или иначе, мне не следует возражать ей.

Что сжигает меня в ее словах? Упрек в отсутствии светской жизни. Она говорит, что, находясь со мной, ей хочется работать каждый вечер. То есть ездить в центр города в свой социальный клуб.

Ненавижу разговоры И. Не выношу, что она вечно строит планы + выполняет лишь 1/10 от запланированного. Не выношу, что она по полтора часа сидит в ванне. Не потому, что презираю леность, или потому, что я нечистоплотна, но потому, что это не вяжется с ее мужественностью + напряженностью. Не выношу, как она настаивает на том, чтобы я ее слушала.

10/4/1963

Быть с двумя, не отвергая ни одну из них (не превращая одну из них в зрителя)! Почему я не могу этого сделать? [*Вероятно, СС раздумывает о своих отношениях с Ирэн Форнес и К.*]

Откуда происходит истерия — штурмовые вылазки вопросов? Отчаянная попытка вступить в общение?

Дело не в том, что я хочу предотвратить их общение. Мне было бы легче, если бы они встретились. Тем не менее я делаю все, чтобы это оказалось невозможным.

Всегда с другой — только с одной. Это проявляется в том, что я пишу. Без сцен на троих —

Мне так стыдно. Мне хочется укрыться.

[*Без даты, 1963 г.*]

Взгляд — более интимный (деятельный), чем любовное объятие, потому что в нем нет места для сдержанности; жест слишком компактен

•

Чудовищно выхолощенный стиль Г[енри]Д[жеймса]

•

Долгая сладострастная агония нерешительности (каждая боль знает, как найти свое удовольствие!).

«Забава» — американский заменитель удовольствия

8/8/1963

страх остаться одной
нет утешения, тепла, успокоения —
холодный мир — нечего делать

тревога нарастает, когда я ложусь
встать
принять ванну

утрата, утрата, утрата
жизнь как полет в режиме ожидания

мои внутренности пусты

Что произойдет после ухода Дэвида?

сегодня вечером я хотела сесть в поезд, так далеко: ПОБЕГ

боюсь ухватиться, боюсь отпустить

продолжающийся обман > вина > тревога

...

Почему все пошло наперекосяк? Как выбраться из этого месива?

...Сделай что-нибудь
Сделай что-нибудь
Сделай что-нибудь

29/8/1963

Французский в сравнении с английским

1. слова, относящиеся к *métiers** [например, различные ремесленные инструменты и т. д.] не вовлечены в общеупотребительный язык
2. меньше слов — английский язык сродни сиаемским близнецам, здесь все удваивается
3. словарь более абстрактен, меньше конкретных слов, в частности меньше глаголов (меньше глаголов действия)
4. декларативный стиль
5. менее употребительны метафоры
6. меньше слов для обозначения непосредственных состояний чувства

Во французском языке одно слово следует за другим с большей очевидностью — меньше пространства для выбора.

[Без указания даты, но почти наверняка сентябрь 1963 г.]

Мои [художественные] сочинения всегда о разъятии — «я» и «оно».

Проблема ответственности — об этом с иронией говорится в «Благодетеле». Ипполит безмятежно утверждает, что несет ответствен-

* Ремеслам (*фр.*).

ность за свои поступки, но он явно подвержен мрачным мыслям — больше, чем готов это признавать...

•

«Благодетель» + 2 рассказа — это размышления о разобщающих свершившихся фактах, их опасностях + преимуществах.

[Жану] можно позавидовать. Он не утрачивает себя, но обнимает в себе мир.

Опять же это объясняется противопоставлением «я» и «оно».

В том, что я написала, нет *людей*. Только призраки.

[*Запись без указания даты, конец 1963 г.*]

Интеллектуальный экстаз, который доступен мне с раннего детства. Но ведь это лишь экстаз.

Интеллектуальный «голод» подобен острому половому влечению.

Сьюзен Сонтаг
Заново рожденная

Издатели:
Александр Иванов
Михаил Котомин
Выпускающий редактор:
Полина Канюкова
Оформление:
textandpictures
Корректор:
Виктория Рябцева
Компьютерная верстка:
Марина Гришина

Все новости издательства
Ad Marginem на сайте: www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книг издательства Ad Marginem
обращайтесь по телефону: (499) 763-35-95
sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»
105082, Москва, Переведеновский пер., д. 18
тел./факс: (499) 763-35-95
e-mail: info@admarginem.ru

Отпечатано BALTO print
www.baltoprint.ru
www.balto.lt